

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Нысанбек У.М.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенов К.С..

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати
и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей
ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения
авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «Іргетас».
г. Алматы, проспект Абая, 10.
тел. 72-19-72

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2004.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№1 (27), 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Тукумов Е.В. Модернизация как детерминанта развития религиозно-политического экстремизма в странах современного исламского мира	3
Галямова В.Ф. Этнический сепаратизм в Синьцзяне: состояние проблемы и перспективы	9
Жумашиева И.К. Перспективы развития Организации «Центрально-Азиатское Сотрудничество» (ЦАС)	15
Тыртыкаева А.С. Внутривнутриполитическая ситуация в Грузии на современном этапе	19
Артыкбаев М.Т. К вопросу об этапах интеграции центральноазиатских государств	25

ЭКОНОМИКА

Гусева Л.Ю., Дмитриенко Т.А., Намазбеков М.Н. Современные тенденции развития мировой экономики, ведущих стран и государств СНГ	30
Карибджанов Е.С. Становление и развитие ТНК как решающего фактора глобализации	39
Алагузов Р.Ж. Зарубежный опыт инновационной политики: уроки для Казахстана	44
Алиев У.Ж., Избембетова Ж.Д. Оценка современного состояния и возможные пути развития отрасли черной металлургии	49
Айгожина С.А. Проблемы формирования и развития экспортного зернового потенциала Республики Казахстан	55

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Тайжанов А. Демократия и социальное неравенство: Казахстан сквозь призму западной социологии	61
Азимбаев А.К. Борьба с коррупцией: мировой опыт и Казахстан	64
Буканова Ж. Регионализация и этнополитика (по материалам Восточно-Казахстанской области)	74
Сыдыкова А.У. Методика научного исследования траффика людей	80

РЕЦЕНЗИИ

Лаумулин М.Т. Thinking Strategically: the Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus. Ed. by R.Legvold	88
---	----

SUMMARY	95
---------------	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	99
---------------------------	----

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

<i>Ye. V. Tukumov.</i> Modernization as a determinant of religious political extremism development in modern Islamic world	3
<i>V.F. Galyamova.</i> Ethnic separatism in Xingjiang: state of problem and perspectives	9
<i>I.K. Zhumasheva.</i> Prospects of development of Central Asian Cooperation Organization	15
<i>A.S. Tyrtkayeva.</i> Internal political situation in Georgia at the present stage	19
<i>M.T. Artykbayev.</i> To the issue of stages of Central Asian states' integration	25

ECONOMY

<i>L.Y. Gusseva, T.A. Dmitriyenko, M.N. Numazbekov.</i> Modern trends of the world, leading countries', and the CIS states' economic development	30
<i>Y.S. Karibdzhanov.</i> Formation and development of multinational corporations as decisive factors of globalization	39
<i>R.Z. Alaguzov.</i> Foreign experience of innovation policy: lessons for Kazakhstan	44
<i>U.Zh. Aliyev, Zh.D. Izembetova.</i> Evaluation of modern state of ferrous metallurgy and possible ways of its development	49
<i>S.A. Aigoshina.</i> Problems of grain export potential formation and development in the Republic of Kazakhstan	55

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

<i>A. Taizhanov.</i> Democracy and social inequality: Kazakhstan in the list of western sociology	61
<i>A.K. Azimbayev.</i> Combating corruption: the world experience and Kazakhstan	64
<i>Z. Bakanova.</i> Regionalization and ethnopolitics (on materials from East Kazakhstan oblast)	74
<i>A.U. Sydykova.</i> Method of human trafficking scientific investigation	80

REVIEWS

<i>M.T. Laumulin.</i> Thinking Strategically: the Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus. Ed. by R.Legvold	88
---	----

SUMMARY	95
---------------	----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	99
-------------------------------------	----

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА РАЗВИТИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В СТРАНАХ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО МИРА

Тукумов Е.В.

Процессы модернизации традиционных мусульманских обществ, безусловно, выступили в качестве ведущего фактора в распространении исламского религиозно-политического экстремизма в современном мире. Наблюдаемые в настоящее время серьезные экономические системные кризисы и политические конфликты, охватившие исламский мир, в большинстве случаев вытекают из социально-экономической дисгармонии, порожденной форсированным и в целом неуспешным процессом модернизации по западной модели индустриально-потребительского развития. Существующие острые социальные, экономические, экологические и прочие проблемы во многих странах исламского мира, прежде всего в регионе Ближнего и Среднего Востока, наглядно свидетельствуют о наличии системных кризисов в этих государствах как закономерном следствии, с одной стороны, незавершенности, а с другой – неуспеха проведения модернизации. Процессы модернизации традиционных мусульманских обществ практически во всех странах исламского мира привели к появлению исламской оппозиции, в которой радикальная ее часть выступает в качестве основного наиболее активного элемента. Естественно, что степень влияния на развитие ситуации радикальной исламской оппозиции во всех странах различается существенно и зависит главным образом, как справедливо отмечается некоторыми исследователями, «от масштабов, произошедших в том или ином исламском обществе социальных и политических изменений вследствие развития процессов модернизации» [1].

В этой связи основной задачей данного исследования является нахождение взаимосвязи между современными процессами модернизации и ростом радикальных настроений в традиционных мусульманских обществах, с выделением общих детерминант раз-

вития религиозно-политического экстремизма. Обозначая временные рамки исследования модернизационных процессов, важно заметить, что попытки изменения социально-экономической, политической структуры мусульманских стран предпринимались регулярно с момента вхождения территорий различных исламских стран под колониальную зависимость от государств – метрополий Западной Европы после I-й мировой войны. Однако масштаб и глубина данного процесса наиболее ярко обозначились после II-й мировой войны в период окончания колониальной зависимости мусульманских стран от государств Западной Европы.

В целом завершение процесса деколонизации объективно выдвинуло для правящих режимов в странах исламского мира, прежде всего в мусульманских странах региона Ближнего и Среднего Востока, задачу поиска политической и социально-экономической парадигмы развития. Задача трансформации и адаптации к современным условиям и вызовам мирового развития отсталых по уровню социально-экономического развития мусульманских обществ для политических элит, как для вновь обретших независимость стран региона (Египет, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты), так и новообразованных (Ливия, Пакистан и т.д.), имела исключительно важное значение. Как справедливо отмечает С.Акимов: «...традиционное общество мусульманских стран с преобладанием сельского населения выглядело на тот период достаточно неэффективным и архаическим. Естественно, что это не могло соответствовать возросшим потребностям традиционной элиты, получившей всю полноту политической власти после приобретения независимости» [2].

Относительно модели реформирования экономики исламских стран в постколониальный период, то данный вопрос на момент

обретения независимости был фактически предпринятым. Почва для ускоренной модернизации, вестернизации путем оказания дозированной помощи в экономическом развитии, особенно в отраслях наиболее выгодных странам-колониаторам, подготовке кадров в национальной технократии, образовании, армии была подготовлена еще в период колониальной зависимости. К моменту распада колониальной системы практически во всех странах региона Ближнего и Среднего Востока была сформирована новая элита, ориентированная на западную модель развития и, соответственно, на западные ценностные ориентиры. Именно данным политическим элитам, в условиях деколонизации и становления новых исламских государств, отводилась роль основных агентов модернизации. При этом естественно, что степень вестернизированности национальных элит, прежде всего политической, носила дифференцированный характер в разных странах исламского мира, в зависимости от ряда объективных параметров культурно-исторического, геополитического характера, уровня развития отношений с бывшими странами-колониаторами и т.д. В этом русле страны исламского мира могли существенным образом отличаться друг от друга, как, к примеру, европеизированные и секуляризированные элиты Турции, Ирана, Алжира от консервативных политических режимов Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и т.д. Однако, несмотря на порой существенные различия, общей главенствующей тенденцией в постколониальных странах, в том числе и странах исламского мира, становится на тот период процесс проведения реформирования традиционных исламских обществ путем модернизации государственной инфраструктуры, промышленности, армии по западной модели развития. Естественно, что процесс модернизации не представлял точное копирование западных моделей развития, а являлся скорее попыткой приспособить данную модель к местным реалиям с учетом специфики политического, экономического устройства того или иного государства.

Процесс модернизации со стороны национальных элит прагматично рассматривался как наиболее эффективный инструмент решения важнейших политических, экономических и внешнеполитических задач, объективно необходимых для эффективной адаптации к реалиям современного мира. В этом русле,

во-первых, политическая элита исламских стран усматривала в модернизации способ существенного повышения своих возможностей в процессе управления над традиционным исламским обществом. Надо отметить, что большинство стран на период распада колониальной системы представляли достаточно слабые государственные объединения с архаичным обществом, разнородными и зачастую враждебно настроенными друг к другу религиозными, этническими общностями. Поэтому усиление центральной власти путем модернизации решало главную задачу – построение централизованного государства с сильной властью, обладающей реальными инструментами управления традиционным мусульманским обществом, в условиях трансформационного периода.

Во-вторых, модернизация естественным образом была нацелена на решение конкретных социально-экономических задач в рамках реформирования отсталых экономических структур исламских стран. С точки зрения Д.Малышевой: «Подобный сплав свидетельствовал бы, по их мнению, о приобщении к современной технологической цивилизации. На протяжении нескольких десятилетий послеколониального периода реформаторские идеи, концепции национализма, социализма, конституционно-правовые доктрины пускались в ход для того, чтобы примирить веру, традиционные институты с требованиями модернизации, с западными институтами государственной системы, поскольку предполагалось, что только модернизация, автоматически влекущая за собой секуляризацию общественной жизни, всей государственно-правовой системы, – ключ к развитию, к скачку “из отсталости” в XX век» [3].

В-третьих, необходимость проведения ускоренной модернизации в рамках реформирования вооруженных сил и усиления тем самым своего военно-политического потенциала была обусловлена решением сложных задач внешнего характера, таких, как, к примеру, для Пакистана в конфликте с Индией в районе Кашмира и т.д. Однако важнейшей внешней составляющей необходимости проведения модернизации для большинства мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, особенно непосредственно соседствующих с Израилем государств (Египет, Сирия, Ирак и т.д.), стал арабо-израильский конфликт, перманентно переходивший в стадию военного обострения. Именно данный, действующий по настоящее вре-

мя, конфликт стал мощнейшим внешним стимулом ускорения модернизационных процессов, что в конечном итоге привело к ряду военных переворотов в странах региона и приходу к власти военных режимов в Египте (Абдель Насер), в Ливии (Муамар Каддафи), в Сирии (Хафез Асад) и т.д.

В итоге проводимый со стороны политических элит процесс ускоренной модернизации закономерно привел в исламском мире к кардинальным общественно-политическим, цивилизационным сдвигам. В целом последствия модернизационных процессов невозможно оценивать лишь в положительном или отрицательном ключе. Совершенно очевидно, что проводимые в постколониальный период реформы в значительной степени способствовали социально-экономическому прогрессу исламских стран, усилению их военного потенциала, что в целом свидетельствовало об успехе решения основной задачи – построения сильных централизованных государств.

Вместе с тем, как показывает богатый опыт мирового развития, радикальные реформы или резкая модернизация традиционного общества неизбежно вызывают масштабные социальные и политические конфликты, не всегда, но нередко ведущие к революционным общественным изменениям. В условиях резких перемен в традиционной структуре общества происходят деформационные изменения, процессы атомизации, возникают новые, нетрадиционные структуры, а чаще – гибридные, совмещающие традиционные ценности и формы общежития с новыми. Одним из наиболее ярких примеров исторического развития может служить опыт России, в которой реформы 1861–1917 гг. привели в 1917 г. к революционному общественному переустройству.

Как показывает опыт ряда стран Ближнего и Среднего Востока, не стали исключением и исламские страны, в которых вызванные модернизацией масштабные системные политические, социально-экономические изменения вкупе с мощным внешним воздействием (вестернизацией) привели к резким социальным сдвигам внутри традиционных мусульманских обществ и в значительной степени способствовали росту социальной нестабильности, созданию почвы для радикальных протестных настроений. Основными последствиями проведения ускоренной модернизации для большинства мусульманских стран стали схожие проблемы: острое

несоответствие быстрого демографического роста с замедленным экономическим развитием, существенный рост миграции населения, монокультурная направленность сельского хозяйства и сырьевая ориентация промышленности, резкое ухудшение экологической среды, вызванное функционированием опасных для местных экосистем промышленных производств, рост дефицита водно-земельных, продовольственных и энергетических ресурсов. В целом, по справедливому утверждению И.Фадесовой, «модернизация внесла раскол в некогда однородные мусульманские общества и породила в них внутренний антагонизм» [4].

Неуспех модернизации в странах исламского мира разные исследователи связывают с разными причинами. Так, к примеру, некоторые исследователи видят проблему в самой исламской цивилизации. По мнению американского исследователя В.Лоуренса, «ислам в этом контексте оказывается самой неудачной религией, т.к. ни одному мусульманскому государству не удалось добиться успеха в индустриальную эпоху» [5]. Весьма интересно, что данная достаточно неоднозначная точка зрения входит в полное противоречие с идеологией исламского фундаментализма, основывающейся на мысли, что только ислам может стать источником прогресса и, напротив, как капитализм, социализм, так прочие идеологии являются главным препятствием на пути расцвета исламских стран.

Другие эксперты реформаторские неудачи связывают с нежеланием и неготовностью Запада к интеграции с остальными цивилизациями, в том числе и исламской. «На современном этапе Запад заинтересован отнюдь не в модернизации и ускорении социально-экономического развития других государств, и тем более не в слиянии с ними в единое целое. Политика Запада направлена на стандартизацию экономик и общественных институтов отсталых народов с целью создания оптимальной для него системы международного разделения труда и обеспечения эффективного контроля над иностранными товарами и валютными рынками» [6].

В самих мусульманских обществах подходы к причинам неуспеха модернизационного процесса, провалам в проводимых экономических реформах, не оправдавшимися ожиданиям улучшения жизни также не отличались однообразностью и носили, в зависимости от социальной принадлежности, мировоззрений и взглядов, совершенно разный

обретения независимости был фактически предопределенным. Почва для ускоренной модернизации, вестернизации путем оказания дозированной помощи в экономическом развитии, особенно в отраслях наиболее выгодных странам-колонизаторам, подготовке кадров в национальной технократии, образовании, армии была подготовлена еще в период колониальной зависимости. К моменту распада колониальной системы практически во всех странах региона Ближнего и Среднего Востока была сформирована новая элита, ориентированная на западную модель развития и, соответственно, на западные ценностные ориентиры. Именно данным политическим элитам, в условиях деколонизации и становления новых исламских государств, отводилась роль основных агентов модернизации. При этом естественно, что степень вестернизированности национальных элит, прежде всего политической, носила дифференцированный характер в разных странах исламского мира, в зависимости от ряда объективных параметров культурно-исторического, геополитического характера, уровня развития отношений с бывшими странами-колонизаторами и т.д. В этом русле страны исламского мира могли существенным образом отличаться друг от друга, как, к примеру, европеизированные и секуляризированные элиты Турции, Ирана, Алжира от консервативных политических режимов Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и т.д. Однако, несмотря на порой существенные различия, общей главенствующей тенденцией в постколониальных странах, в том числе и странах исламского мира, становится на тот период процесс проведения реформирования традиционных исламских обществ путем модернизации государственной инфраструктуры, промышленности, армии по западной модели развития. Естественно, что процесс модернизации не представлял точное копирование западных моделей развития, а являлся скорее попыткой приспособить данную модель к местным реалиям с учетом специфики политического, экономического устройства того или иного государства.

Процесс модернизации со стороны национальных элит прагматично рассматривался как наиболее эффективный инструмент решения важнейших политических, экономических и внешнеполитических задач, объективно необходимых для эффективной адаптации к реалиям современного мира. В этом русле,

во-первых, политическая элита исламских стран усматривала в модернизации способ существенного повышения своих возможностей в процессе управления над традиционным исламским обществом. Надо отметить, что большинство стран на период распада колониальной системы представляли достаточно слабые государственные объединения с архаичным обществом, разнородными и зачастую враждебно настроенными друг к другу религиозными, этническими общностями. Поэтому усиление центральной власти путем модернизации решало главную задачу – построение централизованного государства с сильной властью, обладающей реальными инструментами управления традиционным мусульманским обществом, в условиях трансформационного периода.

Во-вторых, модернизация естественным образом была нацелена на решение конкретных социально-экономических задач в рамках реформирования отсталых экономических структур исламских стран. С точки зрения Д.Малышевой: «Подобный сплав свидетельствовал бы, по их мнению, о приобщении к современной технологической цивилизации. На протяжении нескольких десятилетий послеколониального периода реформаторские идеи, концепции национализма, социализма, конституционно-правовые доктрины пускались в ход для того, чтобы примирить веру, традиционные институты с требованиями модернизации, с западными институтами государственной системы, поскольку предполагалось, что только модернизация, автоматически влекущая за собой секуляризацию общественной жизни, всей государственно-правовой системы, – ключ к развитию, к скачку “из отсталости” в XX век» [3].

В-третьих, необходимость проведения ускоренной модернизации в рамках реформирования вооруженных сил и усиления тем самым своего военно-политического потенциала была обусловлена решением сложных задач внешнего характера, таких, как, к примеру, для Пакистана в конфликте с Индией в районе Кашмира и т.д. Однако важнейшей внешней составляющей необходимости проведения модернизации для большинства мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, особенно непосредственно соседствующих с Израилем государств (Египет, Сирия, Ирак и т.д.), стал арабо-израильский конфликт, перманентно переходивший в стадию военного обострения. Именно данный, действующий по настоящее вре-

мя, конфликт стал мощнейшим внешним стимулом ускорения модернизационных процессов, что в конечном итоге привело к ряду военных переворотов в странах региона и приходу к власти военных режимов в Египте (Абдель Насер), в Ливии (Муамар Каддафи), в Сирии (Хафез Асад) и т.д.

В итоге проводимый со стороны политических элит процесс ускоренной модернизации закономерно привел в исламском мире к кардинальным общественно-политическим, цивилизационным сдвигам. В целом последствия модернизационных процессов невозможно оценивать лишь в положительном или отрицательном ключе. Совершенно очевидно, что проводимые в постколониальный период реформы в значительной степени способствовали социально-экономическому прогрессу исламских стран, усилению их военного потенциала, что в целом свидетельствовало об успехе решения основной задачи – построения сильных централизованных государств.

Вместе с тем, как показывает богатый опыт мирового развития, радикальные реформы или резкая модернизация традиционного общества неизбежно вызывают масштабные социальные и политические конфликты, не всегда, но нередко ведущие к революционным общественным изменениям. В условиях резких перемен в традиционной структуре общества происходят деформационные изменения, процессы атомизации, возникают новые, нетрадиционные структуры, а чаще – гибридные, совмещающие традиционные ценности и формы общежития с новыми. Одним из наиболее ярких примеров исторического развития может служить опыт России, в которой реформы 1861–1917 гг. привели в 1917 г. к революционному общественному переустройству.

Как показывает опыт ряда стран Ближнего и Среднего Востока, не стали исключением и исламские страны, в которых вызванные модернизацией масштабные системные политические, социально-экономические изменения вкупе с мощным внешним воздействием (вестернизацией) привели к резким социальным сдвигам внутри традиционных мусульманских обществ и в значительной степени способствовали росту социальной нестабильности, созданию почвы для радикальных протестных настроений. Основными последствиями проведения ускоренной модернизации для большинства мусульманских стран стали схожие проблемы: острое

несоответствие быстрого демографического роста с замедленным экономическим развитием, существенный рост миграции населения, монокультурная направленность сельского хозяйства и сырьевая ориентация промышленности, резкое ухудшение экологической среды, вызванное функционированием опасных для местных экосистем индустриальных производств, рост дефицита водно-земельных, продовольственных и энергетических ресурсов. В целом, по справедливому утверждению И.Фадеевой, «модернизация внесла раскол в некогда однородные мусульманские общества и породила в них внутренний антагонизм» [4].

Неуспех модернизации в странах исламского мира разные исследователи связывают с разными причинами. Так, к примеру, некоторые исследователи видят проблему в самой исламской цивилизации. По мнению американского исследователя В.Лоуренса, «ислам в этом контексте оказывается самой неудачной религией, т.к. ни одному мусульманскому государству не удалось добиться успеха в индустриальную эпоху» [5]. Весьма интересно, что данная достаточно неоднозначная точка зрения входит в полное противоречие с идеологией исламского фундаментализма, основывающейся на мысли, что только ислам может стать источником прогресса и, напротив, как капитализм, социализм, так прочие идеологии являются главным препятствием на пути расцвета исламских стран.

Другие эксперты реформаторские неудачи связывают с нежеланием и неготовностью Запада к интеграции с остальными цивилизациями, в том числе и исламской. «На современном этапе Запад заинтересован отнюдь не в модернизации и ускорении социально-экономического развития других государств, и тем более не в слиянии с ними в единое целое. Политика Запада направлена на стандартизацию экономик и общественных институтов отсталых народов с целью создания оптимальной для него системы международного разделения труда и обеспечения эффективного контроля над иностранными товарами и валютными рынками» [6].

В самих мусульманских обществах подходы к причинам неуспеха модернизационного процесса, провалам в проводимых экономических реформах, не оправдавшимися ожиданиям улучшения жизни также не отличались однообразностью и носили, в зависимости от социальной принадлежности, мировоззрений и взглядов, совершенно разный

характер. Соответственно этому отличались и формы действия или противодействия меняющейся в процессе реформирования ситуации. Общим итогом стало то обстоятельство, что в период 70–80-х гг. в странах региона Ближнего и Среднего Востока произошло заметное обострение внутривнутриполитической борьбы и активизировались оппозиционные силы широкой ориентации – от леворадикальных до ультраконсервативных. По мнению некоторых исследователей, резкая активизация политической борьбы в странах региона Ближнего и Среднего Востока, в условиях нарастания социально-политической напряженности, явилась вполне закономерным явлением для традиционных мусульманских обществ. В частности, А.В.Малашенко пишет: «...на Востоке проблема реагирования на форсированную модернизацию стоит острее, чем на Западе, поскольку слишком велика дисгармония между цивилизационными ценностями и потребностями ускоренного “догоняющего” развития. Общество не готово к быстрому и адекватному усвоению новых представлений, идеалов, которые объективно деформируют его, а в отдельных случаях приводят на грань саморазрушения» [7].

Неготовность и нежелание со стороны определенных слоев патриархальных мусульманских обществ радикальных изменений, потенциально несущих угрозу традиционному образу жизни, религиозным устоям, обусловили появление в разных странах исламского мира мощного т.н. оппозиционного движения, объединяющего различные общественно-политические силы. В целом, по мнению казахстанского исследователя С.Акимбекова, схема возникновения масштабной оппозиции проведению модернизации выглядит следующим образом: «типичная ситуация, связанная с процессом модернизации в мусульманском обществе строится по следующей схеме: традиционная элита проводит “светскую модернизацию”, развивая системы образования, проводя индустриализацию, создавая современную инфраструктуру, усиливая армию, опираясь при этом на легитимное право, основанное на компромиссе светского и духовного начал в управлении мусульманским обществом. “Светская” модернизация косвенным образом вызывает изменения в традиционной системе организации мусульманского общества, вовлекая в процесс модернизации различные слои населения. При этом в обществе начинает складываться

оппозиция курсу традиционной элиты на модернизацию» [8].

В этой связи, хотя кризисные явления в экономике, политической, духовной сферах, вызванные модернизацией, и обусловили появление и развитие в ряде стран региона (Египет, Ирак, Тунис и т.д.) широкого спектра оппозиционных сил, идеологических течений (т.н. арабского или исламского социализма, религиозного модернизма и пр.), в большинстве стран традиционного распространения ислама в 70–80-е гг. возобладали именно исламские фундаменталистские течения. Выступление мощного антимодернистского движения на основе ислама в качестве авангардной оппозиционной силы в ответ на угрозу эрозии этнокультурной идентичности, религиозных устоев, традиций в мусульманских странах региона стало очевидным и закономерным явлением. Как справедливо отмечает Л.Р.Полонская: «противопоставление ислама как особой третьей, “средней”, социальной, мировоззренческой и политической системы капитализму и коммунизму с точки зрения традиционно-исламской аргументации не содержит никакого внутреннего противоречия. Это противопоставление вытекает из основного принципа ислама – таухида (единобожия) и служит основанием не только равенства всех мусульман перед Аллахом и единства мусульманской общины – уммы, но и признания противоположности интересов этой общины всем немусульманам, между которыми в этом отношении также не проводятся различия» [9]. Такая позиция в целом согласуется с точкой зрения исследователей, считающих, что именно религия, и тем более ислам, является важнейшей естественной силой сопротивления всем возможным переменам в жизни любого общества. Модернизация и предопределила в конечном итоге процесс ретрадиционализации и ренскализации или т.н. «исламского бума» в период 60–70 гг. XX столетия в странах исламского мира, прежде всего в странах Ближнего и Среднего Востока – как объективно наиболее подверженному данному процессу исламскому региону. В этой связи нельзя не согласиться с мнением о том, что «необходимой предпосылкой распространения исламских движений в той или иной стране является достижение ею определенного уровня модернизации социально-экономических и политических структур, определенного уровня образования населения, довольно высокий уровень урбанизации за счет миграции

сельского населения, наличие в ней многочисленного “среднего сословия” и т.п.» [10].

Таким образом, основной силой отрицания процесса модернизации и сопутствующей этому вестернизации традиционного исламского общества становится ислам с присущей ему высокой социальной энергетикой, а его проводниками стали возникшие многочисленные религиозно-политические фундаменталистские организации. В итоге одной из объективных реалий сегодняшнего дня является присутствие исламской оппозиции практически в каждом государстве региона Ближнего и Среднего Востока, исламском мире в целом. В фундаменталистском движении особое место заняли организации экстремистского толка, которые не просто отрицали возможность изменений в традиционных мусульманских обществах, но и самым активным способом противодействовали процессу модернизации и, соответственно, обоснованно претендовали на роль передовой силы «исламского ответа западной цивилизации». По убеждению радикальных исламистов, все существующие проблемы социально-экономического характера (рост безработицы, низкое качество здравоохранения, отсутствие доступа к качественному образованию и т.д.), падения морально-нравственных устоев среди мусульманского населения, особенно среди молодежи, непосредственно вызваны отходом от строгого и неукоснительного следования исламским нормам, как со стороны власти, так и со стороны всего мусульманского общества в целом. При этом превозносятся каноны «чистого ислама» как источника социальной справедливости, экономического процветания, основанного на политике социального равенства, уравнилельных принципов ранней мусульманской общины, эгалитаризма и коллективизма, традиции «садака», предписывающей всем состоятельным мусульманам помогать неимущим единоверцам. В этом русле, по мнению идеологов концепции «чистого ислама», существующие социально-политические кризисные явления в мусульманских обществах, проблемы экономического характера можно решить исключительно в рамках исламского государства.

Идеология радикальных фундаменталистов, несмотря на явную утопичность и популизм, как показывает опыт развития многих стран исламского мира, в частности стран региона Ближнего и Среднего Востока, пользуется широкой общественной популярностью.

Основной социальной базой для исламских радикальных религиозно-политических организаций потенциально являются все общественные группы, в той или иной степени вовлеченные в процесс модернизации, но не добившихся видимых экономических успехов. Как отмечает А.В.Малашенко: «...ускоренные реформы, взламывая традиционный сектор, не успевают создать полноценный современный сектор, не обеспечивают скорую занятость, но, напротив, выталкивают из производительной деятельности целые социальные пласты, которые играют роль пороховой бочки» [11]. Здесь важно заметить, что идеология радикальных исламистов находит поддержку не только среди т.н. маргинальных, необразованных групп, как часто ошибочно полагается. В этой связи заслуживает внимания заключение некоторых экспертов о том, что «основную движущую силу таких движений составляют не беднейшие традиционно мыслящие слои городского и сельского населения, а получившие современное образование горожане – выходцы из провинции. Это студенты, выпускники средних школ и университетов, мелкие служащие, врачи и школьные учителя, рабочие, занятые в современном секторе, т.е. лица, “стремящиеся к продвижению”, но имеющие весьма неопределенные жизненные перспективы». Кроме этих социальных слоев, порожденных самой модернизацией, к движениям примыкают и “традиционные” социальные группы, чей статус был подорван в результате модернизации: мелкие торговцы, предприниматели, улемы, ремесленники и т.п.» [12].

Совершенно очевидно, что по размаху деятельности экстремистских религиозно-политических организаций, по степени остроты противостояния властям радикальная исламская оппозиция отличалась в разных странах существенно. Чем глубже проводились реформы, интенсивнее были темпы модернизации, тем заметнее отличалась степень вовлеченности в политические процессы той или иной страны радикальных исламских сил. В частности, в странах региона Ближнего и Среднего Востока – от умеренных, поступательных (практически все страны Персидского залива, некоторые страны Магриба: Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман, Марокко и т.д.) до ускоренных (Египет, Ирак, Пакистан) и порой радикальных (Иран, Афганистан), что в целом и определяло уровень распространения радикального исламизма в этих странах.

ЭТНИЧЕСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В СИНЬЦЗЯНЕ: состояние проблемы и перспективы

Галямова В.Ф.

Этнический сепаратизм, создавая для нынешнего китайского руководства огромное напряжение во внутренней и, в особенности, во внешней политике является для него, по мнению многих специалистов, одной из острых проблем. И хотя к этой проблеме, в отличие от «тайваньской», не привлекается широкое внимание общественности в Китае и за рубежом, время от времени предпринимаемые Пекином шаги дают наблюдателям знать: сепаратистские настроения в китайском обществе находятся под бдительным наблюдением властей и подвергаются постепенному воздействию выверенной стратегии правительства КНР.

Под проблемой этнического сепаратизма, которая занимает особое место во взаимоотношениях между Китаем и Казахстаном (а также другими республиками ЦА), подразумевается так называемый «уйгурский вопрос». До недавнего времени этот вопрос оставался определяющим в процессе выстраивания отношений КНР с РК. Однако и сегодня, когда наши отношения с восточным соседом перешли в качественно новое конструктивное русло, проблема сепаратизма по-прежнему не сходит с повестки дня двусторонних контактов, служа немаловажным фактором, воздействующим на общий характер казахстано-китайских связей.

Проблема уйгурского сепаратизма входит в спектр проблем национальной безопасности Республики Казахстан, что обусловлено многими факторами. Она олицетворяется 7,2 миллионами этнических уйгуров, проживающих в КНР, и несколькими миллионами – за ее пределами*. В силу того, что история борьбы уйгурского народа за независимость от Китая в конце XX века получила свое новое развитие, Казахстан оказался задействованным в перипетии этой борьбы.

По прогнозам некоторых аналитиков, в ближайшее время Китай вынужден будет столкнуться с обострением проблемы сепаратизма.

* Цифры общей численности уйгурского народа, по разным оценкам, существенно разнятся: от 12 до 30 млн человек в зависимости от источника информации; однако точные данные отсутствуют.

ратистского движения на территории Синьцзяна, что связано с ее выходом на заключительную стадию. Так ли это? По всей видимости, вне зависимости от того, как будут развиваться события и какие шаги предпримет та или иная из противоборствующих сторон, в ближайшие годы неизбежно должна решиться судьба международного движения уйгуров за независимость. Это обусловлено предпринимаемыми китайским правительством активными действиями внутри страны и на мировой политической арене.

Суть проблемы «уйгурского сепаратизма»

«Уйгурский вопрос» приобрел качественно новое звучание для коммунистического руководства Китая с началом 90-х годов XX века, когда под влиянием деструктивных процессов в СССР и в связи с обретением суверенитета бывшими союзными республиками усилились сепаратистские тенденции внутри КНР – в среде уйгурского и тибетского населения этой страны.

Конечно, проблема сепаратистских настроений стояла перед Пекином и ранее, сформировавшись вследствие политики китайского правительства времен последней династии, благодаря международной ситуации в Центральноазиатском регионе и в результате собственно процесса эволюции названных нацменьшинств. Но в течение всей почти 30-летней истории коммунистического Китая до начала реформ Дэн Сяопина проблема стагнировала, почти не находя острых проявлений. Данный факт позволяет предположить, что у так называемых малых этносов Западного Китая** поводы для выражения недовольства и объективные предпосылки для протестных тенденций сформировались лишь к последнему десятилетию XX века.

Если поводом для всплеска уйгурского сепаратизма выступили процессы на постсоветском пространстве, то основанием для этого послужил начатый Пекином «курс ре-

** Нацменьшинства КНР проживают в основном в западных регионах страны, образуя там пять национальных автономных районов, в числе которых Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Таким образом, степень развития процессов модернизации в жизни исламского общества и рост радикальных настроений под лозунгом возврата к ценностям первоначальной исламской общины тесно взаимосвязаны. Примеров взаимосвязи между модернизацией традиционного исламского общества и ростом радикальных настроений под флагом возврата к ценностям первоначальной исламской общины во второй половине XX столетия было достаточно много. Один из наиболее показательных примеров проведения модернизации традиционного исламского общества и ответной реакции на этот процесс исламом демонстрирует иранский опыт. Проведение ускоренными темпами светской модернизации по западному образцу в период 1963–1977 гг. принесло, как известно, значительные успешные перемены в экономической, социальной сферах Ирана, способствовало укреплению вооруженных сил, повысило международные позиции этого государства. Но вместе с тем радикальные перемены закономерно обусловили рост протестных настроений в иранском обществе, что привело в итоге к исламской теократической революции.

Однако важно отметить, что экстремистские силы, претендующие на власть в различных мусульманских странах, не всегда получали широкую поддержку со стороны общества. Это происходило в случае сохра-

нения со стороны политических элит необходимого баланса традиции и модернизации, что подтверждается опытом многих исламских стран, таких, как Марокко, Иордания, Саудовская Аравия и т.д. В этом русле весьма интересными представляются рассуждения американского востоковеда Дж.Вола, который всю историю исламских государств рассматривает как «взаимодействие двух основных процессов»: с одной стороны, постоянной адаптации общества к изменяющимся историческим условиям, с другой – «фундаменталистского возрождения» всякий раз, когда процесс адаптации заходит так далеко, что угрожает подорвать «исламский характер общины». Именно такой «фундаменталистский взрыв» произошел, по его мнению, в 70-е гг. в результате длительного периода «адаптационной модернизации» [13].

В целом возможности и, соответственно, выбор стратегии со стороны правящей политической элиты в сохранении традиционных ценностей и структур исламского общества при одновременном сохранении необходимых с точки зрения государственных интересов темпов модернизации, нацеленных на развитие экономики, социальной сферы, вооруженных сил и т.д., и являются в критической степени определяющими факторами уровня влияния радикальной исламской оппозиции в той или иной стране.

Литература

1. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 1998. – С. 74–75.
2. Там же. С. 54.
3. Малышева Д.Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. – М.: Наука, 1991. – С. 8–9.
4. Фадеева И. Ислам и политический конфликт // Россия и мусульманский мир. – 2002. – №6 (120). – С. 133.
5. Lawrence B.B. Rethinking Islam as an ideology of violence // Conflict resolution in the Arab world. Selected essays/ ed. By P. Salem. – Beirut, 1997. – P. 27–43.
6. Дружиловский С.Б. Исламская модель развития как альтернатива вестернизации восточного общества // Мусульманские страны у границ СНГ. – М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2001. – С. 96–97.
7. Малащенко А.В. Религиозный фундаментализм в контексте глобальных перемен // Глобальные социальные и политические перемены в мире. – М., 1997. – С. 191.
8. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. С. 54.
9. Полонская Л.Р. Современные мусульманские идейные течения // Ислам – проблемы идеологии, права, политики и экономики. – М.: Наука, 1985. – С. 7.
10. Филиппова М.И. «Исламский бум» глазами ориенталистов и социологов США // Ислам – проблемы идеологии, права, политики и экономики. – М.: Наука, 1985. – С. 259.
11. Малащенко А.В. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. Московский центр Карнеги. – М., 2002. – №7. – С. 10.
12. Филиппова М.И. «Исламский бум» глазами ориенталистов и социологов США. С. 259–261.
13. Там же. С. 263–264.

форм и открытости», накаливший атмосферу в Синьцзяне. С одной стороны, практика открытости позволила внешним влияниям проникнуть в эти ранее закрытые регионы страны, когда, наряду с предпринимательской активностью, получила распространение деятельность зарубежных сторонников уйгурской независимости. Последние, впервые за многие десятилетия получившие возможность воочию увидеть жизнь в СУАР, развернули среди местных уйгуров пропагандистскую активность против китайских властей. Зачастую они действовали через представителей центральноазиатских республик – уйгуров по этнической принадлежности. И, несмотря на жесткий контроль спецслужб КНР, власть не смогла полностью обезопасить себя от деятельности этих сил.

С другой стороны, на этот период пришла наибольшая активность реформаторской деятельности правительства в социально-экономической сфере. Неслучайно в 1978–1997 годы экономический рост в Синьцзяне достиг рекордной, до сих пор не превзойденной, отметки – 11,5% в среднем ежегодно, а на конец 80-х – первую половину 90-х годов выпал наибольший поток переселенцев-ханьцев из внутренних районов Китая.

С этого момента началась широкомасштабная террористическая деятельность сепаратистов в СУАР.

За период 1990–2001 годы сепаратистские группировки под обобщенным названием движения за Восточный Туркестан, действующие как на территории КНР, так и за ее пределами, совершили, по данным китайской официальной статистики, около 200 террористических акций в Синьцзяне. Их объектами, как правило, становились высокопоставленные партийные чиновники и религиозные лидеры. В общей сложности за этот период, по официальным данным, от рук террористов погибли 162 человека, 440 были ранены [1].

В сущности, масштабы настоящей проблемы как таковой не представляют угрозы для внутренней безопасности КНР. Перед правительством страны сегодня стоят гораздо более серьезные вопросы: нерентабельный государственный сектор, на который все еще приходится около 40% промышленного производства, быстро растущая безработица, неравномерность распределения жизненных благ между городом и деревней, между приморскими районами и другими

частями страны, экологические проблемы и многое другое. Что касается «уйгурской проблематики», то уже к сегодняшнему дню внутренний протестный потенциал в СУАР фактически исчерпал себя. Благодаря работе всех органов власти КНР, значительно сократилось пространство для сепаратистского движения: его социальная база зиждется сегодня на аутсайдерах – в основном беднейших слоях сельской молодежи. Студенчество, еще недавно бывшее активным контингентом для сепаратистских группировок, оказалось поставленным в такие условия, что в подавляющем большинстве вынуждено было отказаться от подобного рода активности. После случившегося в 90-е годы взрыва сепаратистской активности уйгуров китайское руководство более не допускало подобного на своей территории. Для того чтобы навести порядок в провинции, китайским властям пришлось применять жесткие меры, которые практикуются и по сей день. С 1997 года здесь ведется политика «жесткого курса» по отношению к сепаратистам. В этом плане правительством принимаются особые меры социально-политического, культурно-идеологического плана, с которыми совмещаются силовые способы борьбы Пекина. Ведется повышенное наблюдение за местным населением.

Меры китайского руководства по предотвращению этнического сепаратизма

За последние пять лет, когда осуществлялся «жесткий курс» по отношению к любым проявлениям сепаратизма в провинции, ситуация существенно изменилась в сторону ужесточения внутренних порядков. Прежде всего это коснулось студенчества, которое под угрозой исключения из учебных заведений или заключения под следствие оказалось ограниченным в проявлениях своих волеизъявлений.

Однако в целом ключ к разгадке феномена относительной успешности внутренней политики Пекина в СУАР заключается не в силовых мерах, а в действии двух долгосрочных факторов. **Во-первых**, изначально со времени установления коммунистического режима были подключены все резервы власти для интеграции уйгурского населения в политическую культуру китайского государства. Это осуществлялось, как правило, традиционными методами китайского государства: путем идеологической работы с населением через систему образования и посредством духовенства.

Во-вторых, в ходе государственного строительства в Синьцзяне и других национальных «окраинах» страны ставка была сделана на часть местного общества согласно региональному и социальному признаку. Так, в Синьцзяне административная работа проводилась в основном с северными районами СУАР, из представителей которых по преимуществу формировалась не только политическая, но и другие элиты синьцзянского общества. Кроме того, акцент в такой работе делался на управляющие кадры партийно-государственного аппарата, который и является сегодня авангардом местного общества и главным инструментом управления СУАР.

Таким образом, элита национального общества – интеллигенция и госслужащие – формировалась руками центральной власти. Механизмы, используемые при этом, отличались многообразием: кроме идеологических, действенную силу имели прямое давление и репрессии. Они позволяли достичь главного результата – вычленили национальное самосознание и подчинить так называемые национальные кадры государственной идеологии. В процессе взаимодействия новой власти, представленной такими национальными лидерами, и местного населения выработалась модель нового общества, неотъемлемой частью которого были уйгуры. Важно, что в результате проводимой политики политическая культура национального меньшинства оказалась весьма приближенной к общегосударственной политической культуре. Сложившийся симбиоз лишь внешне сохраняет некую «национальную специфику», тем не менее несет в себе все атрибуты классической китайской государственности.

На деле национальная автономия в таких условиях означала изоляцию района при безусловном подчинении директивам из Центра, которые главным образом затрагивали административный аппарат и городское население. Подобная политика имела важные последствия для сельского населения, которое составляет подавляющее большинство уйгурского общества: благодаря проводимой линии фактически до конца XX века они сохранили традиционный уклад жизни. Между тем это явилось главной причиной трудностей, с которыми столкнулся Пекин сегодня, осуществляя глубокое реформирование экономической системы общества.

Тем не менее политические устои синь-

цзянского общества в целом оказывают меньшее воздействие на жизнь и самоощущение автохтонного населения СУАР. Меры правительства в этой области, как правило, имеют долгосрочный характер и не вызывают острого социального недовольства. Главными внутренними факторами, провоцирующими недовольство уйгур, служат *боязнь экономических реформ, гонения на ислам и увеличение числа ханьского населения*.

Современный Синьцзян населяют 47 национальностей, наиболее многочисленные из них ханьцы, уйгуры, казахи, дунгане (хуэйцы), монголы, кыргызы и др. Вплоть до начала 90-х годов китайское население в СУАР удерживалось в пределах 4%, уйгуры составляли около 75%. По статистическим данным 2000 года, население Синьцзяна составляло 19,25 млн человек, из них 10,97 млн человек – не ханьцы. Численный процент уйгурского населения упал до 44%, что, однако, является результатом не политики ограничения рождаемости, как утверждают некоторые аналитики, но результатом притока переселенцев из восточных районов страны. Эта миграция носит экономический и административный характер, являясь, по сути, закономерным процессом в условиях реализации программы реформ.

Тем не менее ужасающим фактам о притеснениях и насилии китайских властей по отношению к уйгурскому населению, приводимым в многочисленных информационных материалах уйгурских организаций, трудно найти подтверждение в официальных источниках и в реалиях синьцзянской действительности. Нарушение прав человека, свободы слова и выражения мнения, передвижения, запрет на собрания, проблема ограничения рождаемости и многие другие вопросы характерны для современной КНР в целом.

Самая острая на сегодняшний день проблема, вызывающая наибольшее недовольство уйгуров Синьцзяна, – это ограничения свободы вероисповедания. На взгляд местного населения, в данном аспекте в особенности политика китайских властей выступает неоправданно жесткой и технически несовершенной.

Подобная ситуация сложилась в силу характерных особенностей мусульманской религии, а также по причине глубокого проникновения ислама в уйгурское общество. Ислам, как известно, предполагает неразделенность религии с обществом и государ-

ством, т.е. вечным идеалом ислама остается «исламское государство». Таким образом, для правоверных мусульман, в особенности воспитанных в традиционном обществе, существует практическая невозможность следования светскому образу жизни в рамках неисламского государства без возникновения протеста против существующих «несовершенных порядков». Положение уйгуров Китая усложняет тот факт, что традиционные религиозные лозунги, призывающие к объединению мусульман и т.п., неизбежно звучат для коммунистического руководства КНР с политическим оттенком. Итак, *специфика ислама превратила его в глазах китайских властей в очевидную угрозу и признание себя мусульманином может означать в их глазах первый шаг к сепаратизму.*

Учитывая техническую сложность установления контроля в конфессиональной области, которая объективно существует для Пекина, им была выработана специальная тактика в отношении мечетей. Подобная тактика используется также в работе с ламаистским клиром Тибета.

Китайское руководство на всех исторических этапах старалось сотрудничать с мусульманским духовенством СУАР, что приносило ему определенные дивиденды. В настоящее время духовные лидеры синьцзянских мусульман, как правило, являются в известной мере ставленниками власти или находятся под ее влиянием, испытывая строгий контроль госорганов. Кроме того, финансовая поддержка духовенства со стороны государства играет в этом деле немаловажную роль. Так, только в 1999 году, по официальным данным, центральным правительством Китая было выделено 7,6 млн юаней на нужды синьцзянских мечетей, которые в основном пошли на реконструкцию культовых зданий.

Вместе с тем в СУАР перманентно наблюдается активизация деятельности религиозных организаций, которые имеют большой авторитет среди местного населения. Так, по данным Института религии КНР, которые были получены во время переписи населения в 1998 году путем включения соответствующего вопроса в переписную анкету, количество верующих составило 11 млн человек (58%) – это самый высокий процент по Китаю, в котором общее количество верующих 100 млн человек (из них 20 млн – мусульмане: уйгуры, казахи, узбеки, кыргы-

зы, дунгане, таджики и др.) [2].

В настоящее время в СУАР действуют 24 тысячи религиозных центров, из которых мечетей 23 753; духовных служителей – более 26 800 человек, из них мусульманских – 26 500 человек [3].

Несмотря на то, что китайским руководством предпринимаются усиленные попытки утвердить четкую дифференциацию между исламской верой уйгурского населения СУАР и идеями восстановления независимого Восточного Туркестана, в сознании жителей Синьцзяна они неразделимы. И хотя само выражение «Восточный Туркестан» является неправомерным в современной КНР, идея эта получает постоянную подпитку как из духовных воззрений уйгуров, так и извне.

Независимое государство уйгуров, основанное на исламской вере, по-прежнему служит знаменем сепаратистских тенденций в СУАР, и Пекин, видимо, не сможет вытеснить эти идеи из среды автохтонного населения провинции, пока новые идеологические установки не получат глубокое внедрение в его сознание. *До настоящего момента идея китайского суперэтноса, объединяющего весь многонациональный народ страны, не утвердилась в уйгурской среде, чему немало способствовала роль ислама, а любое повышение самостоятельности на местах и активное включение нацменьшинств в реформы уже приводило к взрывам недовольства и росту национального самосознания. По всей видимости, «работа» с исламом и с сознанием жителей Синьцзяна остается одной из приоритетных задач китайского руководства на ближайшую перспективу.*

Итак, как признают сами представители власти, всех предпринятых мер оказалось недостаточно для решения проблемы. И, несмотря на серьезные достижения по нормализации ситуации в СУАР, у китайского руководства сохраняются большие основания для продолжения массовой борьбы против любых проявлений этнического сепаратизма уйгуров и его профилактики.

В настоящее время особый экономический курс играет главную роль в деле умиротворения уйгурского населения.

Начиная с середины 90-х годов, приоритет экономической политики КНР во многом перешел от восточных к западным районам Китая, к которым относится и СУАР. Провинция с принятием в 1999 году «Стратегии мас-

штабного освоения Западного края», фактически превратилась в «большую стройку» страны. Экономический рост в СУАР в 2003 году составил 9%, что выше среднего показателя по стране в целом; растут доходы населения, его покупательская способность.

Благодаря реформам и либерализации в КНР уйгурская этническая общность получила возможность участвовать в процессе обновления общества, но она по-разному вписывается в этот процесс. Модернизация в СУАР идет не такими темпами, как этого хотелось бы официальным властям. Если в крупных городах наблюдается значительный рост экономики, улучшается жизнь народа, то в сельской местности реформы идут крайне медленно; особенно трудно говорить об этом процессе, например, в Кашгарском оазисе и других южных районах Синьцзяна. Зачастую население края не воспринимает реформы, считая этот процесс пагубным для себя. Существует мнение, что вместе с экономическим ростом придет и китаизация региона, будет утерян выработанный столетиями менталитет уйгурского народа, национальное своеобразие.

Тем не менее жизнь провинции, даже в самых отдаленных ее краях, стремительно меняется. Главными факторами, действующими на традиционный уклад жизни населения Синьцзяна, служат новая инфраструктура, повышение мобильности населения (как за счет переселенцев, так и автохтонного населения), развитие производства, повышение уровня образованности населения и т.п.

Среднегодовой доход сельского населения в СУАР в 2002 году составил 1863 юаня (в 1978 году эта сумма равнялась 119 юаням); средняя заработная плата городского жителя стала равняться 10 278 юаням, в то время как его средний годовой доход составил 6941 юань. Коэффициент бедности в крае снижается: среди сельских жителей в 1978 году он составлял 60,8%, в 2001 – 50,4%, среди городских жителей показатели по тем же годам 57,3% против 35,5%. Средняя продолжительность жизни в провинции на сегодняшний день составляет 71,12 лет. Еще в 1985 году Международным обществом естественной медицины Синьцзяну было присвоено четвертое место в мире по продолжительности жизни; по количеству людей, переступивших столетний юбилей, эта провинция занимает первое место по Китаю [4].

В ближайшие 10–15 лет правительство

КНР приложит максимум усилий для дальнейшего социально-экономического развития Синьцзяна. И если сегодня основная масса его автохтонного населения пока лишь отчасти включена в процессы модернизации, что касается в особенности сельских жителей, то в скором времени следует ожидать увеличения амплитуды реформ и углубления их влияния на общество.

Итак, благодаря реализации Стратегии масштабного освоения Запада КНР, СУАР и его население, в том числе уйгурское, переживают значительные перемены, которые, тем не менее, до настоящего момента не позволили ликвидировать проблему этнического сепаратизма. Как представляется, связано это главным образом с геополитическими факторами – приграничным характером Синьцзяна (СУАР граничит с восьмью соседними государствами) и с разворачивающимися вокруг КНР геополитическими процессами.

Внешний фактор «уйгурского вопроса»

Уникальные условия, в которых оказался в силу исторических причин уйгурский этнос, выделяют его среди других «наций без государства». Его относительная многочисленность, богатое культурное наследие, современное политическое и экономическое состояние, диссонирующее с национальными амбициями, связанность с судьбами современного Китая, широкое представительство диаспоры в ведущих западных государствах, разветвленная сеть международных уйгурских организаций и пр. создают предпосылки для углубления проблемы именно в контексте внешней среды, окружающей КНР.

Без наличия внешнего фактора «проблема Синьцзяна» к настоящему моменту исчерпала бы себя почти полностью, поскольку выверенная и осторожная политика центральных властей КНР успешно снижает недовольство и конфликтность местного уйгурского населения посредством специальной социально-политической, экономической, идеологической и административной политики.

Внешний фактор имеет два аспекта. С одной стороны, зарубежная уйгурская диаспора довольно многочисленна и активна. И, несмотря на постоянное ужесточение политики китайских властей, в последнее время она пользуется все расширяющимися возможностями для влияния на общественные настроения в Синьцзяне (совре-

менные средства связи, Интернет, предпринимательская деятельность и пр.), тем самым как бы компенсируя невозможность практической деятельности на территории автономного района. С другой стороны, не афиширующие себя внешние заинтересованные силы пытаются использовать как проблему, так и сами уйгурские организации, преследуя определенные интересы в отношении КНР. Как представляется, потенциал подобного внешнего вмешательства еще далеко не раскрыт и в случае возникшей необходимости может быть использован против Пекина.

Кроме того, как широко афишируют эту информацию борцы за права уйгуров, а также солидарные с ними сторонники независимости Тибета, земли этих двух провинций (один Синьцзян занимает шестую часть КНР) насыщены полезными ископаемыми, в том числе углеводородным топливом: только в СУАР сегодня добывается более 30% всех нефтяных ресурсов страны; в целом же в недрах Синьцзяна и Тибета, по официальным данным, содержится около четверти всех полезных ископаемых Китая. Принято считать, что именно этот факт служит определяющим в борьбе Пекина против этнического сепаратизма в данных регионах страны. Вместе с тем существо проблемы гораздо глубже и в действительности *первостепенную роль играет не богатство естественных ресурсов, а устойчивость китайской государственности, которая, скорее всего, не способна будет выдержать удара отторжения какой-либо части ее территории*. Вот почему борьба с сепаратистскими тенденциями и возвращение Тайваня играют столь заметную роль в политике китайского руководства — их результаты определяют степень доверия населения правительству, которая в свою очередь по традиции определяет жизнеспособность всей политической системы государства.

В настоящее время, благодаря осуществляемой за последние 5–6 лет на территории СУАР политике «жесткого курса» против сепаратистов-националистов, данные угрозы приобрели характер крайне гипотетичный и в общем не составляют прямой опасности для государства. Гораздо большую актуальность приобрели сегодня угрозы косвенные:

- подрывная пропагандистская деятельность зарубежных уйгурских центров;
- содействие внешних заинтересованных

сил в обеспечении уйгурских сепаратистов необходимыми материально-техническими средствами для развертывания активности против КНР;

- распространение через международные СМИ и Интернет отрицательно сказывающейся на репутации нынешнего китайского руководства информации;

- вмешательство в решение проблемы международных правозащитных организаций и западных правительств и развитие с их помощью вопросов соблюдения прав человека в КНР и пр.

Как видно, каждая из настоящих угроз связана с пресловутым внешним фактором и целиком им определяется. Таким образом, *для коммунистического руководства КНР содержание проблемы заключается не в сепаратистских настроениях уйгурских диаспор в иностранных государствах и собственно уйгурского населения Китая, с которыми Пекин успешно справляется и справился бы окончательно, спустя еще несколько лет сохраняющегося статус-кво, а в их подпитке со стороны внешних сил*.

Для того чтобы бороться против угроз подобного плана, для Китая первоочередно важно контролировать атмосферу вокруг страны на внешнеполитической арене. В этой связи именно политическое направление китайской дипломатии играет на настоящий момент приоритетную роль. В дипломатических представительствах КНР, аккредитованных в зарубежных странах, в особенности в странах ЦАР, также можно наблюдать ярко выраженный политический уклон.

Вместе с тем поведение американских лидеров свидетельствует о том, что принципиальных изменений в их тактике по отношению к уйгурскому сепаратистскому движению в ближайшее время не произойдет. Об этом говорит и продолжающаяся деятельность на американской территории уйгурских организаций.

В целом руководство КНР кровно заинтересовано в успешном решении поставленных задач в рамках развития Синьцзяна, что служит залогом реализации общей стратегии развития Китая и решения проблемы сепаратизма, и в настоящее время какие-либо видимые причины, которые могли бы воспрепятствовать постепенному осуществлению этих планов, отсутствуют. *Анализ ситуации в СУАР позволяет заключить: в настоящее время существует лишь одна потенциальная опасность дестабилизации*

в этом регионе КНР и связана она с американским присутствием в Центральной Азии и возникающими на этой основе противоречиями в треугольнике США – Россия – Китай.

Перспективы проблемы сепаратизма

Итак, именно «уйгурская проблематика» формирует уязвимость Китая перед лицом его главной стратегической угрозы в период становления обновленных социально-экономической, военно-политической и культурно-идеологической систем — соперничества с Западом (главным образом в лице США). А данное обстоятельство означает, что решение вопроса для китайского руководства значительно осложняется. Тем не менее, учитывая всю полноту факторов, нельзя исключать возможность всплеска сепаратистских тенденций в СУАР в ближайшей или средней перспективе. Однако, по всей видимости, это приведет лишь к скорейшей развязке проблемы в пользу Пекина, и КНР в таком случае получит возможность защитить интересы своей безопасности. Между тем, на наш взгляд, вероятность нового обострения проблемы невелика, а что касается перспектив так называемого осво-

бодительного движения уйгуров внутри Китая, то под воздействием углубления социально-экономических реформ и всех других процессов, имеющих место в современной КНР, в целом можно ожидать спад сепаратистских настроений и снижение активности движения.

За последние несколько лет китайское правительство, как представляется, нашло оптимальный вариант «национальной политики» в отношении уйгуров — управлять «проблемным» регионом, не допуская роста сепаратистских тенденций и одновременно учитывая характерные черты и особенности автономного района и его жителей.

Таким образом, учитывая, что вероятность социального взрыва и вероятность вмешательства извне в решение «уйгурского вопроса» сведены сегодня к минимуму, можно ожидать, что в среднесрочной перспективе китайское правительство решит проблему уйгурского сепаратизма в СУАР. Периодическая активизация деятельности националистических группировок уйгуров на территории ЦА, скорее всего, сохранится, но на общем фоне будет терять свою эффективность и актуальность.

Литература

1. По материалам агентства Синьхуа.
2. Там же.
3. Baipishu: Xinjiangde lishi yu fazhan («Белая книга Синьцзяна»). — Урумчи, 2003. — С. 24.
4. Там же. С. 12.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ «ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО» (ЦАС)

Жумашева И.К.

С обретением государственной независимости для стран Центральноазиатского региона обрисовалась новая альтернатива региональной интеграции, облегчающая процесс реформирования экономик молодых суверенных государств, а также способствующая их вхождению в мировое хозяйство, подверженное современным процессам глобализации.

Главами государств Центральной Азии, в том числе Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, за считанные годы была проделана значительная работа по созданию в регионе субрегионального

образования, известного сегодня как ЦАС. Создание такой структуры диктовалось необходимостью поиска путей более рационального использования совокупных ресурсов региона в условиях резкого сокращения торгово-экономических связей с бывшими союзными республиками при крайне ограниченных возможностях выхода на рынки вне СНГ. Главной целью ЦАС сегодня является не только экономическая интеграция, но и необходимость совместного решения геополитических проблем сохранения региональной безопасности и борьбы с терроризмом.

Этапы формирования ЦАС

Развитие взаимовыгодного сотрудничества государств Центральной Азии, а именно в экономической сфере, изначально было определено следующими основными факторами:

- наличием взаимосвязанного комплекса производительных сил;
- самообеспеченностью региона всеми видами топливно-энергетических ресурсов, минеральным и сельскохозяйственным сырьем;
- наличием воздушных, железнодорожных и автомобильных путей сообщения между ними, объединенных энергетической и газотранспортной систем и крупных водохозяйственных объектов общего пользования.

С распадом СССР разрыв традиционных экономических связей явился весьма ощутимым ударом для экономик стран всего региона. Еще в 1990-м среднеазиатские республики СССР и Казахстан предприняли попытку объединить усилия для структурной перестройки национальных хозяйств и подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, положив начало *первому этапу* региональной интеграции. Однако известные исторические события потребовали определения новых стратегических подходов в вопросах межгосударственного сотрудничества и региональной интеграции при построении рыночно ориентированной экономики.

В январе 1993 года в Ташкенте на встрече глав государств был принят ряд решений по совместной структурной перестройке экономики и созданию межгосударственных многосторонних отраслевых комиссий. Но в условиях отсутствия в то время согласованной таможенной политики стран региона эти комиссии не смогли развернуть свою работу.

Ввиду вышесказанного, 30 апреля 1994 года Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), направленный на реализацию совместных программ по углублению экономической интеграции и предусматривающий свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, а также согласование кредитно-расчетной, бюджетной, налоговой, ценовой, таможенной и валютной политики. Этот Договор стал правовой основой региональной организации трех, а затем четырех госу-

дарств региона – 26 марта 1998 года к ним присоединился Таджикистан. 17 июля того же года «четверка» решила образовать Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество (ЦАЭС). В качестве наблюдателя в ЦАЭС была принята Российская Федерация, а в 1999 году – Грузия, Украина, Турция.

Таким образом, первый этап экономической интеграции государств Центральной Азии характеризуется активными действиями сторон по созданию эффективных механизмов деятельности и инструментов регулирования интеграционных процессов в рамках подписанного Договора о создании ЕЭП и формированию необходимой нормативно-правовой базы. Были созданы Межгосударственный совет, в состав которого вошли главы государств и правительств, Советы премьер-министров, министров иностранных дел, обороны, а также их рабочий орган – Исполнительный комитет. Принят целый ряд программ по расширению и углублению экономического сотрудничества, а также в социальной сфере; подписаны многочисленные соглашения по вопросам таможенной политики, использования водно-энергетических ресурсов. Начал действовать, хотя и в ограниченных масштабах, Центрально-Азиатский Банк Сотрудничества и Развития.

Тем не менее уровень выполнения принятых в рамках ЦАЭС решений оставался низким, а сами документы носили общий, рекомендательный характер. Выявились качественные несовпадения позиций государств-участников по многим вопросам. В итоге в ЦАЭС наблюдалось замедление темпов интеграционного процесса и, следовательно, разочарование по поводу результатов его деятельности.

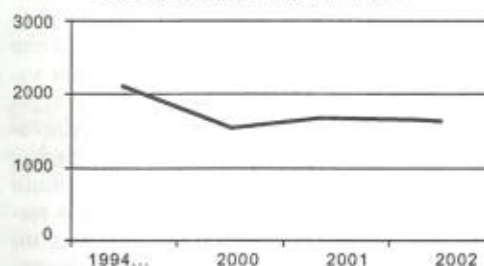
В целом не получило большого развития многостороннее сотрудничество: большинство вопросов в рамках ЦАЭС регулировалось преимущественно на двусторонней основе. Это в основном объясняется усилившимся в новых условиях расхождением в экономических интересах стран региона, в характере и темпах проводимых ими социально-экономических реформ, в уровне либерализации экономики и вовлеченности в мировое хозяйство, а также разновекторностью политических и идеологических предпочтений, заполнивших вакуум, образовавшийся после распада СССР.

Второй этап развития интеграционных процессов четырех государств Центральной

Азии характеризуется переходом с конца 90-х годов от максималистских установок начального периода формирования ЦАЭС к более реалистичному подходу – созданию зоны свободной торговли в качестве действенного механизма поэтапного формирования ЕЭП. Были сформулированы приоритетные направления сотрудничества: решение проблем совместного и рационального использования водных и энергетических ресурсов, согласование политики в сфере развития транспортно-коммуникационной системы, совершенствование сложившихся хозяйственных связей и развитие импортозамещающих производств, создание максимально благоприятных условий для культурно-гуманитарных контактов – и намечены конкретные меры по реализации этих замыслов.

Однако сокращение объема внутрирегиональной торговли с 1994 года по 2000 год почти в 1,4 раза явилось наглядным свидетельством низкой эффективности проводимой работы. И хотя в 2001 году, по сравнению с предыдущим годом, экономический показатель вырос на 7,8%, за 10 месяцев 2002 года объем внутрирегиональной торговли уменьшился на 1,8% (см. график).

График изменения объемов внутрирегиональной торговли стран ЦАЭС (млн USD)

Не получило существенного развития и внутрирегиональное инвестиционное сотрудничество, в том числе и в предпринимательском секторе.

На эффективность действий в ЦАЭС в сфере экономики оказали влияние следующие негативные факторы:

- отсутствие режима свободной торговли между всеми ее участниками (в 1999 году лидеры государств только объявили о своем стремлении к его достижению);
- различие экономических интересов по проблемам использования общих природных ресурсов;
- национальный эгоизм при установлении тарифов и цен на пользование линиями

электропередач и на транзитный проезд транспортных средств;

- сохраняющиеся многие административные ограничения в расчетно-платежных отношениях и взаимной конвертируемости национальных валют и многое другое.

Оказывают также значительное влияние и субъективные, личностные взгляды на региональные и мировые проблемы лидеров и правящих элит государств.

На фоне затухания экономической интеграции усилились интеграционные импульсы, порождаемые необходимостью противодействовать общим угрозам национальной безопасности, связанным с конфликтными очагами за пределами региона, а также с усилением религиозного и политического экстремизма и терроризма.

Третий этап интеграционных процессов ознаменовался подписанием в апреле 2000 года странами ЦАЭС Договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступности и иными угрозами стабильности и безопасности сторон.

Изменение геополитической ситуации в мире и регионе после событий 11 сентября 2001 года, а также новые явления в глобализирующемся мировом хозяйстве побудили лидеров ЦАЭС модифицировать «четверку» применительно к новым реалиям, расширить региональное взаимодействие за рамки экономического сотрудничества и соответствующим образом трансформировать эту структуру.

Таким образом, на встрече в Ташкенте в декабре 2001 года главы государств Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана решили преобразовать ЦАЭС в Организацию «Центрально-Азиатское Сотрудничество» и 28 февраля 2002 года подписали Договор о ее учреждении.

Наряду с расширением сферы деятельности, предусматривалось, что ЦАС будет решать проблемы, имеющие значение не только для региона в целом, но и для каждой из стран-участниц. Одна из задач новой организации – обмен опытом в строительстве демократического общества.

Углубление политического диалога в рамках ЦАС предполагает, среди прочего, развитие взаимодействия во внешнеполитической сфере, что обусловлено, прежде всего, необходимостью сбалансировать отношения с основными игроками в регионе: США,

Россией, Китаем, странами Европы. Новая структура стремится максимизировать возможные выгоды от участия в антитеррористической коалиции и военного присутствия США, использовать эти возможности совместно с тем, чтобы не обострять ситуацию в регионе. Не менее важны и вопросы, связанные с обеспечением региональной безопасности от внешних и внутренних угроз со стороны радикального исламского фундаментализма и религиозного экстремизма.

Основные направления и проблемные моменты сотрудничества стран ЦА в рамках ЦАС

Отказавшись от идеи широкой и всеобъемлющей экономической интеграции, страны «четверки» сосредоточили внимание на конкретных задачах, касающихся рационального совместного использования природных и техногенных ресурсов, выбора форм и методов сотрудничества, отвечающих характеру поставленных задач и реальному уровню взаимозависимости национальных экономик.

Важнейшим компонентом взаимодействия в рамках ЦАС остается двустороннее и многостороннее экономическое сотрудничество. Его приоритетные направления определяются остротой проблем, порождаемых географической, исторической, экономической спецификой региона, и остаются теми же, что и на предыдущих этапах: транспорт, энергетика, использование трансграничных водных ресурсов.

Согласно решениям, принятым на встрече глав государств ЦАС в Душанбе (октябрь 2002 года), в ближайшее время должны быть определены приоритетные проекты для практического сотрудничества в области транспорта и энергетики. В частности, это касается строительства новых объектов и реконструкции действующих предприятий, их совместной эксплуатации, а также добычи и доставки энергоресурсов. Камнем преткновения в отношениях между странами ЦАС до сих пор остается согласование тарифной и таможенной политики на всех видах транспорта. Продолжается работа над зародившимся еще в рамках ЦАЭС проектом Международного водно-энергетического консорциума, реализация которого позволит совершенствовать механизм совместного использования трансграничных водных ресурсов. Кроме того, целесообразным было бы создание консорциума по транс-

порту, что способствовало бы решению таможенных и приграничных проблем; а также консорциум по продовольствию, который мог бы внести вклад в обеспечение продовольственной безопасности региона.

В целом между государствами ЦАС остается еще много неурегулированных вопросов, тормозящих успешное развитие интеграционных процессов региона. В частности, в отношениях Узбекистана с соседними странами сохраняются проблемы по упрощению порядка пересечения границы и таможенных процедур. Пока так и не вышла из стадии обсуждения идея основного многостороннего проекта – водно-энергетического консорциума. Сотрудничество в сфере водопользования и энергетики по-прежнему осуществляется на двусторонней основе, причем между странами ЦАС не прекращаются разногласия по газу. Многие соглашения по ключевым проблемам все время откладываются.

Тем не менее весьма положительные тенденции наметились в сфере внешнеполитического сотрудничества. По многим актуальным вопросам в сфере внешней политики страны «четверки» выступают с единых позиций в ООН и ОБСЕ. В значительной мере согласованы их подходы к формированию в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Есть продвижения и по пограничным вопросам. Осенью 2002 года был подписан документ о делимитации узбекско-таджикской границы, достигнута договоренность об окончательной делимитации рубежей между Узбекистаном и Казахстаном. И все же до сих пор не получили практического развития предложения о выработке многостороннего соглашения по борьбе с незаконной миграцией и трансграничной преступностью.

Реальная деятельность часто подменяется обилием вновь выдвигаемых инициатив, не продиктованных необходимостью и во многом дублирующих прежние договоренности.

Перспективы деятельности ЦАС

В качестве структуры, воплощающей новую модель регионального сотрудничества в Центральной Азии, ЦАС, по сути, находится в процессе становления.

Негативную роль играют многие дезинтегрирующие факторы, в том числе и субъективные, обостряется борьба за лидерство в регионе, увеличивается внешнеполи-

тическое расхождение стран ЦАС. Например, Узбекистан все более явно втягивается в орбиту влияния США, все больше дистанцируясь от соседей по региону, вплоть до закрытия границ. Это снижает его заинтересованность в ЦАС как в инструменте обеспечения региональной безопасности, таким образом, встает вопрос о дальнейшем развитии объединительных процессов в Центральной Азии, где без участия ключевой страны не может быть осуществлен ни один крупномасштабный проект. Говорить же об изменении формата ЦАС вряд ли продуктивно, потому что в таком случае она бы во многом дублировала взаимодействие Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в рамках ЕврАзЭС, ШОС и ДКБ, членами которых они являются.

Тем не менее ЦАС, несомненно, обладает возможностью сохраниться если не как интеграционное объединение, то как структура, в рамках которой наиболее удобно вести совместные поиски эффективных вариантов взаимовыгодного решения отдельных

локальных проблем. Очевидно, что объективные и субъективные условия позволяют сегодня говорить не об интеграции в полном смысле этого слова, а о возможности наладить устойчивое разноплановое взаимодействие между четырьмя странами Центральноазиатского региона. Дальнейшее развитие этого процесса могло бы активизировать интеграционный потенциал имеющихся долгосрочных факторов.

Накопление опыта совместных действий по конкретным вопросам и отработка их механизмов создадут основу для перехода в перспективе к сотрудничеству по более масштабным экономическим и политическим проблемам. При этом на первый план должны выйти проблемы, связанные с согласованием экономических интересов стран-участниц и представляющие собой наиболее надежную почву для развития долгосрочного, недискриминационного устойчивого взаимодействия. Данное направление представляется наиболее оптимальным для успешного развития ЦАС.

Литература

1. Исингарин Н. 10 лет СНГ: проблемы, поиски, решения. – Алматы, 2001.
2. Примбетов С.Д. Центральная Азия. Реалии и перспективы интеграции. – М., 2000.
3. Ушакова Н. Центральноазиатское сотрудничество: направления трансформации // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №3.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГРУЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Тытыкаева А.С.

Регион Южного Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия) является зоной, где постоянно сталкиваются геополитические и экономические интересы различных стран – России, США, Турции, Ирана, а также прикаспийских государств, в том числе и Республики Казахстан. Такое внимание к региону объясняется тремя основными факторами:

- 1) важным геостратегическим расположением Южного Кавказа;
- 2) наличием в регионе запасов энергетических ресурсов;
- 3) существованием региональных этнических и территориальных конфликтов.

На сегодняшний день регион Южного Кавказа вошел в напряженную фазу развития. Немаловажную роль в этом сыграли те изменения, которые происходят на данный момент во внутривнутриполитической ситуации в Грузии в связи с государственным переворотом, что привело к отставке ее президента Э.Шеварднадзе и возникновению новой формации политической элиты в стране. От того, в каком направлении будут дальше развиваться события в Грузии, в решающей степени зависит геополитический расклад сил в регионе и экономическое развитие всего Южного Кавказа и Прикаспийского региона. Последнее обстоятельство и актуализи-

рует наше обращение к тематике Южного Кавказа.

В связи с этим в данном материале проведен анализ внутривластной ситуации в Грузии на современном этапе, с учетом формирующихся в регионе новых геополитических реалий.

Внутривластные изменения

На выборах президента Грузии, прошедших 4 января 2004 г., убедительную победу одержал Михаил Саакашвили, получивший поддержку около 96% участвовавших в них избирателей. Тем самым успех М.Саакашвили придал легитимность государственному перевороту, в результате которого был вынужден уйти в отставку Э.Шеварднадзе. Итоги выборов были в целом позитивно восприняты международным сообществом.

Приход к власти новой политической элиты во главе с М.Саакашвили был обусловлен в первую очередь исчерпавшимися ресурсами прежнего режима правления Э.Шеварднадзе. Экономический кризис в стране, высокий уровень коррупции, а также наличие ряда других социальных и политических проблем в период Э.Шеварднадзе привели к повышению социально-политической конфликтности в грузинском обществе. Выборы в ноябре 2003 г. в парламент Грузии прошли с явными фальсификациями, которые стали поводом для усиления протестных волнений. Это привело в конечном итоге к острому политическому кризису в стране и государственному перевороту. М.Саакашвили стал главным лидером оппозиционных сил, добившихся ухода Э.Шеварднадзе в отставку. Решающим фактором была поддержка М.Саакашвили со стороны США и других западных стран, а также невмешательство России, которая выступила в большей степени пассивным наблюдателем.

В настоящее время перед новой грузинской политической элитой во главе с М.Саакашвили стоит ряд взаимосвязанных между собой проблем в экономической и политической областях, от решения которых в ключевой степени зависит дальнейшее развитие политической ситуации в этой стране.

Социально-экономическая сфера

Наиболее острой внутренней проблемой на данный период выступает сложная социально-экономическая ситуация. Финансовой помощи, оказываемой Западом ново-

му правительству Грузии, недостаточно для того, чтобы разрешить экономический кризис. Для этого необходимо разработать четкую и последовательную стратегию реформирования экономики.

Смена власти в Грузии, а также связанные с ней массовые волнения отрицательно отразились на грузинской экономике. Были приостановлены инвестиционные проекты с участием иностранцев; импорт в ноябре 2003 г. упал почти на 70%, а международные компании-перевозчики стали использовать маршруты в обход Грузии, лишая Тбилиси транзитных доходов. Еще в сентябре прошлого года МВФ приостановил все программы кредитного содействия Грузии.

В целом экономика Грузии характеризуется глубоким системным кризисом. На сегодня ВВП Грузии (без Абхазии и Южной Осетии) составляет 3,3 млрд долларов, или всего 825 долларов на душу населения, что является едва ли не самым низким показателем в СНГ. Официальный уровень безработицы составил почти 15%; средняя зарплата – менее 50 долларов в месяц. Пенсии не повышались с ноября 1998 г., хотя потребительские цены за пять лет выросли на 60%, а национальная валюта (лари) обесценилась на 40%. Средний размер пенсии около 7 долларов, однако даже эти деньги не выплачиваются месяцами. Общая задолженность государства по пенсиям, зарплатам и пособиям за 2003 г. составила порядка 68 млн долларов, или около 14% госбюджета Грузии на 2003 г. По данным Всемирного банка, 54% населения Грузии живет ниже черты бедности. К этому надо добавить постоянные отключения электричества, тепло- и газоснабжения. Жилищно-коммунальное хозяйство, социальная и транспортная инфраструктура страны также находятся в критическом состоянии.

Неблагоприятный экономический климат, огромная коррупция привели к тому, что, даже по официальным заниженным подсчетам, на теневую экономику приходится 40–50% всего производства. Согласно проведенному недавно исследованию Всемирного банка, в Грузии один из самых крупных среди бывших советских республик теневой экономический сектор.

В настоящее время США и международные финансовые организации планируют схему очередной реструктуризации грузинских долгов, оцениваемых в 1,75 млрд долла-

ров. Разрабатываются и планы оказания новой финансовой помощи. Однако предсказать ее объемы и сроки выделения пока затруднительно. Для этого западным государствам необходимо предоставить ясную программу распределения этих денег. Пока США предоставили Грузии чрезвычайную помощь в размере 21 млн долларов.

Таким образом, перед новым руководством Грузии на сегодня стоят две основные экономические задачи:

1) получить необходимые финансовые вливания от западных партнеров для использования их на самые необходимые текущие потребности;

2) разработать пакет законопроектов, направленных на системное улучшение ситуации в экономической сфере (к примеру, упрощение регистрации мелких и средних предпринимателей, создание Налогового кодекса, благоприятствующего развитию новых предприятий).

Однако маловероятно, что в краткосрочной перспективе последуют какие-либо коренные изменения в грузинской экономике. Скорее всего, те субсидии, которые в настоящее время предоставляются США и другими западными странами, будут потрачены на то, чтобы погасить большие задолженности государства перед своими гражданами в виде пенсий и пособий. Это становится наиболее актуальным ввиду приближающихся перевыборов в законодательный орган страны.

Кроме этого, первая задача подразумевает прямую зависимость выхода из кризисного состояния и дальнейшее развитие грузинской экономики от западных стран, что было во многом характерно для Грузии времен Э.Шеварднадзе. Во избежание этого М.Саакашвили необходимо уделить особое внимание второй задаче.

По заявлениям нового президента, ее решение будет проводиться путем конституционных реформ, которые должны в первую очередь коснуться системы исполнительной власти. В частности, недавно был опять создан институт правительства и восстановлена должность премьер-министра. Эти меры должны привести к следующим результатам:

- повысить эффективность работы исполнительной власти;

- переложить часть ответственности за проведение экономических реформ с главы государства на премьер-министра.

Политическая сфера

Необходимо отметить, что кризис в грузинской экономике привел к обострению ряда политических проблем, требующих скорейшего разрешения.

Первое. Государственный переворот в Грузии привел в первую очередь к усилению центробежных тенденций:

- активизировались этнические конфликты между Тбилиси и самопровозглашенными республиками Абхазией и Южной Осетией;

- обострились отношения грузинских властей с Аджарией, фактической автономией в составе Грузии.

Тем самым остро встал вопрос о сохранении грузинского государства в рамках существующих границ. В ближайшее время М.Саакашвили необходимо предпринять ряд решительных шагов в этом направлении. На сегодняшний день Абхазия и Южная Осетия только де-юре остаются в составе Грузии, фактически же они являются независимыми государствами. В обеих республиках действует собственное законодательство, существуют своя система управления и определенный военный потенциал, население этих регионов не участвует в выборах на территории Грузии. Кроме того, учитывая экономический кризис в Грузии, экономики Абхазии и Южной Осетии ориентированы в большей степени на РФ. Перед М.Саакашвили стоит задача вернуть данные республики под юрисдикцию официальных властей Грузии де-факто.

Существует два возможных варианта развития ситуации:

1. *Добровольное присоединение данных автономий в состав Грузии*

В случае с Абхазией и Южной Осетией данный вариант разрешения проблемы маловероятен, т.к. мирные переговоры с президентами автономий начались еще при Э.Шеварднадзе, что, однако, до сих пор не дало каких-либо реальных итогов в силу того, что ни одна из сторон не согласна пойти на уступки.

Более приемлем первый вариант к Аджарии, лидер которой А.Абашидзе склонен к определенным компромиссам с Тбилиси. Это проявилось в первую очередь в том, что, несмотря на его ранние заявления, население автономии все-таки участвовало в президентских выборах 4 января 2004 г. Однако немаловажным стал тот факт, что согласие А.Абашидзе на участие в данных вы-

борах было получено с помощью посла США в Грузии Р.Майлза.

2. Присоединение автономий путем применения военной силы со стороны Тбилиси

В последнее время наблюдается определенное обострение отношений между лидерами автономий и новым руководством Грузии, что вызвало эскалацию военных сил Южной Осетии и Абхазии. Причем в большей степени причиной данной ситуации стали неосторожные заявления М.Саакашвили и его окружения о возможно скором силовом присоединении данных регионов. Это позволяет судить о том, что новое руководство страны идет на сознательный конфликт с сепаратистски настроенными районами.

Однако развитие ситуации по данному варианту представляет собой большую степень риска для нового руководства. Это объясняется рядом следующих причин.

- Ситуация с Абхазией осложняется наличием у этой автономии значительного военного ресурса, который играет сдерживающую роль для Тбилиси. На территории Абхазии дислоцируются 3000 российских военнослужащих. Общая численность своей армии около – 4500 человек, однако резерв военнообязанных составляет примерно 40–50 тыс. человек.

- Попытка разрешения данного конфликта путем вооруженного вмешательства в Южную Осетию может привести к серьезному осложнению отношений нового руководства Грузии с Россией. Большое влияние здесь оказывает наличие в составе РФ республики Северная Осетия, а также многочисленных российских граждан, проживающих в Южной Осетии.

- В то же время военное решение вопроса не устраивает и Запад, который опасается в случае неудачи не только дискредитации ориентированных на него сил в Тбилиси, но и краха грузинской государственности.

- Развязывание войны сразу после своего прихода к власти также является негативным фактором для М.Саакашвили, тем более учитывая маловероятный успех Грузии в данной операции.

Таким образом, учитывая серьезность вышеперечисленных причин, с большой долей вероятности можно утверждать, что все официальные заявления нового руководства Грузии о возможном применении силы по отношению к этим территориям являют-

ся скорее популистскими лозунгами, не влекущими за собой каких-либо реальных действий.

Наиболее вероятным сценарием поведения М.Саакашвили является ряд действий по трем основным направлениям:

1. Создание лояльной Тбилиси оппозиции в данных регионах. В большей степени это проявляется в Adjарии, где делается ставка на ограничение влияния А.Абашидзе с помощью различных общественных движений и партий.

2. Усиление давления на закрытие российских военных баз и вывод расквартированных в этих районах войск РФ. Немаловажной здесь является финансовая помощь, предложенная США для более быстрого свертывания российских военных объектов.

3. Урегулирование конфликтных отношений между Тбилиси и этими автономиями во многом упирается в дальнейшее экономическое развитие Грузии. С достижением же в Грузии стабильного экономического роста, встанет вопрос об интеграции автономий на экономическом уровне.

Второе. Немаловажным в политической сфере для М.Саакашвили становится борьба со своими политическими оппонентами. В первую очередь это касается окружения экс-президента Э.Шеварднадзе.

Одним из главных направлений программных заявлений, сделанных М.Саакашвили, стали вопросы, касающиеся реформирования государственных органов, основными пунктами которых являются:

- борьба с коррупцией среди чиновников;
- сокращение «раздутого» штата государственного аппарата.

Тем самым эти заявления, а также действия, направленные на их осуществление, стали первыми шагами М.Саакашвили в вопросе смены политической элиты в Грузии. На сегодняшний день от должности уже освобождены 16 руководящих лиц региональных таможенных управлений в связи с «неполным служебным соответствием», арестованы бывший министр топлива и энергетики Д.Мирицхулава, бывший гендиректор «Грузинской железной дороги» А.Чхандзе, заместитель председателя налогового департамента министерства финансов Грузии В.Чакнашвили. Несомненно, наиболее значимым стал арест министра транспорта и коммуникаций Грузии Мераба Адеишвили. Именно после этого задержания встал воп-

рос о неприкосновенности Э.Шеварднадзе и его семьи.

Одновременно с антикоррупционной деятельностью М.Саакашвили и его правительства осуществляют сокращение штатов в органах соцобеспечения, в таможенной инспекции и дорожной полиции. Новое руководство собирается также повысить зарплаты правительственных чиновников, чтобы привлечь на работу и удержать на месте опытных профессионалов. Повышение зарплаты работников социальных служб будет проводиться на средства антикоррупционного фонда в 1 млн долларов, выделенные Программой развития ООН и сетью фондов Джорджа Сороса. Ожидается, что управлять фондом будет ПРООН.

Третье. Помимо этого, потенциально конфликтной остается проблема взаимоотношений внутри новой элиты, между лидерами т.н. «бархатной революции», приведшей к отставке Э.Шеварднадзе. В настоящее время произошло «разделение» высших постов в Грузии между основными участниками бывшей оппозиции.

Отчасти с распределением властных полномочий между правящей тройкой связано восстановление должности премьер-министра. Примечательно, что этот пост занял бывший государственный министр, один из тройки лидеров т.н. «революции роз», Зураб Жвания. Нино Бурджанадзе же имеет реальные шансы остаться спикером нового парламента и после перевыборов в марте текущего года.

Однако такая ситуация, по оценкам экспертов, может измениться в среднесрочной перспективе. Негативную роль могут сыграть ряд факторов, к их числу следует отнести как личные амбиции этих политиков, так и различные экономические интересы.

Внешиполитические ориентиры нового руководства

Решение вышеперечисленных задач в большой степени зависит от того внешнеполитического курса, который выберет новое руководство страны.

Поворот на Запад

Исходя из программных заявлений нового президента, становится очевидным, что главным направлением во внешней политике Грузии выступает интеграция в Европейский Союз и НАТО. Это связано с тем, что западные страны, в первую очередь США,

являются основными финансовыми донорами Грузии. Особенно большие надежды по восстановлению экономики Грузии официальная власть связывает со строительством трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, финансирование которого осуществляется именно со стороны США и европейских банков. С введением в эксплуатацию этого трубопровода, которое запланировано на 2005 г., Грузия от прокачки через свою территорию 750 млн тонн нефти в год получит в качестве транзитных тарифов примерно 735 млн долларов.

Однако основной внешнеполитический приоритет Грузии – интеграция в западные структурные организации несет в себе определенную степень риска. Здесь немаловажным является то, что Грузия в ее нынешнем положении, скорее всего, не сможет осуществить данную задачу в силу ряда следующих причин:

- внутренняя нестабильность Грузии, в том числе и из-за проблемы автономий;
- грузинская армия еще не отвечает всем стандартам НАТО;
- сохранение на территории Грузии российских военных объектов.

Таким образом, невыполнение одного из приоритетных направлений внешней политики нового президента может стать серьезным кризисным фактором. Поэтому высока вероятность того, что Грузии принципиально не откажут в приеме в НАТО, но и не будут ускорять этот процесс. В то же время не исключено, что США могут увеличить свое военное присутствие на территории страны, в перспективе поставив вопрос о создании военной базы, например, для защиты стабильности Грузии как транзитного государства.

РФ во внешней политике Грузии

Выстраивание новых отношений с Россией также является одной из потенциальных угроз новому руководству страны. С приходом к власти М.Саакашвили в политике Грузии произошел резкий поворот на Запад, что, безусловно, создает определенные проблемы интересам России в регионе. Помимо этого, сохраняет свою роль и уже описанная выше проблема автономий, поддерживающих тесные связи с Россией, которая может обостриться с приходом к власти М.Саакашвили. Однако для развития отношений между Грузией и Россией со сменой власти появились и позитивные факторы.

1. В Грузии в настоящий период происходит смена политической элиты, которая не несет в себе негативного образа для российской власти, как это было с Э.Шеварднадзе и его окружением.

2. На сегодня грузинская энергетическая система находится в прямой зависимости от РАО «ЕЭС России». Новый грузинский лидер должен будет учитывать геополитические интересы России из-за экономического фактора.

3. Наместилась определенная тенденция к разрешению наиболее проблемной темы в российско-грузинских отношениях – вывод двух оставшихся военных баз России (в Батуми и Ахалкалаки) с территории Грузии. Обе стороны пошли на некоторые уступки, что позволило несколько сгладить эту проблему.

Таким образом, существование таких положительных моментов в отношениях между Россией и Грузией может привести к некоторой разрядке их взаимоотношений. Однако факт того, что в результате государственного переворота в Грузии пришли к власти прозападные политики, несомненно, приведет к укреплению политического влияния США в Грузии и в регионе Южного Кавказа в целом.

Заключение

События в Грузии привели к новому обострению отношений между Россией и США, геополитические интересы которых здесь столкнулись. На сегодня Грузия вошла в напряженный этап выстраивания нового баланса сил в стране. Зарекомендовав себя как «ставленник» США, М.Саакашвили, тем не менее, не может не учитывать национальные интересы России в регионе. Понимая это, новый президент старается несколько отдалиться от ассоциативности с Соединенными Штатами. Этим, скорее всего, объясняется то, что на сегодня во всех его заявлениях прослеживается проевропейская линия политической направленности Грузии.

Тем не менее разрешение ряда существующих проблем, стоящих перед новым руководством, в большей степени зависит от политической и финансовой поддержки США. В целом на сегодняшний день прослеживается тенденция уменьшения влияния

РФ в регионе Южного Кавказа и, напротив, упрочение здесь позиций США.

Грузия стала основным местом приложения со стороны США политической концепции усиления своих позиций в стратегически важном регионе Южного Кавказа. На сегодняшний день становится очевидным, что государственный переворот в Грузии, результатом которого стал приход к власти прозападно настроенных политических сил, был осуществлен с помощью США, оказавших как политическую, так и финансовую поддержку новому руководству страны. Ситуация в Грузии показала, что во внешней политике Соединенных Штатов по отношению к региону Южного Кавказа произошел давно прогнозируемый переход к открытому активному утверждению здесь своего стратегического присутствия. Результаты государственного переворота наиболее четко соответствуют геополитическим целям США по созданию кавказского коридора для доступа к Каспию и каспийской нефти.

Основное внимание здесь уделяется строительству нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, ввиду его стратегической важности. Осуществление данного проекта напрямую зависит от внутривнутренней устойчивости Грузии. Немаловажным следует признать тот факт, что внутривнутреннее положение в Грузии, а также в целом ситуацию на Южном Кавказе на сегодня можно охарактеризовать как политически стабильную. Этот фактор имеет очень высокую значимость в силу того, что кавказский регион играет большую роль в вопросе транзита углеводородного сырья Каспия. Поэтому в долгосрочных планах США останется помощь новому руководству страны как в сохранении территориальной целостности Грузии, так и в разрешении ряда других внутренних экономических и политических задач. Очевидно, что в будущем США будут прилагать наибольшие усилия для бесперебойного транзита нефти по этому трубопроводу. Это в свою очередь повышает шансы выхода каспийских энергоресурсов на мировой рынок углеводородного сырья, а значит, и увеличивает политический вес прикаспийских государств на международной арене.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Артыкбаев М.Т.

В условиях современной глобализации, международного терроризма и религиозного экстремизма, Центральная Азия (ЦА) становится эпицентром интереса в стратегическом, геополитическом плане у представителей не только великих мировых держав, но и региональных. Сегодня эти новые центральноазиатские государства являются полноправными субъектами международных отношений. Они строят открытые, демократические общества.

Отсюда вопрос о том, какой должна быть Центральная Азия в ближайшем будущем в политическом, экономическом, духовном измерении и в чем заключается суть дальнейшего международного сотрудничества самих центральноазиатских государств – это вопросы мировой и региональной политики. При этом все согласны: во-первых, в том, что геополитические интересы этих пяти стран Центральной Азии совпадают – это жить в дружбе и братстве, как-никак, они живут, общаясь друг с другом тысячелетиями, помогая друг другу, сотрудничая во всех сферах общественно-политической жизни. Во-вторых, все согласны в том, что интересы центральноазиатских стран – политические, экономические, духовные имеют общие основания; они хотят установить в этом регионе политический порядок, стабильность, вместе определяя свою национальную безопасность против современных угроз и вызовов. В-третьих, политики и ученые убеждены в том, что неразбериха и трудности, существующие между центральноазиатскими государствами в сфере приграничных районов – таможенные, энергетические, сельскохозяйственные, бытовые и т.д., разрешимы политически, народной дипломатией. В-четвертых, для центральноазиатских государств характерно и то, что трансформационные и модернизационные процессы проходят одновременно и их характер одинаков. Имеются только лишь некоторые различия в темпах реализации этих политических процессов.

После распада СССР (с 1991 г.) между народами Центральной Азии особое значение сыграло международное сотрудничество по таким направлениям, как торго-

экономическое, социально-политическое, дипломатическое, экологическое, этнокультурное, научно-техническое и информационное, культурное, правотворческое, сотрудничество в сфере укрепления независимости мира в регионе и др. Целью международного сотрудничества является укрепление уз дружбы, добрососедства и этнокультурных связей между народами независимых государств Центральной Азии.

По мнению А.Джекшенкулова (Кыргызстан), специфика переходного периода в странах Центральной Азии состоит в том, что «в свое время этим странам навязали извне советский вариант цивилизационной модернизации, причем в ряде случаев буквально вооруженной силой. Этот вариант плохо сопрягался с традиционными социальными отношениями народов Центральной Азии и их культурами» [1].

Региональное сотрудничество центральноазиатских государств наиболее полно проявляется в торгово-экономической сфере. С каждым годом (начиная с 1985 г.) имеются тенденции увеличения объема товарообмена между Кыргызстаном и Казахстаном и с др. [2].

Главным субъектом международного сотрудничества является государство. Именно государство определяет цель и задачи сотрудничества, прежде всего в социально-политической сфере. Анализируя роль государства в переходный период в Центральной Азии, следует подчеркнуть, что при переходе от плановой системы к рыночной существенную роль играет государство.

Международное сотрудничество стран Центральной Азии началось с 1991 г. с подписания Соглашения о создании Межреспубликанского консультативного совета республик Средней Азии и Казахстана. Однако реального воплощения в жизнь эта инициатива не получила. Распад СССР усилил дезинтеграционные процессы. Появились все новые и новые институты (границы, таможня, виза и т.д.). Лишь в 1994 г. государства приступили к практическому осуществлению регионального сотрудничества. Создание единого экономического пространства

такими государствами, как Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, привело в 1995 г. к созыву Центрально-Азиатской конференции по региональному сотрудничеству. В рамках этой Конференции стало традицией проводить постоянные конференции государств Центральной Азии по устойчивому развитию.

Становление современной интеграции центральноазиатских государств, на наш взгляд, определяется четырьмя этапами:

Первый этап связан с ростом национального самосознания, активизацией патриотических и социально-демократических сил. Еще в рамках Советского Союза руководителями республик Центральной Азии для укрепления традиционных отношений и дружбы, установления межнационального согласия между народами и этническими группами, проживающими в регионе, было принято решение учредить Международную ассоциацию содействия сотрудничеству и прогрессу народов Средней Азии и Казахстана (МАССПН). А 14 августа 1991 г. в городе Ташкенте было принято решение о создании Консультативного совета по выработке единых подходов в решении общих проблем экономики республик Средней Азии и Казахстана.

После образования Содружества Независимых Государств (СНГ) руководители республик подтвердили свою заинтересованность в становлении и укреплении СНГ и действовали как независимые государства.

Но лидеры новых центральноазиатских государств понимали не хуже, чем сами инициаторы создания СНГ, недопустимость разрыва социально-экономических связей. Поэтому они заявляли о своей готовности стать равноправными соучредителями СНГ. По мнению лидеров центральноазиатских государств:

- необходима координация усилий по формированию содружества независимых государств;

- создание содружества независимых государств должно осуществляться на правовой основе;

- содружество независимых государств должно осуществляться на правовой основе;

- содружество независимых государств должно гарантировать равноправие всех наций и народностей, защиту их прав и интересов;

- содружество независимых государств не может образовываться по этническому,

конфессиональному или любому иному признаку, нарушающему права человека и народов;

- содружество независимых государств признает и уважает территориальную целостность и неприкосновенность ныне существующих границ;

- ранее заключенный Договор об экономическом сообществе необходимо подтвердить и завершить работу над ним в полном объеме.

Как видно из заявлений лидеров республик Центральной Азии, они приложили все усилия, чтобы сохранить узы дружбы, добрососедства и социокультурные связи. Но, к сожалению, идея Консультативного совета реального воплощения в жизнь не получила, дезинтеграционные процессы оказались сильнее, чем стремления лидеров республик.

Второй этап включает в себя образование независимых государств (сентябрь 1991 г.) и подписание Договора о создании единого экономического пространства (июль 1994 г.). Создаются Региональный консультационный совет, комиссии по организации сотрудничества в области транспорта, социальной защиты населения, информационного обмена, ценообразования и др. Но эти комиссии, из-за отсутствия необходимого правового и экономического обеспечения, не смогли развернуть свою деятельность в полной мере.

Третий этап становления сотрудничества новых центральноазиатских государств начинается с подписания Договора о едином экономическом пространстве 30 апреля 1994 г. в городе Чолпон-Ата и создания Межгосударственного совета Республик: Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан (ЦАС). На встрече в Алматы 8 июля 1994 г. главы государств объявили о принятии решения учредить Межгосударственный совет: «Можно со всей определенностью сказать, – говорится в этом Обращении, – с подписанием этих документов началось реальное продвижение наших стран по созданию не только экономического союза, но и общего политического и культурного пространства» [3]. Потом к этому союзу присоединились Таджикистан, а в качестве наблюдателя – Россия, Грузия и Украина.

Четвертый этап завершает формирование правовой базы как основы экономической, политической и культурной интеграции после образования Межгосудар-

ственного совета и начинается с подписания 10 января 1997 г. Договора о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан. В этом документе отмечается, что данное Соглашение способствует дальнейшему укреплению отношений вечной дружбы между тремя государствами, основанных на близости истории, культуры, языка и традиций.

Интеграционные устремления находят свою официально завершенную форму в созданном Межгосударственном совете, а также в Договоре о вечной дружбе между государствами и Договоре о едином экономическом пространстве, которые отвечают интересам независимых национальных государств и служат укреплению уз дружбы и добрососедства.

В Межгосударственном совете созданы Совет премьер-министров, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны республик. Межгосударственный совет имеет постоянно действующий рабочий орган – исполнительный комитет, который ведет координационно-консультативные, прогнозно-аналитические, информационные работы и контроль за выполнением решений Межгосударственного совета и его институтов.

Вместе с тем следует отметить, что не все страны Центральной Азии идут по пути интеграции. Так, руководство Таджикистана придерживается принципа «принимать участие в работе всех без исключения межгосударственных органов, созданных в рамках СНГ». «Мы считаем, – говорит Э.Рахмонов, – что интеграционные процессы должны расширяться и углубляться на основе как многосторонних, так и двухсторонних соглашений и договоров. Видим в этом способ настоящего добровольного объединения суверенных постсоветских стран в тесный межгосударственный союз на принципиально новых основах, учитывающих современные реалии» [4]. Вместе с тем следует отметить, что Таджикистан сегодня стремится к рыночной экономике, созданию демократических институтов, разгосударствлению собственности и др., но эти действия правительства носят несистемный, еще не достаточно продуманный характер, что свидетельствует об отсутствии конкретной «модели» развития.

Туркменистан уже долгое время не принимает идею региональной интеграции и поэтому постоянно дистанцируется от цент-

ральноазиатского сотрудничества. При этом он большое внимание уделяет сотрудничеству с Ираном, Саудовской Аравией. Проводя политику «открытых дверей», сотрудничает с корпорациями и фирмами дальнего зарубежья. Поэтому на сегодня сложилось мнение, что «Туркменистан и его неприятие идей центральноазиатской интеграции свидетельствует о том, что в ближайшем будущем не придется ожидать расширения Содружества центральноазиатских государств до всех пяти государств. Возможно, было бы целесообразно «звать» Туркменистан, чтобы он участвовал не во всех формах интеграции, а лишь в культурной, гуманитарной и, постепенно, в экономической сферах» [5]. Какое направление сотрудничества принимать – суверенное право каждого государства. Поэтому сегодня в Центральной Азии не существует единой, общепринятой модели социально-экономического развития, государственного управления и сотрудничества. При этом, конечно, целесообразно создание таких условий, которые включали бы возможность не только для отдельных государств, но и для Союза государств участвовать в интеграции на различных уровнях по их выбору. «Например, Единое экономическое пространство (ЕЭП), включающее Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, а в будущем, возможно, и Туркменистан – в центре; Таможенный союз между Россией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном, с одной стороны, и Организацией экономического сотрудничества (ЭКО) – с другой». Такая форма интеграции наиболее приемлема для тех стран, которые имеют разные национальные модели развития, но заинтересованы в укреплении мира и стабильности в регионе и мире.

В области международного сотрудничества и интеграции Кыргызская Республика выступает за «региональное сотрудничество» и «управляемое соседство». «Сегодня очевидно, – неоднократно подчеркивает Президент республики А.Акаев, – что народы Центральной Азии, как никогда, свободны в выборе своего будущего, однако есть ряд обстоятельств, которые требуют объединения наших усилий. Ни одна из стоящих перед нами проблем в политической, экономической и экологической областях не может быть решена усилиями только одного государства. Свободно выбранные, регулируемые рыночным механизмом формы интеграции являются ключевым фактором

долгосрочного успеха. Наше стабильное и поступательное развитие находится в прямой зависимости от добровольного принятия на себя государствами региона обязательств всеобщей ответственности за свое будущее и будущее своих соседей. В этой связи особую значимость приобретает необходимость увязывания практики решения внутренних проблем с требованиями международного сотрудничества» [6].

На Центрально-Азиатской конференции по региональному сотрудничеству А.Акаев предложил создать постоянно действующую Конференцию регионального сотрудничества Совета по устойчивому развитию и выдвинул идею «управляемого соседства». «Сегодня, – отметил он, – необходимо акцентировать внимание на особом, регулируемом совместными усилиями соседстве, которое, по моему глубокому убеждению, будет более выгодно всем, нежели просто соседство. Управляемое соседство, конечно же, не должно заменять национальное правительство, а позволить вовлечь в большую политику на всех уровнях не только государственные структуры, но и широкие слои общественности» [7].

В структуре международного сотрудничества центральноазиатских государств существенную роль играет народная дипломатия как своеобразная социокультурная модель сотрудничества. Межпарламентские связи стран, входящих в ЦАС (Центрально-Азиатский Союз), Ассамблея культур народов Центральной Азии, Межгосударственный совет и другие свидетельствуют, что именно народная дипломатия способствует углублению политической интеграции и укреплению ЦАС.

Межгосударственный совет особое внимание уделяет вопросам нераспространения наркотиков, сохранения мира и безопасности в Центральной Азии.

Одним из факторов, оказывающих влияние на эффективность или же не эффективность региональной интеграции центральноазиатских государств, является религия, она занимает особое место. Будучи во многом отражением противоречивых этнополитических и этнокультурных процессов, религия, а в особенности ислам, все чаще становится влиятельной силой.

Хотя сегодня все центральноазиатские республики считают себя светскими государствами и стремятся отделить религию от государства, лишая ислам, таким образом,

возможности вмешиваться в политическую жизнь общества, стремления и опасения государств Центральной Азии можно понять. Однозначно, что ислам может стать фактором консолидации многоконфессионального общества, государственного строительства, обеспечения политической стабильности, мобилизации людей, внедрения рыночной экономики, создания правовой базы для построения гражданского общества, развития нации, техники, образования и культуры. Тем не менее, несмотря на свою ограниченность, исламский фактор в государствах Центральной Азии является некой социальной и политической данностью, отрицать которую сегодня невозможно. Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на всю значимость исламского возрождения в общественной жизни, сторонники идеи исламского возрождения как фактора национальной консолидации и интеграции народов Центральной Азии, а также и возможной модели развития региона не стали преобладающим общественным и политическим движением. Так что на нынешнем этапе социально-политической жизни государств Центральной Азии одними из важных политических актов являются: борьба с религиозным экстремизмом и исламским фундаментализмом, обеспечение безопасности государственных границ, предотвращение экстремистских групп, а также привлечение и консолидация позитивных сил ислама на укрепление международного сотрудничества в Центральной Азии и решение трудных межэтнических и межнациональных проблем.

Таким образом, отмечая наиболее актуальные проблемы международного сотрудничества центральноазиатских государств, следует подчеркнуть следующее: во-первых, современные политические процессы в странах Центральной Азии характеризуются формированием политической идеологии – либеральной демократии. По содержанию и по форме политические процессы центральноазиатских стран схожи и имеют одинаковый характер; во-вторых, суверенные центральноазиатские государства сегодня ищут активные пути дальнейшего сотрудничества во всех сферах общественно-политической жизни (и это стало заметным в последние годы в связи с международным терроризмом и религиозным экстремизмом); в-третьих, страны Центральной Азии идут по пути интеграции во всех сферах обществен-

но-политической жизни: политической, экономической, военной, таможенной и т.д. в форме многосторонних, двухсторонних отношений. Важность этих общественно-политических отношений заключается в том, что они необходимы для того, чтобы обезопасить себя от угроз и вызовов всемирной глобализации; в-четвертых, формируемые различные общественно-политические организации в странах Центральной Азии, и в частности Межгосударственный совет как своеобразный политический орган, организованный национальными государствами, имеют широкие полномочия и права для осуществления региональной интеграции центральноазиатских республик в решении

социально-экономических, экологических, этнокультурных и других задач; в-пятых, совершенствование политических, экономических, культурно-идеологических отношений между центральноазиатскими государствами в условиях постпереходного периода от коммунистической общественно-политической системы к формированию либерально-демократических ценностей становится объективной предпосылкой понимания дальнейшего их сотрудничества по линии СНГ, ЦАС, Договора о коллективной безопасности, а также решения проблем, связанных с приграничными, таможенными, сельскохозяйственными, энергетическими и другими вопросами.

Литература

1. Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. – М., 2000. – С. 70.
2. Обзор социально-экономического развития Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. Вып. 13. – Бишкек, 2002. – С. 50.
3. Сборник нормативных документов и материалов Межгосударственного совета республик: Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. – Алматы, 1996. – С. 22.
4. Рахмонов Э. Долгий путь к миру. С. 28.
5. Саидазимова Г. Интеграция в Центральной Азии: реалии, вызовы, возможности // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3. – С. 88.
6. Акаев А.А. Речь на открытии Международной конференции по региональному сотрудничеству // Материалы Центрально-Азиатской конференции по региональному сотрудничеству. – Бишкек, 1995. – С. 3.
7. Джекшенкулов А. Указ. соч. С. 90–91.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, ВЕДУЩИХ СТРАН И ГОСУДАРСТВ СНГ

Гусева Л.Ю., Дмитриенко Т.А., Намазбеков М.Н.

Истекший 2003 год был одним из важных этапов для мировой экономики. Опасения относительно того, что 2003 год может стать третьим по счету годом снижения общих темпов роста, в целом не подтвердились. Однако развитие ряда экономических процессов в ведущих странах по итогам года еще не приобрело устойчивой положительной динамики. Анализ основных экономических тенденций также продемонстрировал высокую степень влияния политико-экономической конъюнктуры на основные сегменты мировой экономики: товарные и финансовые рынки.

Военная кампания в Ираке, нестабильность перспектив развития американской экономики, укрепление евро к доллару США оказывали дестабилизирующее влияние на основные рынки. Только к концу 2003 года мировая экономика начала демонстрировать постепенные признаки выхода из рецессии.

В целом, несмотря на то, что первые тенденции оживления крайне неустойчивы, именно 2004 год может стать началом нового цикла экономического роста, положив конец периоду депрессии.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ВВП

Развитие мировой экономики в 2003 году характеризовалось некоторым **ускорением ее роста** с 3% в 2002 году до 3,6% (рисунок 1). Основными положительными моментами прошедшего года явились попытки правительств большинства стран сократить расходы, обуздать инфляцию и активизировать торговлю.

Локомотивами мирового роста выступили США, Китай, Индия, на долю которых в 2003 году пришлось почти 40% мирового ВВП.

При этом необходимо отметить, что наметившаяся на сегодняшний день **тенденция**

к улучшению мирового валового **внутреннего продукта (ВВП)** пока **недостаточно устойчива**. Мировая экономика еще не достигла своего оптимального уровня.

Главными «уязвимыми сферами» для мировой экономической системы выступают растущий бюджетный дефицит в США, кризис большинства европейских и японских банков, структурные проблемы многих стран, неопределенность вокруг инвестиций, а также высокий риск «обвала» американского доллара вследствие потери контроля над его динамикой со стороны США.

По мнению большинства экспертов, если один из этих факторов возобладает в текущем году, то медленный экономический подъем может прекратиться, а мировая экономика вновь вернется к рецессии.

Инвестиции

Мировой рынок прямых иностранных инвестиций (ПИИ) является достаточно динамичной экономической структурой, с одной стороны, выступая в качестве движущего фактора глобального экономического развития, с другой – являясь отражением специфики и динамики развития всей мирохозяйственной системы.

В этой связи некоторое оживление на рынке мировых инвестиций в 2003 году является важнейшей составляющей в процессе постепенного возвращения мировой экономики к положительной динамике развития.

Вместе с тем стоит отметить, что **активность по инвестированию** в зарубежную экономику в 2003 году в мире хотя и показывала положительную тенденцию, но все еще **осталась низкой**. Так, по оценкам международной конференции по торговле и развитию ООН (ЮНКТАД), в 2003 году прямые зарубежные инвестиции в мире оценивались в 653 млрд долл. США. Это несколько выше уровня 2002 года (651 млрд долл. США), но значительно ниже показателей 2000 и 2001

годов, составивших соответственно 1,4 трлн долл. США и 824 млрд долл. США.

году тенденция постепенного роста объемов мировой торговли. Увеличение, согласно

Рисунок 1

Источник: построено по данным World Bank, IMF World Economic Outlook за 2003 год.

В минувшем году **развитые страны** привлекли в свою экономику прямых иностранных инвестиций в размере 467 млрд долл. США. Это составило лишь 40% показателя 2000 года и немного превысило показатель 2002 года (460 млрд долл. США).

Приблизительно в четыре раза возросли, по сравнению с 2002 годом, и составили 86,6 млрд долл. США ПИИ в экономику США, тогда как значительно уменьшились ПИИ в экономику стран ЕС (наибольшее снижение объема прямых иностранных инвестиций произошло во Франции и Германии) и Японии.

ПИИ в экономику **развивающихся стран** в прошлом году составили 155,7 млрд долл. США и были ниже уровне 2002 года (162,1 млрд долл. США). Причиной этому послужило уменьшение ПИИ в экономику стран Латинской Америки с 56 млрд долл. США в 2002 году до 42,3 млрд долл. США в 2003 году.

Незначительный прирост объема ПИИ наметился в **экономике Азиатско-Тихоокеанского региона** (возрос с 95 млрд долл. США в 2002 году до 97 млрд долл. США в 2003 году), Африки, а также Центральной и Восточной Европы.

Из Азиатско-Тихоокеанского региона новый рекорд по притоку прямых иностранных инвестиций поставил в 2003 году Китай (53 млрд долларов США).

Мировая торговля

Развитие мировой экономики тесно связано с динамикой мирового товарооборота. В 2003 году сохранилась начавшаяся в 2002

предварительным данным Всемирной торговой организации, за 2003 год составило 3%. Этот показатель более чем вдвое уступает среднему за 90-е годы. Все 90-е годы мировая торговля росла среднегодовыми темпами в 6%. В 2001 году впервые с 1982 года мировая торговля сократилась на 1%.

Прогноз

ВВП. В 2004 году, по оценкам экспертов, **рост мировой экономики** ускорится до 4,3%. Предстоящий рост должен быть обеспечен в основном благодаря росту в США, Китае, в группе развивающихся стран в целом, а также оживлению экономики в Европе и Японии. Рост ВВП в развивающихся странах составит 4,9%, тогда как в промышленно развитых государствах этот показатель должен приблизиться в 2004 году к 2,5%.

Также прогнозируется стабильный рост большинства стран постсоветского пространства. Ожидаемые темпы прироста их ВВП в 2004 году должны составить не менее 5,4%.

Прямые иностранные инвестиции. Объемы прямых иностранных инвестиций, по прогнозам экспертов, в 2004 году будут увеличиваться благодаря улучшению ситуации в мировой экономике, росту доверия инвесторов и увеличению числа слияний и поглощений.

Мировая торговля. Динамика мировой торговли, по оценкам различных мировых агентств, будет положительной и ее рост к концу 2004 года может вернуться к темпам 90-х годов и составить от 5% до 7%.

* * *

В целом 2003 год можно назвать годом постепенного восстановления мировой экономики. Вместе с тем основное внимание экспертов было сосредоточено в прошедшем году не на общих мировых тенденциях, а преимущественно на экономическом развитии отдельных стран. В этой связи возникает целесообразность рассмотрения динамики ведущих стран более подробно.

2. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЕДУЩИХ СТРАН И ГОСУДАРСТВ СНГ

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Экономическое развитие США в 2003 году в целом характеризовалось умеренными темпами роста, в частности, возрос ВВП, уровень промышленного производства, инвестиций, экспортно-импортных отношений. Вместе с тем наблюдалось незначительное инфляционное давление.

ВВП

Темпы роста ВВП США в 2003 году составили 2,9%, что на 0,3% выше 2002 года.

Наибольший вклад в прирост ВВП внес рост показателей потребительского спроса, составивший более 4,2%, что на 0,8% больше показателя 2002 года, равного 3,4%. Данный факт стал следствием улучшения ожиданий населения в отношении перспектив развития национальной экономики в среднесрочном периоде.

Промышленное производство

Темпы промышленного производства в 2003 году составили около 0,25%. При этом темпы промышленного роста в США во втором квартале показывали значительное падение до -0,3%, однако, начиная с третьего квартала, объемы стали увеличиваться.

В значительной степени объемы промышленного производства повышались за счет роста показателя **нагрузки производственных мощностей**, который увеличился к концу 2003 года до 75,7% против 75,2% в декабре 2002 года.

Кроме того, в третьем квартале 2003 года рост **производительности труда** достиг максимального значения за последние 20 лет, составив при этом более 8% в годовом исчислении. В результате темпы роста корпоративных прибылей в отчетном году повы-

сились более чем на 3% по сравнению с 2002 годом, составив при этом около 9%.

Сокращение же объемов промышленного производства во втором квартале 2003 года было связано, прежде всего, с ухудшением ситуации в отрасли автомобильного машиностроения, производство которой сократилось на 3,5%.

Инфляция

Рост инфляции в 2003 году составлял 1,2%, причем этот показатель был самым низким за последние 40 лет.

Максимальный месячный рост потребительских цен был зафиксирован в феврале и составил 0,5%. В остальные месяцы значение было ниже, а в апреле и ноябре снизилось до отрицательного значения -0,3% и -0,2% соответственно.

Инвестиции

Объем прямых иностранных инвестиций в экономику США в 2003 году, по сравнению с 2002 годом, возрос на 56,6 млрд долларов и составил 86,6 млрд долл. США. В 2002 году объем прямых иностранных инвестиций в экономику США составлял около 30 млрд долларов США.

Данное увеличение потока прямых иностранных инвестиций, прежде всего, связано с оптимистичными прогнозами дальнейшего развития американской экономики, а также улучшением мировой конъюнктуры, которое повысит склонность инвесторов к риску.

Торговля

По итогам 2003 года во внешней торговле США удалось преодолеть тенденцию снижения объемов экспорта и импорта по сравнению с начальным периодом года.

Согласно оценке Бюро экономического анализа США, внешнеторговый оборот за 2003 год составил более 210 млрд долларов США, в том числе экспорт – более 86 млрд долларов США и импорт – более 127 млрд долларов США. Торговый дефицит в течение 2003 года находился вблизи отметки 40 млрд долларов США.

Незначительному росту внешнеторгового оборота способствовало падение американского доллара относительно основных мировых валют. С другой стороны, негативно на величину сальдо торгового баланса влияли высокие цены на энергоносители. Согласно оценкам Министерства Энергети-

ки США, 63% потребления нефти в стране пришлось на импортную нефть, в то время как 20 лет назад это значение составляло около 28%.

Прогноз

Согласно экспертным оценкам агентства Reuters, экономические прогнозы для США на очередной год преимущественно оптимистичные. При этом прогнозируется, что рост американского ВВП по итогам опроса более 50 экономистов составит около 4,6%. Значительную поддержку экономике окажет ситуация на валютном рынке. Дальнейшее падение курса доллара США окажет позитивное влияние на состояние торгового баланса.

Кроме того, прогнозируется снижение налогового бремени в результате реализации налоговой реформы, что увеличит располагаемые доходы, а низкие процентные ставки усилят мотивацию к частным инвестициям. Также ожидается, что снижение налогового бремени позволит увеличить прибыль американских корпораций.

* * *

В целом, согласно экспертным данным, темпы экономического развития США в 2003 году оценивались как наиболее результативные за последние четыре года. Американская экономика продемонстрировала определенное оживление, которое можно рассматривать как завершение цикла депрессии.

СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Экономический рост стран Европейского Союза вот уже третий год подряд оказывается значительно ниже потенциально возможного уровня. В 2003 году ожидаемого оживления не произошло, существенной динамики изменения объемов промышленного производства также не наблюдалось.

ВВП

По итогам 2003 года средний рост ВВП Европейского Союза оказался на уровне 0,7%–0,8%. Совокупное увеличение объемов производства ВВП в странах ЕС обусловлено в основном ростом потребительских расходов на 0,3% по сравнению с предыдущим годом.

В то же время серьезной проблемой для экономики Евросоюза стал слабый рост экспорта. Высокий обменный курс европейской денежной единицы оказал негативное

влияние на экспорт, в результате чего экспорт сократился на 3% по сравнению с 2002 годом.

Наиболее благополучная экономическая ситуация наблюдалась в Великобритании, где рост ВВП в 2003 году составил 2,1%. Основной вклад в ВВП этой страны внесла строительная отрасль – прирост по сравнению с 2002 годом составил 2%, производство услуг – 0,9% прироста и сфера транспорта – увеличение на 0,4%.

Объемы производства ВВП в Дании увеличились на 1,2%, во Франции – на 0,6%.

Данные по росту ВВП в Германии оказывались одними из худших среди всех стран ЕС. Объем ВВП Германии снизился в 2003 году на 0,1% по сравнению с 2002 годом. Основной причиной спада является сокращение потребительских расходов на 0,2% и инвестиций в основной капитал – на 4% по сравнению с 2002 годом.

Промышленное производство

Объем промышленного производства ЕС в 2003 году увеличился на 1%. Наибольший рост производства по итогам года был отмечен в Ирландии – 1,4%, в Германии – 1,3%, во Франции – на 1,1% и в Швеции – на 1%.

Наибольший спад промышленного производства произошел в Голландии – на 2,1%, в Люксембурге – на 1,9% и в Дании – на 1,3%.

Отраслевой анализ показывает, что наибольший рост продемонстрировал строительный сектор – 0,8% по сравнению с 2002 годом. Наиболее значительное сокращение зафиксировано в сфере энергетики – 3,3%. Производство потребительских товаров длительного пользования снизилось на 0,7% по сравнению с предыдущим годом.

Инфляция

В 2003 году в странах ЕС темпы инфляции составили около 2%, что вполне удовлетворяет установленному Европейским Центробанком оптимальному порогу на уровне двух процентов.

При этом наименьшие темпы роста потребительских цен были зафиксированы в Австрии и Германии – 0,9%, в Дании и Финляндии – 1,2%. В то время как в Греции и Испании показатель оказался максимальным – 3,3% и 2,7% соответственно.

Иностранные инвестиции

В 2003 году наблюдалось сокращение объемов прямых иностранных инвестиций

в экономику стран ЕС. В настоящее время инвесторы предпочитают вкладывать свои средства в развивающиеся рынки, а не в страны с развитой экономикой. Низкие затраты на рабочую силу и более привлекательная доходность инвестированного капитала на развивающихся рынках притягивают инвесторов, особенно в плане перевода в эти страны производственных мощностей.

Среди стран ЕС лидером по привлечению прямых иностранных инвестиций по-прежнему остается Люксембург, в котором действует один из самых благоприятных налоговых режимов. В 2003 году прирост прямых иностранных инвестиций в Люксембурге составил 130 млрд долларов США (рост на 3,5% по сравнению с 2002 годом).

Наибольшее снижение объема прямых иностранных инвестиций произошло во Франции и Германии – около 13% и 8% соответственно по сравнению с 2002 годом. Так, в экономику Франции в 2003 году поступило около 50 млрд долларов США, а в Германию – 35 млрд долларов США.

Внешняя торговля

Торговый баланс стран еврозоны в течение 2003 года оставался положительным. Внешний торговый профицит составил более 61 млрд евро. При этом совокупные объемы импорта сократились примерно на 1%, в то время как экспорт на фоне сильной валюты упал более чем на 3%.

Прогноз

Согласно прогнозам экспертов ЕС, в 2004 году рост экономики Евросоюза ожидается на уровне 2,4%. Международный валютный фонд прогнозирует 2%-й экономический рост в ЕС.

Положительная динамика мировой экономики может привести к росту спроса в США, Юго-Восточной Азии и Японии, что, в свою очередь, обусловит увеличение объемов экспорта стран Евросоюза. Согласно экспертным оценкам, экономическое возрождение ЕС может быть достигнуто лишь благодаря росту экспорта.

Европейская Комиссия уверена в постепенном оживлении экономики, которое ожидается в 2004 году. Двигателем роста может выступить развитие спроса на товары из стран ЕС на зарубежных рынках. Отмечается взаимосвязь между экономическими цикла-

ми ЕС и США, причем в последние годы она становится все более тесной благодаря расширению торговых и финансовых связей между двумя регионами. Поэтому можно сделать вывод, что постепенный рост американской экономики является благоприятным знаком для экономики стран Европы.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

ВВП

Анализ развития мировой экономической системы показывает, что экономика Китая продолжает уже в течение ряда лет оставаться в числе первых в мире по темпам роста ВВП.

В частности, в 2003 году в Китае был отмечен 9,1%-й рост ВВП. Такой темп роста оказался самым значительным увеличением показателя ВВП за последние шесть лет. ВВП в реальном выражении составил 11,7 трлн юаней (1,4 трлн долл. США). ВВП на душу населения впервые превысил 1000 американских долларов.

Значительный рост экономики КНР стал возможным, главным образом, благодаря следующим факторам:

Стремительное развитие промышленности. Объем промышленного производства в 2003 году вырос на 17% по сравнению с 2002 годом. Коэффициент вклада промышленности в валовой внутренний продукт страны составил 71,6%. Такие показатели роста достигнуты в результате увеличения промышленного производства электронного, машиностроительного и автомобилестроительного секторов.

Рост капиталовложений в основные фонды. Только за первые три квартала прошлого года капиталовложения в основные фонды страны составили 3,4 трлн юаней (409,6 млрд долл. США), или увеличились на 30,5% по сравнению с аналогичным периодом 2002 года.

Увеличение розничного оборота потребительских товаров на 9,1%. Наибольший спрос в 2003 году был отмечен на такие товары, как: автомобили, дома, электроника и бытовая техника.

Рост внешнеторгового оборота более чем на 37%.

Вместе с тем при наблюдаемых опережающих остальных страны показателях общего роста одним из основных проблемных моментов для китайской экономической си-

стемы остается ее негармоничное развитие. Так, например:

удельный вес сферы услуг в ВВП Китая составляет только около 30%. Более того, в сфере услуг страны действуют главным образом предприятия с низкой добавленной стоимостью, такие, как пункты общепита;

в металлургии, автомобилестроении, производстве цемента и электролитного алюминия наблюдается нерациональное расширение производственных мощностей. Например, с одной стороны, Китай является крупнейшим производителем стального проката в мире; с другой стороны, он также ежегодно импортирует около 30 млн тонн высококачественного стального проката;

происходит расширение разрыва между городским и сельским населением Китая в доходах. В прошлом году среднедушевые поступления, находящиеся в распоряжении городского населения, возросли на 9,3%; среднедушевой чистый доход крестьян увеличился только на 4,3%;

диспропорции в экономическом развитии регионов Китая (Юго-Восточный регион развивается более динамично, чем Северный) и т.д.

Иностранные инвестиции

Китай остается мировым лидером по объемам привлечения иностранных инвестиций. В 2003 году контрактная сумма зарубежных инвестиций составила 115,1 млрд долларов США. Объем фактически использованных зарубежных средств составил 53,5 млрд долларов США.

Для Китая приток капиталов является ключевым фактором роста экономики: около половины китайского экспорта, составляющего 1/3 ВВП КНР, производят предприятия, построенные иностранными компаниями.

По состоянию на конец 2003 года в стране зарегистрированы в общей сложности 465 277 предприятий с участием иностранного капитала, общая контрактная сумма зарубежных инвестиций на конец года составила 943,1 млрд долларов США, а объем фактически использованных зарубежных средств – 501,5 млрд долларов США.

Внешняя торговля

В 2003 году наблюдались самые высокие темпы роста внешней торговли Китая с мо-

мента 1980 года. По данным таможенной статистики КНР, внешнеторговый оборот в прошедшем году увеличился на 37,1% (230,4 млрд долл. США), по сравнению с 2002 годом, и составил 851,2 млрд долл. США.

Объем экспорта и импорта Китая составил 438,4 млрд и 412,8 млрд долл. США при увеличении на 34,6% и 39,9% соответственно. Положительное сальдо торгового баланса составило 25,5 млрд долл. США.

В прошедшем году Китай обошел Японию по объемам потребляемой его экономикой нефти и стал вторым крупнейшим мировым рынком нефти и нефтепродуктов. По данным на конец 2003 года, экономика Китая потребляла в сутки 5,46 млн баррелей нефти. Уровень Японии составляет 5,43 млн баррелей нефти. Эксперты отмечают, что мировой нефтяной рынок сейчас все больше начинает зависеть от ситуации, складывающейся в экономике Китая.

Основными торговыми партнерами Китая, по данным Главного таможенного управления КНР, продолжают оставаться США, Япония и Европейский Союз. Объем товарооборота Китая с каждым из них по итогам года превысил 100 млрд долл. США

В целом экономическая динамика Китая в последние годы демонстрирует достаточно быстрые темпы роста всех основных компонент ВВП, однако преодоление серьезных структурных проблем по-прежнему остается первостепенной задачей китайского правительства.

ЯПОНИЯ

ВВП

Предварительные итоги экономического развития Японии за 2003 год свидетельствуют о том, что экономика этой страны постепенно входит в фазу восстановления после периода замедления деловой активности. ВВП Японии возрос в 2003 году на 1,8%.

Однако, несмотря на положительные данные по ВВП, объемы промышленного производства в течение всего года демонстрировали противоречивую динамику. Так, притом что в целом по итогам рост промышленного производства составил 3,2%, в декабре впервые за последние четыре месяца произошло снижение этого показателя на 1%. Общую основу для роста составило увеличение производства новых моделей авто-

мобилей и персональных компьютеров и вычислительной техники.

Кроме того, в течение 2003 года наблюдалось стабильное падение инвестиций, рост доходов населения был весьма незначительным. Как следствие, внутренний спрос, который составляет немногим более половины ВВП, оставался крайне слабым.

Дефляция

Общую экономическую ситуацию в Японии усугубляла сохраняющаяся дефляция. Индекс потребительских цен в годовом отношении на протяжении десяти месяцев (последние данные доступны за октябрь 2003 года) только в марте оказался положительным. Это в целом означает, что в Японии все еще сохраняется дефляция, хотя темпы ее становятся значительно ниже. Дефляция выступает одной из причин низкого уровня роста потребительского спроса, что, соответственно, отрицательно сказывается на общей динамике ВВП.

Внешняя торговля

В Японии в течение 2003 года фиксировался стабильный торговый профицит. Рост экспорта являлся главным фактором экономического подъема страны. По данным Financial Times, по состоянию на октябрь при росте экспорта на 5,4% и импорта на 1,8%, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, профицит увеличился на 20,4% – до 1073 млрд иен (9,83 млрд долл. США).

Наибольшая доля экспорта приходилась на азиатские страны, в первую очередь на Китай (рост на 27,8% по сравнению с данными на октябрь 2002 года).

В то же время доля экспорта в США в общем объеме имела тенденцию к сокращению (снижение составило 6% по сравнению с октябрём 2002 года). Основными причинами этого стали перенос промышленных мощностей японскими производителями на территорию США (наибольший вес здесь имеет автомобильная промышленность) и переориентация экспортных потоков на другие страны (в частности, экспорта продукции сталелитейной промышленности после введения США антидемпинговых мер).

Вместе с тем негативным моментом для внешней торговли и японской экономики в целом стало падение курса американского доллара по отношению к национальной валюте. Несмотря на активно проводимые интервенции по итогам 2003 года, рост японской национальной валюты относительно

американского доллара составил 10,7%. Курс валюты снизился со 118,5 иен за доллар до 107,1. В результате рост иены привел к удорожанию японской продукции за рубежом, следствием этого стало некоторое снижение оборотов внешней торговли и падение прибылей японских корпораций.

* * *

В целом экономическая ситуация в Японии в 2003 году оставалась одной из самых неопределенных среди всех развитых стран. В течение последних нескольких лет страна балансирует между экономическим ростом и рецессией. Экономическая динамика 2003 года позволяет говорить о том, что текущее состояние японской экономики еще недостаточно нестабильно, но уже просматриваются отдельные признаки экономического роста.

СТРАНЫ СНГ

Анализ развития экономик стран СНГ за 2003 год показывает ряд положительных тенденций, в числе которых рост объемов производства валового внутреннего продукта, умеренные темпы инфляции, повышение инвестиционной привлекательности и динамичное развитие внешнеторговых операций.

ВВП

Рост ВВП за 2003 год в среднем по странам СНГ составил около 7%. Наиболее динамичный рост ВВП наблюдался в Армении – около 13% и в Азербайджане – около 10%. Казахстан по темпам прироста ВВП в 9,6% занимает третье место среди стран Содружества, Россия с показателем 6% занимает шестое место. Самые «медленные» темпы роста ВВП в Кыргызстане – 5,1%.

Рост ВВП во всех странах СНГ был достигнут преимущественно благодаря внешнему фактору – высокие цены на товары экспорта, прежде всего на энергоресурсы и металлы.

Промышленное производство

Объем промышленного производства в среднем по странам СНГ в 2003 году увеличился на 8% по сравнению с 2002 годом. Наибольший рост продемонстрировали такие страны, как Армения – около 19%, Украина и Молдова – около 15%. В Казахстане объем промышленного производства увеличился на 8,8%, в России – на 7%. Наименьшие темпы прироста отмечены в Беларуси – около 6% и в Азербайджане – 5,5%.

Следует отметить, что в 2003 году некоторым странам СНГ уже удалось добиться положительной тенденции опережающего роста обрабатывающей промышленности по сравнению с добывающей. В частности, в Украине в обрабатывающей промышленности прирост составил 18,2%, в добывающей – 5,5%. В обрабатывающей промышленности Казахстана объем производства, по сравнению с 2002 годом, возрос на 8,9%, в горнодобывающей – на 8,8%.

В России по-прежнему темпы роста в добывающих отраслях почти вдвое превышают темпы роста обрабатывающей промышленности.

Инфляция

В 2003 году в странах СНГ сохранилась тенденция умеренных темпов инфляции. В частности, средний уровень инфляции по странам СНГ за 2003 год составил 11%. Наибольший уровень инфляции за рассматриваемый период зафиксирован в Беларуси – 29,3%, в Таджикистане – 16%, в России – около 13%. В Казахстане среднегодовой уровень инфляции составил 6,8%. Наименьший уровень изменения индекса потребительских цен зафиксирован в Азербайджане – 2% и в Кыргызстане – 2,5%.

Иностранные инвестиции

Лидером по темпам роста прямых иностранных инвестиций среди стран СНГ в 2003 году оказалась Россия. Объем прямых иностранных инвестиций в экономику России вырос почти на 70% в 2003 году, т.е. до 5,2 млрд долларов США. Это значительно меньше прогнозируемых в начале года показателей (6–6,5 млрд долларов США). Следует отметить, что около 90% прямых иностранных инвестиций в экономике РФ сосредоточено в сырьевых, экспортноориентированных отраслях.

Республика Казахстан в 2003 году первой из стран СНГ получила инвестиционный рейтинг. Несмотря на это темпы роста иностранных инвестиций значительно меньше российских. Так, в 2003 году, по предварительным оценкам, объем ПИИ в экономику республики увеличился на 11% – почти до 5 млрд долларов США.

Общий объем прямых иностранных инвестиций в 2003 году в экономику Кыргызстана увеличился на 10,7% – до 130 млн долларов США. Наиболее привлекательными для инвесторов отраслями являются обра-

батывающая промышленность (46% от общего объема ПИИ), металлургическое производство (почти 10%), пищевая промышленность, транспорт и связь (около 5%).

В Украине за рассматриваемый период иностранные инвестиции возросли на 25,2%, т.е. до 1,5 млрд долларов США. Наиболее привлекательными для иностранных инвесторов по-прежнему остаются пищевая промышленность (около 20% от общего объема ПИИ), переработка сельхозпродукции (17%), а также торговля (16%).

Наименьший рост объема прямых иностранных инвестиций наблюдался в экономике Армении. Так, по итогам 2003 года объем ПИИ увеличился на 2,5% и составил 150 млн долларов США. Основными сферами вложения ПИИ стали металлургический сектор, развитие связи и финансовый сектор.

Внешняя торговля

В среднем по Содружеству в 2003 году произошло увеличение экспорта и импорта на 25,5% и 24% соответственно по сравнению с 2002 годом.

Наиболее динамичным выглядит внешнеторговый оборот Армении – рост экспорта составил 40%, импорта – 38%. В России объемы экспортных операций увеличились на 25%, импортных – на 20%. Экспорт Казахстана увеличился на 34%, импорт – на 24%. Самые низкие показатели демонстрирует Таджикистан – экспорт сократился на 1,5%, импорт вырос на 10%.

Существенных изменений в товарной структуре экспорта стран СНГ не произошло. Так, в экспорте России и Азербайджана продолжают доминировать топливно-энергетические товары, Беларуси – продукты перегонки нефти, Казахстана – хлебные злаки, каменный уголь и сырая нефть, Кыргызстана – электроэнергия и хлопок, Таджикистана – электроэнергия, хлопок и необработанный алюминий.

Следует отметить, что лишь в трех странах наблюдается положительная тенденция опережающего роста экспорта товаров в сравнении с их импортом. В частности, в Казахстане темпы роста экспорта превысили темпы роста импорта почти на 10%, в России – на 5%, в Армении – на 2%.

Во всех остальных странах СНГ сохраняется опережающий рост импорта товаров в сравнении с их экспортом, что обуславливает негативный баланс внешней торговли.

* * *

В целом динамика развития стран СНГ в 2003 году была позитивной. На 2004 год прогнозируется сохранение положительных тенденций.

В то же время в 2004 году вероятно некоторое замедление темпов роста экономик стран СНГ в связи с возможным снижением цен на нефть. Согласно прогнозным оценкам, темпы экономического роста (в среднем по странам СНГ) могут составить около 5–5,5%.

В этой связи общая экономическая ситуация будет зависеть от того, насколько эффективно в странах СНГ будет проводиться политика по повышению конкурентоспособности национальных экономик и эффективности внутреннего производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом результаты мирового экономического развития в 2003 году позволили сделать следующие основные выводы:

Во-первых, 2003 год обозначил общую тенденцию некоторого ускорения темпов мирового экономического развития. В прошедшем году три основных экономических центра – США, ЕС, Япония после периода глобальной рецессии в 2001–2002 годах одновременно продемонстрировали повышение экономической активности (таблица 1). Однако следует отметить, что темпы мирового экономического роста еще недостаточно высоки, а сама мировая экономическая система не достигла необходимой стабильности.

Динамика ВВП, в % к предыдущему году

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
США	3.6	4.4	4.3	4.1	4.1	0.3	2.3	2.9
ЕС	1.7	2.6	2.9	2.6	3.4	1.7	0.6	0.8
Япония	3.6	1.8	-1	0.7	2.2	-0.4	0.9	1.8
Мировой	4.25	3.6	3.25	3.7	3	1.3	3	3.6
Китай		9	5.2	4.5	9.1	7.4	8	9.1

Во-вторых, при общей положительной динамике мирового ВВП характер и темпы восстановления стран оказались различными. Если в США наблюдался ускоряющийся рост экономики, то в Европе этот рост оказался не таким значительным. В среднем положении между США и Европой оказалась Япония, где в течение года наблюдались скромные, но стабильные темпы роста ВВП.

Самые быстрые темпы развития показал в прошедшем году Китай (таблица 1). КНР за последние годы стала крупным экономическим игроком. В эту страну достаточно быстрыми темпами смещается мировое производство.

В более значительной степени прошедший год определил круг проблем, с которыми страны в 2004 году будут пытаться справиться. В США это сугубо экономические проблемы, включая бюджетный дефицит и перспективы падения американского доллара относительно всех основных мировых валют. В Евросоюзе основной проблемой является отсутствие политического единства, рост курса евро и снижение экспорта. В Японии к старым проблемам, которые не меняются из года в год (дефляция, слабый внутренний спрос и целый ряд структурных проблем), добавились укрепление национальной валюты и угрожающий объем государственного долга. В Китае основной проблемой будет обеспечение гармоничного развития всей экономической системы.

В-третьих, проведенные расчеты показывают, что развивающиеся страны демонстрируют опережающие темпы роста по сравнению с развитыми. Если в развитых странах средний темп роста ВВП составляет около 2%, то для развивающихся стран этот показатель находится в пределах 3,5–4%.

Среди развивающихся стран основной вклад в общую структуру совокупного экономического роста в 2003 году внесли азиат-

ские страны, прежде всего Китай и Индия. Такие высокие показатели экономического развития были связаны с тем, что правительства этих стран создали условия, при которых уже в течение ряда лет сохраняется высокий уровень накопления и инвестирования в реальный сектор экономики.

В-четвертых, падение американского доллара и укрепление по отношению к нему

других мировых валют выступило одним из дестабилизирующих факторов, оказавших существенное влияние на развитие мировой экономики в 2003 году. Прежде всего, снижение курса американской валюты негативно сказалось на экономическом развитии крупнейших экономических центров – Европы и Японии.

В наибольшей степени отрицательные последствия сказались на странах ЕС. Ослабление спроса на внешних рынках в результате роста курса евро к доллару и, как следствие, снижение конкурентоспособности европейских экспортеров привели к стремлению производителей сократить издержки. Далее, следуя экономической цепочке взаи-

мосвязи, произошло сокращение занятости, рост неуверенности у домашних хозяйств в будущих доходах и снижение темпов потребления. При сохранении существующих низких темпов роста ВВП в ведущих странах ЕС возникает риск развития дефляции.

В-пятых, большое дестабилизирующее влияние на развитие мировой экономики продолжает оказывать политическая составляющая. Так, в прошедшем году основными факторами, которые повлияли на динамику котировок на всех финансовых рынках развитых стран и внесли элемент неопределенности, стали ситуация вокруг Ирака, а также в некоторой степени связанная с ней специфика развития мирового нефтяного рынка.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТНК КАК РЕШАЮЩЕГО ФАКТОРА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Карибджанов Е.С.

Формирование международного разделения труда, специализации и кооперации, стремительный процесс перемещения капиталов за счет портфельных инвестиций (акционирование), значительный прогресс в области транспорта и телекоммуникаций в решающей мере способствовали современному развитию транснациональных корпораций (ТНК), впервые появившихся в начале прошлого века. Уже к 1970 г. в 14 ведущих странах мира насчитывалось 7,3 тыс. ТНК, имевших 27,3 тыс. зарубежных филиалов, а их оборот оценивался в \$626 млрд. Число ТНК и масштабы их международной экономической деятельности растут ускоренными темпами. ТНК сегодня – это примерно 60 тыс. основных (материнских) компаний и более 500 тыс. их зарубежных филиалов и аффилированных (зависимых) фирм по всему миру, накопленные ими зарубежные инвестиции превысили \$4,8 трлн, а их глобальные активы составляют \$17,7 трлн. Продажи зарубежных филиалов ТНК растут быстрее, чем мировая торговля товарами и услугами, а рост доли накопленных вывезенных и ввезенных прямых зарубежных инвестиций в мировом ВВП вдвое опережает рост доли в нем мировой торговли. В 2001 г. объем продаж ТНК, составлявший почти \$19 трлн, более чем вдвое превышал объем мирового экспорта, тогда

как в 1990 г. эти два показателя были примерно одинаковыми. В настоящее время под контролем ТНК находится от 1/3 до 1/2 промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка патентов и лицензий на новую технику, технологии и ноу-хау. За период с 1990 по 2000 гг. суммарный объем вывезенных прямых иностранных инвестиций вырос с \$1,7 трлн до \$6,6 трлн. На зарубежные филиалы ТНК в настоящее время приходится одна десятая часть мирового валового внутреннего продукта (ВВП), объем которого в 2001 г. составлял \$31 283,8 млрд и одна треть мирового экспорта (\$6163 млрд).

Существуют различные определения ТНК. Например, И.П.Фаминский дает следующее определение ТНК: «ТНК – крупнейшие компании, национальные по капиталу, но превратившиеся на базе вывоза капитала в международные по сфере своей деятельности. Как правило, за пределами основной страны осуществляется не менее 1/4 производственной деятельности ТНК» [1]. А.С.Белорусов определяет ТНК как «хозяйственное объединение, состоящее из головной (родительской, материнской) компании и зарубежных филиалов» [2]. Несомненно, что характерными признаками ТНК являются размер производства, международная деятельность и наличие зарубежных филиалов.

На наш взгляд, в современных условиях ведущим характерным признаком ТНК является глобальная стратегия, которая обуславливает все вышеперечисленные признаки. Нацеленность ТНК на завоевание новых рынков сбыта продукции и размещение промышленного производства, несомненно, ведет к росту компании, к активизации международной деятельности, к увеличению количества зарубежных филиалов. Национальная принадлежность ТНК в конечном счете «размывается» за счет международных трансграничных операций с корпоративными ценными бумагами. ТНК активно проводят свои операции в глобальном мировом масштабе, играют ведущую роль в укреплении мирохозяйственных связей. В глобальной стратегии ТНК можно выделить четыре главные стратегические установки:

1. Обеспечение своего производства иностранным сырьем.
2. Закрепление на иностранных рынках сбыта через создание там своих филиалов.
3. Рационализация производства путем его перемещения в страны, где издержки производства меньше, чем на собственной территории.
4. Ориентация на технофинансовую стратегию, состоящую в использовании своих инвестиций для создания новых форм закрепления на иностранных рынках, таких, как организация субподрядных предприятий; заключение долгосрочных партнерских соглашений с другими фирмами.

Можно сказать, что за счет глобальных стратегий ТНК формируют целостность мирового хозяйства, обеспечивая хозяйственные связи между национальными экономиками, региональными и мировыми рынками товаров, услуг финансов, валют и трудовых ресурсов. В документах ЮНКТАД подчеркивается, что «прямые иностранные инвестиции транснациональных корпораций играют сейчас важнейшую роль в соединении многих национальных экономик и создании интегрированной интернациональной производственной системы – производственного ядра глобализируемой мировой экономики» [3]. Увеличение объема прямых иностранных инвестиций в наукоемких отраслях способствовало более тесной интеграции национальных хозяйств в рамках Единого рынка [4].

Развитие ТНК, их растущая роль в мировой экономике создали новое явление в экономической жизни – транснационализацию,

которая определяется как уровень участия ТНК в национальной экономике. Данный показатель постоянно растет. Если в 1980 г. объем экспорта и импорта прямых, портфельных и прочих инвестиций составлял 8,4% мирового ВВП, то в 1999 г. этот показатель достиг 22,6%. В 90-х гг. почти 90% мирового объема ПИИ находилось в руках материнских компаний промышленно развитых стран, причем у ТНК США, Франции, Великобритании, Германии и Японии – 60%. Однако реально контролируемая ими сфера значительно шире, поскольку надо принимать в расчет контракты по управлению и другие формы перемещения капиталов.

Необходимо сделать различие в степени транснационализации в развитых и развивающихся странах по направлениям деятельности ТНК. В развитых странах, как правило, ТНК участвуют в выпуске наукоемкой высокотехнологичной промышленной продукции так называемого «третьего яруса». В развивающихся странах приоритетным для ТНК становится участие в производстве продукции добывающего сектора и трудоемких отраслей.

Заметно растет степень интернационализации ТНК, особенно это заметно в нефтяном бизнесе. Так, для компаний «Роял Датч/Шелл» и «Эксон» иностранные инвестиции составили соответственно 70% и 80% по отношению к внутренним капиталовложениям.

Таблица

Динамика транснационализации в Казахстане в 1995–2001 гг. (млрд. долл.)*

	1995	1996	1997	2001
ВВП	16644,8	21041,1	22172	22153,6
ПИИ	964	1136	1319	2747
ПИИ/ВВП, %	5,8	5,4	5,9	12,3

* составлено по данным Агентства по статистике РК.

Данные показывают рост транснационализации в Казахстане, который в данном случае был выражен как отношение прямых иностранных инвестиций к ВВП. Так, по сравнению с 1995 г. данный показатель в 2001 г. вырос с 5,8% до 12,3% соответственно. Функционирование экономики любой страны все больше зависит от внешнеэкономической деятельности и от притока иностранных капиталов (большая часть в виде прямых иностранных инвестиций). В настоящее время около 70% мирового объема ПИИ направляется в развитые страны и только 30% – в развивающиеся, что связано с проблемами установления благоприятного инвестиционного климата.

ТНК в глобальном масштабе является генераторами и проводниками новейших технологий, причем не только производственных, но и управленческих. Концентрация капитала позволяет обеспечивать необходимый уровень НИОКР в ТНК, что, в свою очередь, дает возможность корпорациям эффективно использовать новейшие достижения научно-технического прогресса. Процесс внедрения технологий в современных условиях значительно ускорился. Особенно это ярко проявляется в наукоемких отраслях, где качественные характеристики выпускаемой продукции постоянно совершенствуются.

В целом наибольший темп роста прямых иностранных инвестиций зафиксирован в услугах и наукоемких отраслях промышленности, в которых уровень корпоративной интеграции был наивысшим. Также увеличение объемов международного производства было наиболее ощутимо в наукоемких отраслях, где конкурентные преимущества ТНК связаны с привилегированным обладанием неосозаемыми активами. Этот процесс развивался путем расширения масштабов инвестиционных проектов, осуществляемых иностранными филиалами, и посредством приобретения зарубежными ТНК успешно работающих местных компаний. Так, например, как и в США, в Европе образовалась «новая экономика», базирующаяся на высокотехнологичных, информационных ТНК.

Объем венчурного капитала в странах ЕС, увеличиваясь с 1973 г. на 35–45% ежегодно, достиг к 2000 г. почти \$9 млрд. В 1996 г. был учрежден европейский фондовый индекс для высокотехнологичных компаний – EASDAQ, в листинге которого находилось 26 фирм общей стоимостью \$12 млрд. Его рост составил примерно 100% и в 1997 г., и в 1998 г., а германского и французского аналогов (Neuer Markt и Le Noeveau Marche) только в первой половине 1998 г. – 131% и 85% соответственно.

Сегодня в США формируется принципиально новый вид ТНК, ориентированных в первую очередь на деятельность в сфере услуг и информационных технологий. Их прямые зарубежные инвестиции также осуществляются в сферу услуг, но носят глобальный характер. Сущность таких ТНК в большей степени отражает, видимо, такой термин, как «глобальные компании». Эти компании (корпорации) передают производство в соответствии с системой соглашений другим компаниям, нередко в развивающихся

странах, а сами концентрируют свою деятельность на НИОКР. Кроме того, они активно сотрудничают друг с другом в рамках международных стратегических альянсов.

Глобальные компании уже сейчас формируют механизмы взаимодействия с малыми фирмами в сфере НИОКР. Некоторые из них (General Electric, Cisco) уже добились в этом определенных успехов, другие (Procter & Gamble) осуществляют огромные инвестиции в собственные НИОКР. В перспективе возможно формирование «горизонтальных корпораций», специфику которых составляет ограничение иерархии, а иногда и полный отказ от нее. Организационная структура основана на разделении по базовым процессам (как правило, выделяются 3–5 процессов, лежащих в основе производственного цикла). Основу компании составляют автономные рабочие группы (команды), число которых также минимизируется. Топ-менеджмент крайне малочислен, в его распоряжении остаются лишь финансы и кадры.

Отдельным блоком можно выделить ТНК сырьевых добывающих отраслей, которые сыграли важнейшую роль в развитии мирового хозяйства. В нефтяном бизнесе ТНК начинали свою деятельность с импорта сырой нефти и затем переходили к организации иностранного производства и установлению контроля над нефтяной отраслью. Нефтяной бизнес является наиболее капиталоемким, что требует больших по объему и долгосрочных инвестиций. Это положение делает затруднительным для других корпораций вход на данный рынок и в то же время практически невозможным уход нефтяных ТНК без завершения текущих долгосрочных проектов.

Временные риски нефтяных ТНК приводят к повышенной чувствительности к изменениям в окружающей среде, и в первую очередь в политической. Политическая борьба стран – производителей нефти за контроль над отраслью путем национализации и развития собственных нефтяных корпораций приводит к острым конфликтам между ведущими нефтяными ТНК и правительствами данных стран. В течение прошлого века позиции ТНК в нефтяном бизнесе несколько ослабли, они уже не обладали монопольным контролем над отраслью. В то же время в «даунстриме» позиции ТНК наиболее сильны, что связано с полным контролем над транспортировкой, переработкой и торговлей сырой нефтью.

В 90-е гг. стратегия нефтяных ТНК формировалась с учетом конкуренции, спроса на рынке, колебаний цен и разработок экономических технологий. В силу неравномерности размещения природных запасов сырой нефти и потребителей нефти (более половины стран мира и более 60% промышленных мощностей зависят от импорта углеводородов) нефтяные ТНК имеют хорошие перспективы развития. Особенно усиливаются позиции нефтяных ТНК при вертикальной интеграции. Однако на более длительную перспективу надо учитывать фактор истощения мировых запасов нефти. И хотя этот временной горизонт достаточно длителен, несомненно, что нефтяные ТНК в глобальной перспективе имеют непреодолимый ограничитель дальнейшего развития в данной отрасли.

На современном этапе развития мирового хозяйства можно отчетливо проследить взаимозависимость двух направлений глобализации – рост ТНК и регионализации. Особенно сильно данная взаимосвязь прослеживается на примере ЕС, где миграция транснационального капитала резко возросла в условиях полномасштабных интеграционных процессов. Происходившие в ЕС институциональные преобразования изменили инвестиционный климат и поставили ТНК перед необходимостью приспосабливать трансграничные операции к новым условиям размещения прямых иностранных инвестиций. В то же время проводимая ТНК международная корпоративная интеграция имеет важное значение для усиления конвергенции национальных хозяйств в ЕС. Иными словами, с одной стороны, ТНК с их мощной сетью иностранных филиалов существенно увеличивали вклад в объединение национальных экономик в хозяйственный комплекс ЕС. С другой стороны, совершенствование механизмов функционирования Единого рынка стимулировало оптимизацию международного производства.

Регионализация приводит к положительным изменениям в инвестиционном климате, что, в свою очередь, приводит к усилению темпов роста транснационализации национальных экономик, объединенных в новый экономический блок. Региональная интеграция активизирует трансграничные слияния и поглощения, которые становятся основным методом осуществления прямых иностранных инвестиций, что наглядно видно на примере ЕС. Главной задачей покупок и продаж компаний является приобретение

стратегических активов, особенно нематериальных. Трансграничные слияния и поглощения уменьшают риски приобретающих компаний и способствуют более рентабельному ведению операций. Трансграничные слияния и поглощения модифицируют национальную принадлежность предприятий без изменения места их размещения.

Весьма важным явлением в 90-е гг. стали слияния и поглощения компаний, в то время как новых компаний появлялось относительно мало. Особая роль в этом отводилась стратегии конкуренции, согласно которой во многих отраслях производства наращивалась рыночная доля или же предпринимались попытки завоевать исключительное монопольное положение путем поглощения конкурентов. В соответствии с этой стратегией ТНК должны были быстро мобилизовать необходимый капитал. В данной стратегии проявляется различие между многообразными экономическими блоками.

Так, европейские ТНК отличаются склонностью к противостоянию друг другу, в то время как американские и японские более расположены к компромиссам и альянсам даже со своими конкурентами. Наиболее известные слияния произошли в нефтяном секторе при участии ведущих нефтяных компаний США («Эксон» и «Мобил», «Шеврон» и «Тексако»). Осуществленные в конце 2000 г. данные слияния имели большое значение не только для нефтяного сектора мира, но и для мировой экономики в целом. Так, в октябре 2000 г. Техасо приобрела фирму Chevron за \$35,1 млрд. В результате слияния корпорация Chevron-Техасо занимает четвертое место в мире по объему добычи нефти и газа и пятое место среди нефтяных гигантов по рыночной капитализации в \$100 млрд. Несколько раньше (1 декабря 1999 г.) мегаслияние стоимостью \$81,38 млрд в форме поглощения осуществлено компанией Еххон по отношению к Mobil (раньше обе компании входили в «Стандарт Ойл») с рыночной капитализацией в \$275 млрд (1-я позиция в мире по этому показателю). В сентябре 1999 г. произошло слияние двух французских компаний TotalFina и Elf Aquitaine. Эта сделка по обмену акциями, стоимостью в \$48,7 млрд, привела к поглощению Elf Aquitaine группой TotalFina. Объединенная компания «Франс Ойл» с рыночной капитализацией в \$98,4 млрд занимает пятое место в мире по объему добычи нефти. Слияние BP и Amoco, стоимостью \$53,47 млрд, при-

вело к тому, что рыночная капитализация объединенной корпорации превысила \$160 млрд (третье место по капитализации).

Рыночная стоимость «Роял Дач/Шелл» составляет \$205 млрд (второе место в мире).

Американские ТНК нередко становятся лидерами в крупных альянсах. Так, международный стратегический альянс Delta создан с участием известных европейских авиакомпаний (Air France, Austrian Airlines), однако лидирует в нем американская Delta. Аналогичная ситуация сложилась в сфере рекламы – ведущими международными холдингами здесь выступают ТНК США.

Однако в последние годы все отчетливее проявляется тенденция к объединению европейских корпораций перед лицом заокеанских соперников. Например, в начале 2000 г. руководство компаний Telekom Italia SPA и Deutsche Telekom объявило о слиянии. Сделка оценивается в \$79 млрд. Ожидается, что новая корпорация будет иметь выручку в \$63 млрд и рыночную стоимость в \$200 млрд, что позволит ей стать достойным конкурентом таких телекоммуникационных гигантов, как американская AT&T и японская NNT. Стремление к объединению у ТНК ЕС возникло после поглощения немецкого гиганта Mannesmann, входившего в империю Deutsche Bank, англо-американской телекоммуникационной компанией Vodafone airtouch.

Наиболее частым представляется создание вертикально-интегрированной компании (собственности ТНК) в национальной экономике или в экономическом блоке. При этом обеспечивается эффективность и гибкость в снабжении основного производства сырьем и полуфабрикатами, обеспечиваются внутренние каналы реализации готовой продукции и, что наиболее значимо, существенно уменьшаются риски пребывания ТНК на чужой территории. Вертикальная интеграция особенно эффективна при трансакциях крупных, глобально ориентированных ТНК с многоотраслевым производством на региональной основе. Подобные компании, обладая диверсифицированной производственной базой, интегрированной

системой обслуживания и развитыми сбытовыми связями, значительно усиливают свои позиции. Вертикальная интеграция позволяет ТНК сосредоточивать собственные основные ресурсы на производстве наукоемкой продукции, в то время как местные компании обеспечивают производство полуфабрикатов или стандартных товаров на условиях «аутсорсинга». Данный подход позволяет ТНК существенно увеличивать рентабельность производства.

В целом дальнейшее развитие ТНК подчиняется двум основным направлениям в развитии регионализации, а именно: повышению степени конвергенции стран – участниц интеграционной группировки и увеличению участников блоков. Все это существенно воздействует на структуру и динамику международного производства ТНК. Возникают новые условия организации инвестиционных проектов, которые изменяют не только деловую среду для проведения трансакций, но и механизмы взаимодействия субъектов региональных экономических отношений. Углубление интеграционных процессов предполагает стимулирование экономического роста, увеличение конкурентоспособности товаров и услуг и более эффективное использование потенциала единых рынков.

Развитие конкурентоспособности производства внутри экономических блоков способствует увеличению темпов роста национальных экономик стран – участниц интеграционной группировки за счет эффективного размещения производственных ресурсов. Данный рост способствует активному внедрению со стороны ТНК новейших технологических разработок в процессы промышленного производства в целях повышения производительности труда и конкурентоспособности выпускаемой продукции. Оптимизация регионального разделения труда позволяет ТНК увеличить специализацию на тех видах деятельности, в которых они обладают наибольшими преимуществами, и создавать добавленную стоимость продукции путем роста наукоемкости процесса производства.

Литература

1. Внешнеэкономический толковый словарь / Под ред. И.П.Фаминского. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 422.
2. Булатов А.С. Мировая экономика. – М.: Юристъ, 2001.
3. World Investment Report, 1995, U.N., N.Y., 1995.
4. European Economy. Reports and Studies. – Brussels, 1996. – №4.
5. Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. – М.: Юнити-Дана, 1999.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: уроки для Казахстана

Алагузов Р.Ж.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения то, что в XXI веке ключевым условием ускоренного прогресса социально-экономического развития является эффективная инновационная политика, направленная на внедрение высоких, «прорывных» технологий, новых форм организации труда и управления, передовых изобретений и достижений научно-технического прогресса.

Инновация (нововведение) в широком смысле слова означает успешное внедрение в производство и использование новшеств, обеспечивающих стратегический выигрыш в экономической и социальной сферах. Как показывает мировой опыт, динамичное социально-экономическое развитие многих стран мира основано на инновациях, имеющих стратегически важный характер.

Сегодня Казахстан столкнулся перед необходимостью принять глобальный инновационный вызов. Хотя ничтожная доля инновационной деятельности в нашей стране не дает оснований для ориентации казахстанской экономики на приоритетное развитие только этого сектора, тем не менее односторонняя ориентация на ресурсодобывающие отрасли и отрасли топливно-энергетического комплекса также не может быть признана основой успешной стратегии экономического развития. Поскольку опора исключительно на сырьевое развитие экономики рано или поздно, но в конечном счете отбросит нашу страну назад не только по объему выпускаемой продукции, но и по ее технологическим возможностям, и тогда Казахстан навсегда отстанет от развитых стран во всех сферах своего развития.

На фоне глобализации мировой экономики сегодня экономика Казахстана сталкивается с целым рядом проблем, к основным из которых относятся: однобокая сырьевая направленность, слабая интеграция в мировую экономику, слабая межотраслевая и межрегиональная интеграция внутри страны, незначительный потребительский спрос на товары и услуги на внутреннем рынке, неразвитость производственной и социальной инфраструктуры, общая техническая и технологическая отсталость предприятий,

отсутствие действенной связи науки с производством, низкие расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), несоответствие существующего менеджмента задачам адаптации экономики к процессам глобализации и переходу к провозглашаемой «сервисно-технологической» экономике [1].

Согласно Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы, в настоящее время актуальной стратегической задачей является развитие отечественного наукоемкого производства, разработка и освоение новых наукоемких и информационных технологий, ориентированных на получение конкурентоспособной продукции и обеспечение интересов национальной экономической безопасности за счет сохранения и развития промышленного и научно-технического потенциала республики [2].

Очевидно, что сегодня Казахстан пытается выстроить новую инновационную политику, нацеленную на активизацию и стимулирование инновационных процессов и национального научно-технического потенциала, внедрение новых технологических укладов, освоение новых передовых в обрабатывающей промышленности, преодоление разрыва между наукой и производством, а также на обеспечение реального трансфера передовой иностранной технологии и внедрение международных стандартов.

В связи с этим большую актуальность приобретает изучение наиболее успешного зарубежного опыта проведения эффективной инновационной политики.

Как показывает мировая практика, вклад научных достижений в экономический рост в отдельных странах превышает 50% ВВП. Сегодня в мировой экономике производство наукоемкой продукции обеспечивают всего 50–55 основных макротехнологий. Семь наиболее развитых стран мира, обладая 46-ю макротехнологиями, держат 80% рынка высоких технологий. США ежегодно получают от экспорта наукоемкой продукции около 700, Германия – 530, Япония – 400 млрд долларов [3].

В целом объем современного мирового рынка наукоемкой продукции составляет 2,3 трлн американских долларов. На долю США из этой суммы приходится 39%, Японии – 30%, Германии – 16%. Для сравнения, доля нашего наиболее развитого в этой сфере соседа, России, составляет всего 0,3%.

Передовым странам с развитой рыночной экономикой удалось отработать разнообразные эффективные инновационные управленческие и экономические механизмы, основанные на трех основных принципах. Во-первых, в высокоразвитых странах был выработан динамичный, адекватный складывающейся ситуации, отраслевой и предметно-тематический подход государства к определению того, что считать инновациями, какие виды достижений научно-технического, технологического прогресса должны рассматриваться в качестве ключевых на данный период. Во-вторых, со стороны государства была оказана исключительно весомая и законодательно закреплённая экономическая и политическая поддержка инноваций. И, наконец, в-третьих, в общий комплекс поддерживающих мероприятий вошли меры государственной поддержки инноваций по формальным основаниям и вне зависимости от воли государственных чиновников.

Как известно, к прямым методам государственного регулирования относятся: а) государственное инвестирование в виде финансирования, кредитования, лизинга, осуществления фондовых операций; б) планирование и программирование; в) государственное предпринимательство.

Особое место в системе прямых экономических мер воздействия государства на инновационные процессы занимают меры, стимулирующие кооперацию промышленных корпораций в области НИОКР, а также кооперацию университетов с промышленностью. Например, в Японии государство осуществляет бюджетное субсидирование и льготное кредитование подведомственных различным министерствам НИИ, государственных корпораций, исследовательских центров, осуществляющих НИОКР совместно с частными компаниями. В Германии правительство осуществляет финансовую поддержку в развитии долгосрочных и рискованных исследований в ключевых областях научно-технической и производственно-хозяйственной деятельности. В Канаде прямое стимулирование НИОКР государством за-

ключается в предоставлении государственной гарантии кредита в коммерческих банках и государственном финансировании НИОКР.

Косвенные методы регулирования инновационной деятельности в технологически развитых странах в основном направлены, с одной стороны, на стимулирование инновационных процессов, а с другой – на создание благоприятных экономических условий и социально-политического климата для научно-технического развития. Они основаны на том, что государство прямо не ограничивает самостоятельности предприятий в принятии хозяйственных решений. Воздействие этих методов успешно, если они способствуют формированию общественных, а не индивидуальных условий хозяйствования.

Среди косвенных методов управления традиционно выделяются налоговое и амортизационное регулирование, кредитная и финансовая политика, ценовое регулирование, политика протекционизма, либерализация налогового и амортизационного законодательства.

Важнейшую роль играют налоговые льготы, используемые для поощрения тех направлений деятельности корпораций, которые желательны с точки зрения государства, в том числе льготы, направленные на стимулирование научно-технического прогресса, экспорта и деловой активности инновационного бизнеса.

Основными налоговыми льготами являются: (1) скидки на прибыль в размере капиталовложений в новое оборудование и строительство; (2) скидки с налога на прибыль в размере расходов на НИОКР; (3) отнесение к текущим затратам расходов на отдельные виды оборудования, обычно используемого в научных исследованиях; (4) создание за счет фонда прибыли фондов специального назначения, не облагаемой налогом; (5) обложение прибыли по пониженным ставкам (для малых и средних предприятий).

Налоговые льготы на капитальные вложения чаще всего предоставляются в виде «инвестиционного налогового кредита». Как правило, такая льгота дается компаниям, направляющим инвестиции на внедрение новой техники, оборудования, технологий и т.п. Эта скидка вычитается из суммы начисленного налога на прибыль компании (в отличие от обычных скидок, вычитаемых из общей суммы налогов).

Инвестиционная налоговая скидка предоставляется лишь после ввода новой техники в эксплуатацию. При этом право на получение налоговой скидки наступает для компании автоматически: его не надо доказывать и обосновывать, т.к. оно закреплено законодательством.

Величина скидки устанавливается в процентах от стоимости внедряемой техники и составляет: 5,3% в Японии (для электронной техники и оборудования), 50% в Великобритании (для первого года эксплуатации новой техники, технологии, материалов и т.п.), 10–15% в Канаде (в зависимости от освоенности территории месторасположения компании) и 100% в Ирландии. В США налоговая скидка на инвестиции применяется лишь для энергетического оборудования [4].

В технологически развитых странах льготы на НИОКР даются чаще в виде скидок с расходов компаний на эти цели. Существуют два вида налоговых скидок: объемные и процентные. Объемная скидка дает льготу пропорционально размерам затрат. Так, например, в США, Великобритании, Канаде, Бельгии, Швеции, Италии 100% расходов на НИОКР вычитается из налогооблагаемых доходов компаний, в Австралии – 150%. В ряде стран, таких, как Австрия, Малайзия, Нидерланды, Норвегия, предприятия энергетических отраслей полностью исключают расходы на НИОКР из прибыли до налогообложения.

Приростная скидка определяется исходя из достигнутого компанией увеличения затрат на НИОКР по сравнению с уровнем базового года или среднего за какой-то период. Эта скидка действует после того, как указанные расходы были произведены. Максимальная скидка в 50% имеет место во Франции, но она не может превышать пяти млн франков в год. В Канаде, США, Японии и Тайване она составляет 20%. Однако и здесь имеется ряд ограничений. Так, например, в США налоговая скидка на прирост НИОКР применяется лишь к тем расходам на НИОКР, которые направлены на создание новой продукции или разработку новых технологических процессов (т.е. она не распространяется на расходы, связанные с изменением типа или вида продукции, косметическими, сезонными и прочими модификациями). Кроме того, в США установлен лимит на льготы – дополнительные расходы на НИОКР (на которые распространяется льгота) не должны превышать 50% суммы ба-

зисных затрат за определенный период. В Канаде размер льготы увеличивается до 30% для условий труднодоступных и экономически неразвитых районов. В Японии и Тайване скидка в 20% исчисляется от суммы прироста расходов на НИОКР по сравнению с наивысшим достигнутым уровнем расходов на НИОКР, имеется ограничение – данная льгота не должна превышать 10% общих налоговых обязательств компании.

Некоторые страны используют одновременно оба вида налоговых скидок – и объемный, и процентный, но по отношению к разным видам расходов. Так, в США общая приростная скидка дополнена объемной в размере 20% для затрат частного сектора на финансирование фундаментальных исследований.

В мире также имеет место практика установления потолка размера списания налогов по скидкам на НИОКР. Так, в Японии и Южной Корее он не должен превышать 10% от суммы корпоративного налога, а в Канаде, Испании и на Тайване потолок существенно выше – соответственно 75, 35 и 50%. В Австралии, Франции, Италии и Нидерландах установлен стоимостной предел налоговой скидки.

Так называемые «налоговые каникулы» (временное освобождение от уплаты налога на прибыль или частичное его снижение) действуют во Франции и распространяются на вновь созданные малые и средние предприятия (в том числе научно-исследовательские) со снижением на первые пять лет их деятельности на 50% уплачиваемого ими подоходного налога.

В Великобритании для начинающих инновационных компаний налог на прибыль снижен с 20% до 1%. Потолок не облагаемых налогом инвестиций таких компаний поднят на 50% – до 150 тыс. фунтов стерлингов. Снижен налог на прирост капитала от долгосрочных инвестиций в стартующие инновационные компании и снят налог при реинвестировании в такие компании. Устранен облагаемый налогом предел в 1 млн фунтов стерлингов на фонды, привлеченные соответствующими кампаниями, для компаний с объемом основных фондов менее 10 млн фунтов стерлингов. Выделены 50 млн фунтов стерлингов под правительственные гранты в стартующие инновационные компании.

Таким образом в Великобритании только в 1997 году было проинвестировано 295

млн фунтов стерлингов в 690 высокотехнологических компаний. В США в 1997 году в стартующие компании инвестировано 9 млрд долларов; в Европе в 1996 году – 500 млн долларов, в 1997 году – 1 млрд долларов [5].

Для малых и средних предприятий налоговые льготы позволяют снижать налогооблагаемый доход на 20% в случае, если превышен предыдущий максимальный уровень расходов на НИОКР, либо уменьшать налоговые выплаты на 6% от величины расходов на исследования и разработки, но в этом случае уменьшение не должно составлять более 15% от налоговых обязательств фирмы. Расходы, которые фирмы несут при платежах исследовательским учреждениям в связи с научно-технологическим развитием, также могут вычитаться из налогооблагаемой прибыли.

Кроме того, практикуются налоговые льготы, связанные с системой амортизационных списаний. Они используются для стимулирования опережающего развития конкретных отраслей, поощрения НИОКР или для общего инвестиционного оживления.

В технологически развитых странах широко применяется ускоренная амортизация оборудования как стимул для обновления производственных фондов. Так, в США установлен срок амортизации в пять лет для оборудования и приборов, используемых для НИОКР, со сроком службы от четырех до десяти лет. В Японии система ускоренной амортизации введена для компаний, применяющих либо энергосберегающее оборудование, либо оборудование, которое содействует эффективному использованию ресурсов и не вредит окружающей среде. Применяются разнообразные нормы ускоренной амортизации – от 10 до 50%. Однако наиболее распространенная ставка составляет в среднем 15–18%.

В Великобритании технологическим компаниям разрешено списание полной стоимости технического оборудования в первый год его работы. В Германии в первый год может быть списано 40% расходов на приобретение оборудования и приборов, используемых для проведения НИОКР. Система амортизационных списаний в Швеции позволяла оборудование со сроком службы до трех лет и с незначительной стоимостью списывать в расходы в год приобретения, а в целом машины и оборудование – в течение четырех-пяти лет. Во Франции существует

возможность применения ускоренной амортизации к важнейшим видам оборудования: энергосберегающему, экологическому, информационному. Например, компьютер можно амортизировать за один год. Коэффициент амортизации при сроке службы оборудования до четырех лет равен 1,5; пяти-шести лет – 2; более шести лет – 2–2,5.

В США закон о налоговой реформе 1986 года придал государственной налоговой политике большую целенаправленность, хотя и сузил применение разрешенных ранее налоговых льгот. Так, сроки амортизации были увеличены, но главным образом лишь на пассивную часть основных фондов – на здания и сооружения: до 31,5 года (ранее было 10–15 лет) для нежилых и 27,5 для жилых зданий. Но для активной их части амортизационное списание было еще более ускорено – так, при сроке списания в пять лет, разрешено было в первые два года списывать до 64% стоимости оборудования. Налоговая скидка на инвестиции сохранилась лишь для энергетического оборудования.

В целях активизации инновационной активности за рубежом государство нередко стимулирует и подготовку кадров. Так, во Франции 25% прироста расходов на подготовку кадров освобождаются от налогов (там, где безработица велика, эти затраты не облагаются налогами).

Кроме того, в технологически развитых странах общепринято стимулировать НИОКР правительственными гарантиями путем предоставления долгосрочных кредитов для перспективных направлений исследований. К примеру, в США в официальных правительственных документах капиталовложения в научно-технологическую сферу даже именуются «инвестициями в будущее», а сфера НИОКР рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов осуществления стратегических национальных целей.

В частности, в 2000 году расходы государства на НИОКР составили: в США – 246,2 млрд долларов (2,9% от ВВП); в Японии – 94,2 млрд долларов (3,0% от ВВП); в Германии – 45,8 млрд долларов (2,35% от ВВП); во Франции – 28,0 млрд долларов (2,25% от ВВП); в Швеции – 7,6 млрд долларов (4,0% от ВВП). Следует отметить, что Евросоюз рекомендует всем своим членам довести уровень вложений в науку до 2,5% от ВВП. Ежегодный же прирост государственных затрат в научно-исследовательской сфере в США составляет около 10%. Для сравнения,

в Казахстане за последние пять лет объемы финансирования науки составляют всего 0,2% ВВП [6].

К косвенным экономическим мерам государственного регулирования инновационной деятельности относится и политика протекционизма в виде торгово-валютного регулирования, направленного на защиту и реализацию инноваций внутри страны. Так, в 1987 году под давлением Ассоциации электронной промышленности США администрация Рейгана ввела 100%-й налог на некоторые виды японской электроники, ввозимой на американский рынок, что было вызвано превышением импорта электронных изделий из Японии над американским экспортом соответствующих товаров на 16%.

Во Франции используются методы, поощряющие стимулирование экспорта. Рисковые затраты фирм, создающих филиалы за границей, в течение шести лет могут вести к уменьшению налогообложения.

В интересах активизации инновационной активности в технологически развитых странах государство играет большую роль в создании социальной инфраструктуры, включающей формирование информационной системы внутри страны.

Что касается Казахстана, современное состояние науки в нашей стране характеризуется наличием большого числа завершенных научных разработок, не востребованных производством. Это весьма значительный потенциал, и его использование должно стать одной из основных задач развития инновационной деятельности.

По оценкам отечественных специалистов, Казахстан сегодня обладает достаточной научной базой, позволяющей развивать наукоемкие производства на основе отечественных разработок в ряде направлений. Прежде всего, это биотехнологии (новые сорта и генотипы сельскохозяйственных культур и животных, штаммы бактерий и др.); ядерные технологии; космические технологии; создание новых материалов, химических технологий и продуктов. Весьма перспективным может также стать развитие информационных технологий [7].

Однако в целом содержание государственной научно-технической и инновационной политики в Казахстане до сих пор фактически заключается лишь в непродуктивном декларировании остающихся нерезализованными общих намерений. Политика государства в инновационной сфере по-

прежнему лишена эффективных конструктивных механизмов ее действенной реализации.

Существующие государственные инновационные механизмы малоприспособлены для строительства провозглашенной в Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы так называемой «сервисно-технологической» экономики. Инновационные процессы, по сути, только имитируются.

Казахстанским производителям не хватает опыта доведения научных разработок до уровня рыночного товара, не хватает высококвалифицированных специалистов в области менеджмента, маркетинга и анализа.

Отсталость инновационной сферы страны во многом объясняется также тем, что главной целью участников слабого инновационного процесса в Казахстане в конечном счете является не строительство инновационной экономики, а собственное кормление вокруг сферы инноваций.

В нынешних казахстанских условиях не следует возлагать больших надежд на рыночное саморегулирование, побуждающее отечественных производителей широко использовать инновации, поскольку существующие стимулы явно недостаточны для активизации инновационных разработок, связанных со свойственными нашим условиям большими затратами, высокой степенью риска и неопределенностью даже ближайшего будущего.

Кроме того, интересы частного предпринимательства пока слабо согласуются с национальными интересами в выборе приоритетов инновационных проектов. К тому же, инновационная культура казахстанского общества объективно еще не созрела, а сами инновации в условиях нищенского состояния науки и изобретательства объективно пока не являются и не скоро будут востребованы обществом.

Важнейшим фактором развития инновационной деятельности является использование интеллектуальной собственности и защита ее прав. Эффективный хозяйственный оборот интеллектуальной собственности за счет сбалансированности прав и законных интересов субъектов правоотношений способен обеспечить единство спроса и предложения на результаты интеллектуальной деятельности, развитие научно-технических исследований, их промышленную

реализацию, производство и потребление новых конкурентоспособных товаров и услуг.

Очевидно, что в целях активизации инновационной деятельности в Казахстане сегодня необходимо, в первую очередь, направить основные усилия на создание тщательно продуманной законодательной и нормативной правовой базы в целом, которая обеспечивала бы подлинную свободу и широкие возможности для юридических и физических лиц осуществлять и поддерживать инновационную деятельность независимо от воли государственных чиновников.

Литература

1. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы. С. 7–8.
2. Там же. С. 35.
3. Белов В.Н. К вопросу о российской инновационной политике. Зарубежный опыт // Инновационная политика и инновационный бизнес в России. – Июнь 2001. – №15 (146). – С. 17.
4. Там же. С. 19.
5. Там же. С. 21.
6. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы. С. 32.
7. Там же. С. 21.

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Алиев У.Ж., Избембетова Ж.Д.

На протяжении большей части прошлого столетия потребление металлопродукции служило одним из важнейших показателей уровня экономического развития. Эволюция экономических потребностей и повышение научно-технического уровня современного производства существенно изменили его структуру и отраслевые приоритеты экономического роста. В современной постиндустриальной экономике большинства развитых стран металлургия частично утратила структурообразующую роль и сегодня в основном выполняет функции одного из звеньев системы материального обеспечения процесса производства. Однако металлы все же остаются важнейшим воспроизводственным ресурсом и, безусловно, сохраняют свое значение в обозримой перспективе.

В структуре промышленности Казахстана одной из важнейших отраслей является черная металлургия, которая функциониру-

ет на собственных источниках сырья. Черные металлы остаются основным конструкционным материалом в промышленности и большей части строительства. Без них сложно осуществить техническую инновацию в машиностроении, электронике, химии, атомной энергетике, оборонном комплексе, при производстве товаров народного потребления и т.д.

Прежде чем провести анализ современного состояния черной металлургии, на наш взгляд, правомерным будет определить взаимосвязь данной отрасли с промышленностью, подотрасли с отраслью, предприятия с подотраслью.

Так, если рассматривать отрасль черной металлургии как систему, то, как и любая система, она существует в среде, при этом взаимодействует с другими системами. Например, сталь используется в производстве машин и оборудования, т.е. для машинострое-

ния продукция черной металлургии будет являться сырьем, а оборудование в свою очередь является основными фондами для других отраслей промышленности, в том числе и для черной металлургии. Иначе говоря, продукция каждой из отраслей является одним из элементов производственного потенциала другой и, следовательно, наращивание производственного потенциала одной из отраслей будет способствовать повышению последнего в других отраслях. Отсюда можно сделать вывод, что такое взаимодействие отраслей будет являться одним из путей наращивания производственного потенциала промышленности в целом.

Можно сказать, что промышленность является средой для черной металлургии, в свою очередь ферросплавное производство является системой, существующей в среде – в отрасли черной металлургии. А для предприятий ферросплавного производства средой будет подотрасль черной металлургии – само ферросплавное производство.

Анализ структуры промышленной продукции республики за 2002 г. показал, что на долю металлургии приходилось 17,9% товарной продукции, из них: 6,7% – на черную, 11% – на цветную и 0,8% – на производство готовых металлических изделий.

На сегодняшний день черная металлургия Казахстана представлена следующими 11 предприятиями:

- по добыче и подготовке железных руд – АО «ССГПО», ТОО «Оркен» (АО «Лисаковский ГОК»), АО «Атасуруда», АОЗТ «Жезказганруда», ТОО «Тогай» и ТОО «РУ Атансор»;
- по добыче хромовых и марганцевых руд – АО «Донской ГОК», АО «Жайремский ГОК»;
- по производству стального проката, чугуна, белой жести, кокса – АО «Испат-Кармет»;
- по переработке лома – АО «Казвторчермет»;
- по производству ферросплавов – Филиал ТНК «Казхром» Аксуйский завод ферросплавов и Актюбинский ферросплавный завод.

Анализ состояния отрасли черной металлургии Казахстана в период с 1991–2002 гг. выявил следующие тенденции:

1. Снижение численности предприятий и производств черной металлургии.
2. Уменьшение численности промышленно-производственного персонала отрасли.

3. Увеличение объемов производства основной продукции отрасли.

4. Рост доли ферросплавов в общем объеме производимой продукции отрасли.

5. Увеличение объемов инвестиций в основной капитал.

6. Рост среднемесячной заработной платы промышленно-производственного персонала (ППП) и увеличение уровня среднемесячной заработной платы ППП черной металлургии по сравнению с уровнем среднемесячной заработной платы ППП промышленности.

На сегодняшний день добыча и обработка черных металлов сконцентрирована в пяти регионах республики: Актыбинской, Костанайской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях.

В 2002 г. основная доля производства стальной продукции (99,5%), чугуна (100%) приходилась на Карагандинскую область (АО «Испат-Кармет»), ферросплавов (76,2%) – на Павлодарскую область (Аксуйский завод ферросплавов).

Анализ основных показателей работы предприятий черной металлургии Казахстана в период с 1991 по 2002 гг. показал, что наибольшее число промышленных предприятий и производств приходилось на 1997 г. и составляло 53 единицы, наименьшая численность наблюдалась в 1998 г. – 9 единиц, а в 2002 г. – 11 единиц. Данная тенденция объясняется сменой форм собственности предприятий в указанный период, повлекшей за собой неспособность многих из них адаптироваться к новым условиям хозяйствования.

Объем промышленного производства в 2002 г. увеличился в 27,3 раза по сравнению с 1991 г., притом что численность предприятий и производств сократилась на 62,5%, по сравнению с 1995 г. рост составил почти 35%, что говорит об увеличении уровня использования производственного потенциала предприятиями отрасли.

В 1995 г. доля продукции отрасли черной металлургии в общем объеме промышленной продукции была наибольшей и составляла 13,6%. В 2002 г. этот показатель снизился до 7,2%. В период с 1997 по 2002 гг. наблюдалась тенденция спада численности промышленно-производственного персонала (ППП). В 2002 г. численность ППП снизилась почти на 40% против 1997 г. Такая тенденция объясняется развитием нефтегазового комплекса республики и уменьшением числен-

ности предприятий и производств отрасли черной металлургии.

Среднемесячная заработная плата ППП черной металлургии в 2002 г., по сравнению с 1991 г., выросла в 40 раз и составила 26 565 тенге, превышая среднемесячную зарплату ППП промышленности на 11,8% в 2001 г.

Сумма инвестиций в основной капитал в 2002 г. составила 24 008 млн тенге и превысила данный показатель почти в 80 раз по сравнению с 1991 г.

Объем производства феррохрома в 2002 г. составил 761,9 тыс. тонн и превысил показатель 1991 г. на 303 тыс. тонн (40%). Также в 2002 г. наблюдался рост производства труб большого и малого диаметров и пустотелых профилей из черных металлов (трубы стальные) по сравнению с 1991 г. с 8535 до 47 060 тонн.

Начиная с 1995 г. на Аксуйском ферросплавном заводе (Павлодарская область) осуществлено производство ферросиликомарганца, объем производства которого, по сравнению с 1995 г., вырос на 86% в 2002 г. и составил 141,2 тыс. тонн. В 2000 г. на том же предприятии начато производство ферросиликоалюминия, рост объемов производства которого в 2002 г. составил почти 60%.

Из общего объема производимой продукции черной металлургии в 2002 г. 48% составляла сталь, 40% – чугун переделанный, литейный, 12% – ферросплавы. В 1991 г. данные показатели составляли: 50%, 40%, 10% соответственно. Увеличение доли ферросплавов объясняется освоением новых производственных технологий и расширением номенклатуры продукции.

Основная доля потребления черных металлов в 2002 г. приходилась на Карагандинскую область – 48%, Павлодарскую – 13%, Актыбинскую – 8%, Восточно-Казахстанскую – 7%, г. Алматы – 6%. Потребление черных металлов другими регионами колеблется в пределах 0,5–4%. Такая диспропорция объясняется концентрацией производства стали и чугуна в Карагандинской области, ферросплавов – в Павлодарском и Актыбинском регионах, предприятия которых производят черные металлы второго передела.

Анализ динамики производства основных видов продукции черной металлургии за 1991–2002 гг. показал, что наименьшие объемы производства стали и чугуна наблюдались в 1995 г. и составляли соответственно 4691 и 3906,5 тыс. тонн, снижение по сравне-

нию с 1991 г. производства стали составило 23,5%, чугуна – 22%.

Низкий объем производства ферросплавов отмечался в 1998 г. – 726,3 тыс. тонн и составлял 60% по сравнению с 1991 г., с 2002 г. – 64%, причинами спада производства явились мировой финансовый кризис 1997–1998 гг., падение мировых цен на сырье и металлы, снижение притока инвестиций в отрасль.

Таким образом, общий спад производства основных видов продукции отрасли и снижение уровня основных показателей наблюдались в 1995 г. Это объясняется кризисом во всех отраслях народного хозяйства в тот период, переменной форм собственности предприятий черной металлургии, потерей связей с поставщиками и потребителями сырья и готовой продукции из стран СНГ, сложностью экспорта продукции в дальнее зарубежье из-за отсутствия возможности выхода на мировой рынок и др.

В 2000 г. выплавка стали составила 800 млн, что является рекордным показателем. В целом 2000 г. характеризовался стабильным развитием мирового хозяйства, экономическим бумом в США, восстановлением экономики восточно-азиатских стран и ее подъемом в Европе, что, очевидно, и явилось главными факторами рекордного роста металлургического производства. Существенного прироста достигли все регионы, в том числе страны Латинской Америки (12,7%), Азии (10,6%), Европы (10,8%). Бесспорным лидером в производстве черных металлов остаются страны Азии, на долю которых приходится более 38% мировой выплавки стали. Заметно возросло производство в Японии – 13%. Существенно снизился темп прироста в Китае, что связывается с начавшейся реструктуризацией отрасли. Наиболее заметный рывок – 16% прироста выплавки стали – сделали страны СНГ, в том числе Казахстан – 17%.

Важнейшим фактором роста производства в отрасли черной металлургии в 2000 г. стала положительная динамика реального сектора и рост инвестиционного спроса в основных металлопотребляющих отраслях. Но уже к середине 2001 г. стимулирующее действие этих факторов роста практически сошло на нет. Существенный рост цен и тарифов на электроэнергию, поставляемую из России, вызвал повышение себестоимости продукции и, соответственно, рост цен, что резко сократило внутренний спрос. Также снизилась и роль экспорта. Во-первых, ре-

кордный рост мирового производства стали в 2000 г. привел к снижению мировых цен, во-вторых, сохранялись квоты и антидемпинговые санкции против казахстанских экспортеров.

В 2002 г. Казахстан в мировом производстве стали занимал 29 место и его доля составляла 0,5% от общего объема мировой выплавки.

На сегодняшний день среди стран бывшего Союза Казахстан по выпуску стали занимает третье место, уступая России и Украине.

В 2002 г. 20% всего мирового производства стальной продукции приходилось на КНР (в то время как в 2001 г. данный показатель был на уровне 16%), далее по убывающей: Страны ЕС – 18%, Япония – 12%, США – 10%, Россия – 6,5%, Корея – 5%, Украина – 4%, Индия – 3%, Бразилия – 3%.

Подъем производства за последние годы, на наш взгляд, объясняется не технологическим прорывом в отношении ресурсосбережения, а наоборот, интенсивностью использования природных ресурсов, без соответствующих вложений в новые источники сырья и топлива, что негативно скажется на будущих объемах производства. Анализ современного состояния отрасли черной металлургии позволил обозначить следующие основные проблемы:

1. Износ основного оборудования (электропечи, конвертеры, вакуумные печи и камеры).

2. Недостаток квалифицированных менеджеров, специалистов-маркетологов и логистов.

3. Высокая материалоемкость продукции, рост ее себестоимости.

4. Серьезные отставания техники и технологий металлургического производства, усиление технических рисков (при смене технологии зачастую сокращается объем производства), отсутствие ресурсосберегающих технологий.

5. Низкие, в сравнении с зарубежными, уровни организации производства.

6. Отставание нормативно-правовой базы деятельности металлургических предприятий.

Нарастание износа основных фондов происходит из-за многолетнего недостаточного инвестирования металлургического комплекса. Это ведет к снижению конкурентоспособности казахстанской металлопродукции на наиболее выгодных рынках и вы-

теснению ее в сферу ресурсоемкого и экологически опасного производства первичных продуктов и полуфабрикатов.

Основными общеотраслевыми причинами низкой конкурентоспособности казахстанских предприятий являются:

- медленная структурная перестройка отрасли и адаптация к рынку;

- отсутствие государственной экспортной политики в отношении продукции черной металлургии;

- снижение платежеспособности спроса.

Внутрипроизводственными причинами можно назвать следующие:

- недостаток собственных оборотных средств;

- уменьшение доли НИОКР;

- сужение сортамента в сторону трудоемкости и удешевления производства, что способствует сокращению доли добавленной стоимости в продукции черной металлургии;

- увеличение уровня хозяйственных рисков при попытках наращивания производственного потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод, что в развитии мировой черной металлургии последние 20–25 лет, а в казахстанской 10–15 лет считаются в определенном смысле переломными. Сформировавшаяся социально-экономическая ситуация, связанная с развитием новых общественных потребностей, усилила роль ресурсосбережения как важнейшего фактора научно-технического и экономического роста всех сфер мирового хозяйства.

Структурные сдвиги, связанные с изменением потребления и производства основных конструкционных материалов, привели к ощутимому снижению темпов роста, консервации или демонтажу производственных мощностей черной металлургии, повышению качественных характеристик материалов, более рациональному их применению, развитию производства новых материалов.

Таким образом, анализ существующих тенденций в развитии черной металлургии, как в мировом масштабе, так и в масштабе Республики Казахстан, с учетом факторов научно-технического, организационно-управленческого, социально-политического характера, финансирования, инвестиционной политики и государственного регулирования позволил нам обозначить следующие возможные пути развития казахстанской черной металлургии:

- структурная перестройка отрасли путем модернизации и реконструирования производственного аппарата, а также создания мини-заводов;

- снижение диспропорции между спросом и предложением через ликвидацию избыточных мощностей;

- внедрение ресурсосберегающих технологий;

- диверсификация производства и деловой активности корпораций;

- повышение жизнеспособности предприятий посредством эффективной налоговой, амортизационной и протекционистской политики государства.

Рассмотрим более подробно каждую из этих возможностей.

Структурная перестройка отрасли путем модернизации и реконструирования производственного аппарата, а также создания мини-заводов. На сегодняшний день одной из острых проблем металлургии в целом является износ основного оборудования. Повышенный износ основных фондов происходит из-за экстенсивного роста выпуска продукции в бывшем Союзе при отсутствии резервных мощностей и многолетнего недостаточного инвестирования металлургического комплекса. Это обуславливает снижение конкурентоспособности казахстанской металлопродукции на наиболее выгодных рынках и вытеснение ее в сферу ресурсоемкого и экологически опасного производства первичных продуктов и полуфабрикатов. Так, например, в США к началу 80-х гг. средний возраст основного оборудования был намного выше, чем в большинстве развитых стран. Удельный вес капиталовложений на реконструктивные формы обновления основного капитала увеличился в период с 1980 по 1985 гг. с 60% до 85%. В результате к середине 80-х гг. были остановлены 17 заводов с полным металлургическим циклом. Аналогичные процессы происходили и в странах ЕС, где в 1980–1985 гг. прекратили работу более 20 заводов с полным циклом.

Для выхода из сложившейся ситуации в середине 80-х гг. правительство США открыло возможности массового импорта металлургического оборудования в страну, предоставив льготные условия поставок и платежей. Общий объем закупок иностранного оборудования в тот период оценивается в 1,5 млрд долларов, что равняется суммарным затратам на эти цели в ФРГ и Японии. Вследствие острой конкуренции между поставщи-

ками цены на многие виды оборудования снизились, и черная металлургия США сумела осуществить крупнейшую реструктуризацию гораздо эффективнее своих конкурентов.

Также интернационализация и глобализация экономики, при достаточной сложности этих процессов, способствовали решению проблем структурной перестройки мировой черной металлургии. Так, Япония, преследуя цели обновления и перепрофилирования собственного металлургического производства, в середине 70–80 гг. прошлого столетия путем массовых инвестиций способствовала развитию черной металлургии в новых индустриальных странах. Японские компании, используя сложную экономическую ситуацию в США, резко усилили инвестиционную экспансию в их черную металлургию. По оценкам экспертов, японские инвестиции (более 4 млрд долларов) и технологии сыграли исключительно важную роль в модернизации американских заводов, более 25% мощностей которых сегодня полностью или частично принадлежат японскому капиталу.

На базе существующей технологии в мировой черной металлургии сформировалась весьма динамичная и эффективная подотрасль передельной мини-металлургии со своими техническим и рыночными приоритетами. Мини-заводы можно отнести к важнейшим достижениям конца прошлого столетия в области организации производства на основе оптимальных форм концентрации и специализации. В сочетании с сетью сервис-центров эти предприятия способствуют росту эффективности системы металлообеспечения в условиях растущей дробности заказов и рассредоточения потребителей. Например, в США начиная с 70-х гг. весь прирост новых мощностей осуществлялся исключительно путем строительства мини-заводов, которые сегодня обеспечивают не менее 40% внутреннего металлопотребления. При этом мини-заводы последнего поколения успешно конкурируют на рынке с традиционными поставщиками достаточно сложных и дорогих видов продукции, например, листового проката.

Ведь, по сути дела, концентрация производства в составе крупных комбинатов и заводов, возможности которых по некоторым видам сортамента превосходят внутренние потребности, делает отрасль весьма уязвимой в период падения спроса на основную продукцию. А при наличии системы, когда

крупные производственные комплексы дополняются мини-заводами, обеспечивается определенная маневренность в периоды кризисов, также это позволяет учитывать индивидуальный спрос потребителей. Очевидно, что для казахстанской экономики создание мини-заводов, обслуживающих региональные рынки, весьма актуально.

Таким образом, мы считаем, что модернизация и реконструкция производственных мощностей отечественных предприятий черной металлургии наиболее вероятны при активной роли государства посредством создания системы льготных поставок металлургического оборудования в страну, а также путем крупных корпоративных слияний, образования холдинговых групп, транснациональных компаний, мини-заводов.

Снижение диспропорции между спросом и предложением через ликвидацию избыточных мощностей. Сокращение мощностей по выпуску многих видов традиционной ресурсоемкой продукции, в условиях насыщения рынка и накопления устаревшего оборудования, является важным средством оптимизации отраслевых воспроизводственных пропорций.

Так, за последние 10–15 лет в черной металлургии ликвидированы: в США – около 30% мощностей по выплавке стали, в Японии – более 20%, в ФРГ – около трети.

В сложившейся ситуации в отечественной отрасли черной металлургии следует осуществить перенос центра тяжести структурных сдвигов на уровень отдельных переделов. Необходимо произвести так называемую «ревизию» технологий с учетом инвестиционных возможностей, цен на основные ресурсы (особенно энергетические), конъюнктуры на рынке металлопродукции, уровня экологических нормативов.

Например, наиболее ресурсоемкие и «грязные» переделы, такие, как подготовка руды путем агломерации и прокатка металла на обжимных станах (блуждающих и слябингах), можно заменить подготовкой рудных окатышей непосредственно на комбинатах, добывающих руду, а процесс прокатки металла на обжимных станах станет ненужным вследствие внедрения технологии непрерывной разливки металла.

Внедрение ресурсосберегающих технологий. Дефицит ресурсов капитала из-за постоянного роста издержек и сравнительно низких цен на металлопродукцию является определяющим фактором технологической пе-

рестройки производства. Так, стоимость реконструкции с заменой основного оборудования почти вдвое ниже, чем средняя стоимость строительства завода полного цикла. Этот факт во многом определяет выбор технологических решений в процессе модернизации переделов и цехов, имеющих определенные резервы технического совершенствования и обеспечивающих повышение качества продукции при минимальных затратах.

На сегодняшний день для казахстанских предприятий черной металлургии перспективными направлениями технологий производства металлов являются:

- непрерывная разливка металла (в 2003 г. на АО «Испат-Кармет» начато внедрение данной технологии);
- непрерывное литье заготовок;
- использование кислородных конвертеров с комбинированным дутьем;
- внепечная обработка жидкого металла;
- непрерывные термомеханические процессы производства проката;
- процессы бескоксовой металлургии, в том числе «руда-сталь»;
- отделка проката и др.

Немаловажным перспективным направлением, на наш взгляд, можно считать развитие металлургии на базе вторичного сырья, в том числе переработку огромных отходов, накопленных в предыдущие годы. Экономический рост характеризуется не только степенью использования новых материалов, малоотходных технологий, но и долей вторичного сырья в общем балансе ресурсов, показателями его утилизации.

В развитых странах вторичная металлургия производит около 40% общего объема металлов. Можно сказать, что она больше приспособлена к рыночным условиям функционирования. Экономические взаимоотношения на рынке вторичных ресурсов строятся с учетом спроса и предложения, что позволяет поддерживать цены, близкие к их исходному уровню, и использовать ломозаготовки в качестве стабилизатора рынка металлов. Во время кризиса сокращаются закупки металлолома, он накапливается на складах. При этом сохраняется стабильность технологических процессов на основе первичного сырья (остановка непрерывного производства, как и реализация продукции ниже себестоимости, ведет к значительным экономическим потерям). В период роста спроса на металлопродукцию увеличение закупочных цен на лом создаст дополнительное ресурсное пред-

ложение для производства металла. Это придает устойчивость металлургическому комплексу и обеспечению отечественного потребителя металлопродукцией.

По прогнозным данным, масштабы переработки вторичного сырья в мировой черной металлургии к концу 2015 г. могут возрасти до 90%. Новые технологии сделают эти процессы экономически привлекательными.

Также в длительной перспективе в промышленных масштабах следует развивать направления по разработке технологий производства металлов сверхвысокой чистоты, которые можно рассматривать как совершенно новый класс материалов.

Диверсификация производства и деловой активности корпораций. Диверсификация металлургического производства позволит определить масштабы перераспределения отраслевых инвестиций, существенно расширить техническую и продуктовую политику предприятий. На этой основе получат развитие процессы слияния и поглощения, стратегические альянсы, совместные программы по реализации продукции и НИОКР. Также возрастет роль межстрановых инвестиционных потоков. Например, в черной металлургии США уже сегодня около 30% заводов с полным металлургическим циклом контролируется зарубежным, в основном японским капиталом.

По мере диверсификации производства будет ослабевать жесткая вертикальная интеграция специализированных корпораций, значительно возрастет роль и удельный вес переделных мини-заводов.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНОГО ЗЕРНОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Айгожина С.А.

Большую роль в продовольственном фонде государств играет зерновое хозяйство. Зерно является также главным продовольственным биржевым товаром, цены на большинство продовольственных товаров в определенной мере формируются в зависимости от цен на зерно. Состояние зернового рынка характеризует как мировую, так и национальную безопасность.

Распространенными зерновыми культурами являются пшеница, рис и так назы-

Для казахстанских предприятий черной металлургии наиболее перспективным направлением диверсификации производства будет осуществление совместных программ по НИОКР со сталеплавильными заводами России. В частности, для внедрения на АО «Испат-Кармет» прогрессивной технологии непрерывной разливки стали целесообразной является совместная работа с Липецким и Череповецким металлургическими комбинатами, на которых эта технология отработана и применяется уже около 20 лет.

На наш взгляд, диверсификация рыночного спроса будет способствовать повышению качества и обновления сортамента металлопродукции. Это ускорит совершенствование технологий конечных переделов – прокатного и отделочного, в которые в развитых странах направляется около 70% отраслевых инвестиций.

Таким образом, можно сказать, что прирост продукции металлургического комплекса возможен при непрерывном снижении затрат живого труда и стабилизации снижения капиталоемкости продукции. В целом в качестве главных направлений развития комплекса следует считать следующие:

- рост потребительских характеристик производимых материалов и полуфабрикатов;

- снижение издержек их выпуска.

Развитие черной металлургии в данных направлениях будет способствовать дальнейшему техническому прогрессу и росту экономической эффективности в отраслях-потребителях.

ваемые серые хлеба – рожь, ячмень, овес, кукуруза и другие. В зерновом хозяйстве выращивание пшеницы рассматривается как специфическая отрасль, а торговля – как самостоятельный зерновой рынок.

Зерновой экспортный потенциал является важнейшей составной частью экспортного потенциала экономики зерносеющей страны. Это связано с тем, что экспорт зерна выступает важным фактором обеспечения самофинансирования сельхозтоваропро-

производителей, а доля экспорта зерна определяется еще и спецификой экономического потенциала страны в целом, наличия в ней запасов минеральных ресурсов, общим уровнем экономического развития и т.д. Зерно – многоцелевой, стратегический продукт, составляющий основу всей продовольственной системы любой страны, а степень обеспеченности зерном является важным показателем продовольственной безопасности и экономической независимости страны.

Решение вопросов формирования развитой инфраструктуры зернового хозяйства возможно только при рассмотрении ее как сложной экономической системы при использовании системного анализа с применением методов теории управления.

В экономической литературе чаще всего за бортом остаются вопросы формирования и развития экспортного потенциала страны, выступающего первой частью целостной политики страны в отношении своей внешней торговли, которую можно назвать, на наш взгляд, «экспортной политикой».

Ограничение понятия «экспортной политики» «политикой внешнеторговой» («таможенно-тарифной», «валютной» и пр.) отсекает такие важные вопросы, как: место страны в международном разделении; оценка реального экспортного положения страны; построение промышленной и экономической стратегии в целях развития эффективного экспортного потенциала, приносящего максимум выгод стране с учетом ее общеэкономических возможностей, выбор ниши страны на международной арене, создание целенаправленной политики по развитию отраслей и производства продукции и услуг в соответствии с выбранной стратегией; создание необходимой инфраструктуры и механизмов развития экспортного потенциала: системы экспортного кредитования, экономического стимулирования и т.д. Поэтому сегодня отрывать экспортную политику от общеэкономической стратегии просто невозможно.

Именно в этом системном ключе требуется рассмотрение вопроса принципов формирования экспортного потенциала как в целом страны, так и в отдельной отрасли.

Одновременно с этим следует говорить о выборе экспортной стратегии государства в отношении тех или иных товаров. В целом экспортная политика будет определять-

ся базовыми принципами, которые зависят от экономического положения страны, экспортной зависимости и роли экспорта в экономическом положении страны.

Экспортный потенциал зернового рынка есть способность аграрного сектора экономики осуществлять ежегодные поставки на внешний рынок зерна соответствующего качества с учетом климатических, природных и других объективных факторов, а также постепенного обеспечения внутренних потребностей страны. На рисунке 1 приведен механизм формирования рынков зерна, исходя из которого, в частности, вытекают основные особенности казахстанского рынка зерна:

1. Низкий уровень потребности и высокая покрываемость внутренних потребностей собственным объемом производства. В результате практически каждый год Казахстан экспортирует зерно на уровне 3–5 млн тонн.

2. Концентрация зерносеющих регионов вдоль северной части страны. Это приводит к слабой контролируемости экспорта ввиду взаимосвязи мелких фермерских хозяйств с прилегающими внешними рынками. Так, например, в приграничных районах фермеры зачастую имеют более тесные связи с российскими трейдерами. Это может нанести серьезный ущерб казахстанскому рынку, в особенности если трейдерами предлагаются более высокие цены.

3. Выгодное геополитическое положение страны, раскрывающее возможности поставок зерна в густонаселенные и зернодефицитные регионы (Иран, Ирак, Афганистан, страны Средней Азии, Монголия и др.).

Главным выводом из приведенных особенностей и схемы механизмов формирования и развития зернового рынка является то, что рынок зерна – это совокупность двух рынков и такая структура не только характеризует рынок зерна, но и накладывает отпечаток на весь его механизм регулирования. Причем экспорт зерна становится важнейшим, или даже главным, фактором регулирования рынка зерна. Внешний рынок играет настолько важную роль в агропродовольственном развитии страны, что его игнорирование становится невозможным. Этот вывод неявно, но присутствует в работах многих казахстан-

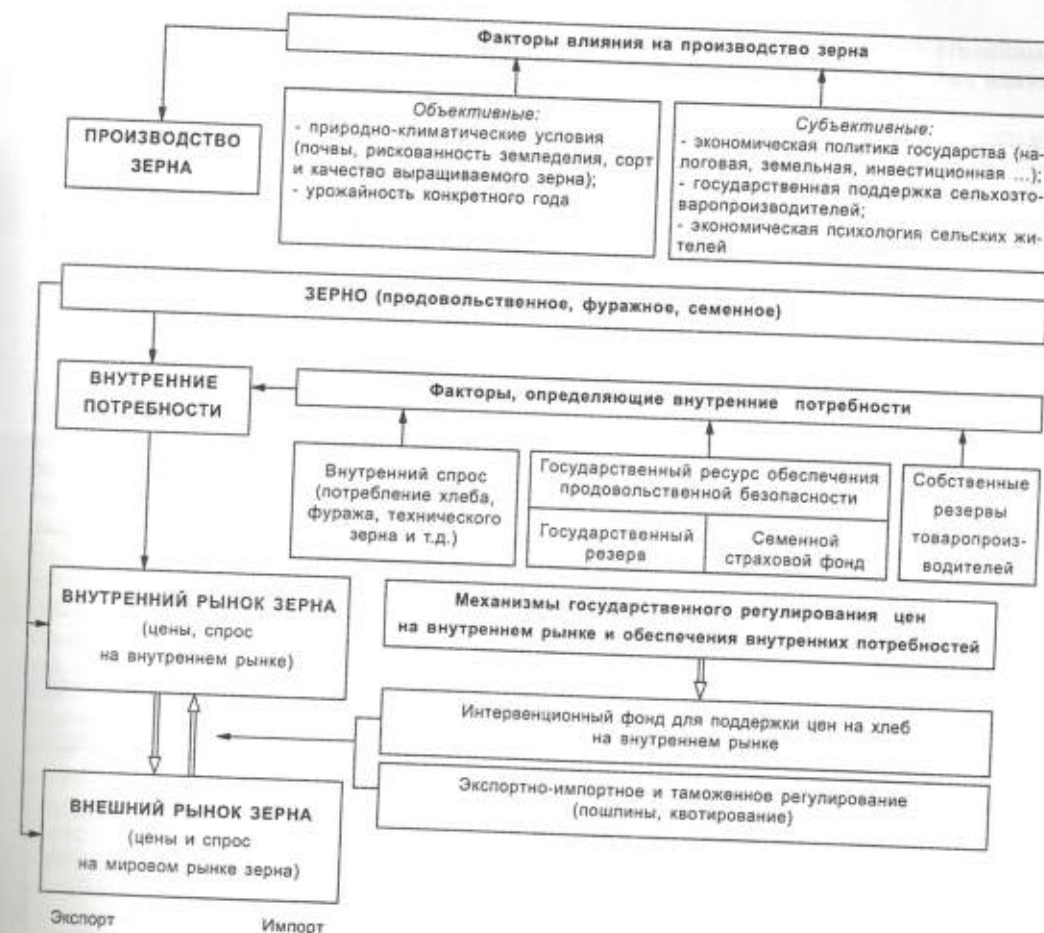

Рисунок 1. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЫНКОВ ЗЕРНА

ских и российских ученых, которые, так или иначе изучают разные аспекты повышения эффективности зернового хозяйства.

Рассмотрим основные факторы, влияющие на формирование и развитие рынка зерна, а также принципы формирования и развития экспортного потенциала, необходимые для поддержания высокого уровня экспорта, выработки экспортной стратегии и поддержания экспортной ориентированности сельхозтоваропроизводителей.

На рисунке 1 приведен организационно-экономический механизм формирования и развития рынков зерна. Как видно из него, все факторы, влияющие на производство зерновых, можно разделить на внешние и внутренние факторы.

Условно эти факторы можно разделить на системные (объективные) факторы (на которые невозможно повлиять) и субъективные.

К системным относятся: географический фактор, то есть дальность рынков и невыгодность перевозки, например, на Дальний Восток, Африканские страны; внешнеполитические факторы, например, введение торгового эмбарго, война в Ираке, угрозы со стороны третьих стран – США, России и т.д.; урожайность в конкретном году; природные факторы (зона рискованного или плодородного земледелия) и др.

К субъективным можно отнести введение экспортных и импортных пошлин в стране, внешнеэкономическую ситуацию в стране, транспортные тарифы в транзитных странах, уровень собственной транспортной инфраструктуры, урожайность вследствие низкой культуры земледелия и т.д.).

Как видно из рисунка 2, подтверждается вывод, что экспортный потенциал во многом связан с вопросами производства

Рисунок 2. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЫНКА ЗЕРНА

зерновых и с этой с точки зрения проблемы его формирования и увеличения во многом связаны с вопросами производства и развития сельского хозяйства в целом. Рост объемов производства зерновых будет сопровождаться ростом экспортного потенциала.

Другими словами, все рычаги роста экономического воздействия и стимулирования государством сельскохозяйственного и зернового развития (в том числе вопросы прямой и косвенной поддержки развития зернопроизводства) имеют прямое отношение к формированию и развитию экспортного потенциала зернового рынка.

В связи с этим можно выделить основные принципы формирования и развития экспортного зернового потенциала:

1. *Принцип предпочтительного стимулирования экспорта* связан с той особенностью зернового рынка, что государ-

ству экономически выгоднее, чтобы зерновой сектор имел высокие стимулы для саморазвития, выхода на внешний рынок, зарабатывания валюты и тем самым обеспечения высокого уровня саморазвития. Стимулирование экспорта осуществляется с помощью рычагов предоставления экспортных кредитов, страхования экспортных кредитов, снижения тарифа на железнодорожную транспортировку зерна и т.д.

Другой важный момент при решении вопроса, что первично внутренний или внешний рынок – это то, что с помощью экспорта (факт экспорта означает, что цена на мировом рынке выше, чем на внутреннем) решается вопрос самостоятельного развития села, без значительных средств на прямую поддержку государством зернового сектора. Другими словами, косвенная поддержка экспорта гораздо выгоднее прямой поддержки производства зерна, поскольку

способствует в значительной мере самофинансированию бизнеса и экономики, экономии государственных средств. Необходимо учесть, что экономический эффект в данном случае является мультипликативным, поскольку развитие сельхозтоваропроизводителей через поддержку экспорта способствует решению социальных проблем: занятости, повышения доходов селян и в целом уровня жизни.

2. *Принцип сохранения рынков сбыта.* Сегодня основные страны – экспортеры зерна (США, Канада, Австралия, Европейский Союз, Аргентина) находятся в преимущественном положении благодаря тому, что страны-импортеры из этих стран доверяют им и устанавливают долгосрочные отношения. И именно это обстоятельство иногда важнее, чем ценовая диспропорция. Соблюдение данного принципа важно с точки зрения осторожного применения государством экспортных пошлин. Он, как и другие принципы, свидетельствуют о том, что применение таможенного регулирования должно быть тщательно взвешенным и просчитанным и не быть основным только на одном критерии – потребности внутреннего рынка. Другими словами, дефицитность, низкое предложение на внутреннем рынке не должно быть основным поводом к введению пошлин. Дело в том, что потери от введения пошлин могут быть гораздо более тяжелыми и обладать долгосрочным действием, нежели краткосрочная задача обеспечения продовольственной безопасности. Мировой рынок сегодня настолько развит, что государство всегда имеет возможность обеспечить собственные потребности в зерне и хлебе. Но вот потеря рынков сбыта может обернуться большими потерями валютной выручки. Поэтому всегда более предпочтительными остаются экономические методы государственного регулирования внутреннего рынка путем повышения закупочных цен на внутреннем рынке и интервенционных закупок.

3. *Принцип предпочтения экономических методов таможенно-тарифным* вытекает из предыдущего и нами уже отмечено, что экспортные пошлины обладают значительным недостатком непредсказуемых последствий. Этому способствует также и то, что прогнозирование урожая зерна весьма затруднительно и неясно вплоть до самой уборочной страды. Например, дожди в сезон сбора урожая, на-

ступившие холода или другие стихийные бедствия способны уничтожить все имеющиеся прогнозы сбора урожая.

Казахстан в этом смысле ведет разумную политику, редко прибегая к крайним мерам квотирования и таможенного ограничения. Так, в начале 2003 года в Казахстане в результате перекупки российскими трейдерами казахстанского зерна в пограничных областях образовался дефицит зерна на внутреннем рынке. Возникшая угроза дефицита зерна весной была решена повышением закупочных цен до 125 долларов, что привело к остановке распродажи зерна.

4. *Принцип непрерывного мониторинга внешнего рынка.* Высокий уровень неопределенности на внешних рынках, связанный с высоким уровнем неопределенности самого зернового рынка, ведет к неопределенности спроса на будущий урожай, невозможности четкого прогнозирования. Изучение внешнего рынка и поведения трейдеров на рынке срочных контрактов должно быть постоянно в поле внимания как государства, так и самих зернопроизводителей и национальных трейдеров. Проведение мониторинга внешнего рынка требует особого искусства, поскольку поведение на бирже часто является непредсказуемым. Так, многие трейдеры и брокеры скептически относятся к заявлениям китайского правительства, поскольку замечено, что: «Когда Китай планирует что-либо покупать, то никому об этом не сообщает». Большинство соглашается с таким мнением, поскольку Китай всегда демонстрировал молниеносность в крупномасштабных закупках и такой же неожиданный уход с рынка.

5. *Принцип обеспечения равных условий выхода на внешний рынок.* Соблюдение данного принципа важно с той точки зрения, что на рынке зернопроизводства, так же как и на других рынках, крупные компании могут оказывать давление на мелких производителей. Так, крупные зерновые компании Казахстана всегда находятся в более конкурентном положении, нежели мелкие крестьянские хозяйства, диктуя последним как цены, так и условия выхода на внешний рынок. В этих условиях даже незначительные экспортные пошлины становятся серьезным препятствием для выхода на внешний рынок для мелких товаропроизводителей, тогда как крупными зерновыми компаниями они могут быть весьма успешно преодолены.

6. *Принцип предпочтительного экспорта зерна высшего качества.* Ситуация сегодня в мире такова: несмотря на то, что спрос на зерно выше предложения и цены в целом имеют положительную динамику, требования к качеству зерна становятся все выше и выше. Так, цены на пшеницу с клейковиной до 25% ниже на 20–30%, а с клейковиной до 23% вовсе не пользуются спросом. Аналогично пшеница с низким уровнем протеина (менее 11,5%) облагается дополнительной импортной пошлиной.

7. *Принцип жесткого государственного контроля за качеством продукции.* Дело в том, что мелкие или недобросовестные экспортеры, поставляющие на мировой рынок зерно низкого качества, могут серьезно испортить имидж республики как экспортера зерна и это отразится на других добросовестных экспортерах. Так, ряд экспортеров отгружают зерно с большой влажностью и низким процентом сырой клейковины.

8. *Принцип ориентации на экспорт продукции переработки зерна на ближайшие внешние рынки.* Речь идет о том, что экспорт продукции переработки зерна (мука) является более эффективным с экономической точки зрения, и опыт сотрудничества Казахстана с Узбекистаном в этом плане показывает, что это способствует и развитию перерабатывающей промышленности Казахстана.

9. *Принцип всемерного учета переходящих запасов.* Дело в том, что на цены на мировом рынке влияют не только предложение и спрос, но и некоторые ожидания потребителей, связанные с наличием и уровнем переходящих запасов зерна. Так, сокращение остатков переходящих запасов ячменя во всех основных странах-экспортерах (в странах ЕС – на 3 млн тонн, в Канаде – на 330 тыс. тонн, в Австралии – на 50 тыс. тонн) в 2001 году сыграло решающую роль, наряду с прогнозом низкой урожайности, при формировании цен на 2002 год.

10. *Принцип экологического баланса при стимулировании экспорта.* Речь идет о том, что государство должно иметь в виду, что чрезмерная интенсификация сельскохозяйственного рынка в целях роста экспорта способна нарушить экологическое и социальное равновесие. С этой точки зрения экспортный интерес в сельской отрасли не должен затмить другие факторы, в первую очередь природные и

социальные. В противном случае факторы успеха экспортной стратегии не смогут быть устойчивыми.

11. *Принцип взаимодействия прилегающих рынков.* Речь идет о том, что в первую очередь на экспорт зерна оказывают влияние рынки соседних стран, на которые ориентируются, в частности, мелкие крестьянские хозяйства. Так, в конце 2003 года казахстанское зерно активно скупали трейдеры из Украины и России, поскольку цена на пшеницу на их рынках была выше, чем на внутреннем рынке Казахстана (ориентировочно 110–130 долл. США за тонну).

12. *Принцип монополизации агро-рынка.* С одной стороны, особенности производства зерна в Казахстане таковы, что без концентрации производства невозможно обойтись и только крупное производство зерна способно минимизировать затраты, особенно в регионах с меньшей урожайностью и плодородием почвы. С другой стороны, факты монополизации производства и экспорта отдельными структурами способны значительно ограничить доступ на внешние рынки более мелких структур. Ценовое давление и монополизация сбыта будут способствовать в целом ухудшению экономического положения остальных товаропроизводителей. В этом случае наиболее приемлемым вариантом остается развитие самостоятельных закупочных и экспортных организаций, а также антимонопольный контроль в экспортной сфере, недопущение ценового сговора, недопущение монополизации заготовок и реализации зерна.

Приведенные принципы должны быть положены в основу экспортной стратегии. Проблема формирования и развития экспортного потенциала требует самостоятельного рассмотрения в связи с тем, что роль экспорта на зерновом рынке имеет серьезное значение. Это связано с такой спецификой рынка зерновых, как невысокая рентабельность сельского хозяйства и высокая его зависимость от природно-климатических факторов, что делает особой роль внешнего рынка для поддержания рентабельности и прибыльности в течение длительного периода.

Именно поэтому экспортный потенциал отрасли должен всегда быть на острие внимания государства. Государство не может в данном случае ограничиваться только проблемами обеспечения внутренних потребностей.

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: Казахстан сквозь призму западной социологии

Тайжанов А.

В данное время сверхпопулярным термином в самых разных сферах человеческой деятельности стало слово «демократия»: от уроков в школе до масс-медиа. С распадом СССР было решено, что альтернативы демократии нет, и сейчас множество стран с самым разным прошлым и самыми разными предпосылками избрали путь демократии. Но, как нам известно, демократия все еще считается исконно западным «изобретением» на постсоветской территории, и если прибалтийские страны, или хотя бы Россия, могут считаться, более или менее обоснованно, отчасти европейскими странами с определенными западными культурными традициями, то для Казахстана вопрос этот гораздо более сложен, учитывая имеющиеся этносоциальные особенности. Как нельзя кстати в этом случае становится изучение трудов западных социологов, имеющих немалый опыт, в том числе и опыт критического осмысления при рассмотрении различных аспектов демократии. В частности, огромную ценность имеют труды таких социологов, как Дитрих Рюшмайер, Эвелин Стивенс и Джон Стивенс и т.д. Например, одна из работ Рюшмайера под названием «Капиталистическое развитие и демократия» является ярким примером непредубежденного и взвешенного рассмотрения демократии как многогранного социологического феномена. Следующие выводы основаны на материалах западной социологической мысли и анализе казахстанской действительности, что должно представить собой интересное слияние.

В политическом и социологическом смысле демократия неизбежно сталкивается с противостоянием в обществе, основанном на системе социального неравенства. Как бы детально мы ни определяли термин «демократия», он не будет иметь смысла, если не содержит в себе понятие «власти большинства» или, по крайней мере, *участие* во власти большинства. Если следовать

лишь формальной логике, то обладатели власти должны, соответственно, обладать и некими материальными и нематериальными благами, однако же мы видим противоположную ситуацию: в обществе, разделенном на классы, большинство имеет меньший доход и достаток, меньше привилегий и менее образовано по сравнению с меньшинством. Но в то же самое время большинство, обладающее малым, в качестве граждан-выборщиков имеет реальное право голоса при коллективном принятии решений в политической сфере жизни общества.

Из означенного противоречия между демократией и социальным неравенством вытекает первое, самое необходимое условие существования демократии: демократия возможна только тогда, когда существует достаточно сильное институциональное разделение (согласно западной терминологии – дифференциация) сферы политики и общественной системы социального неравенства в обществе. Только тогда становится понятным псевдопарадокс, когда стоящие на нижней ступени государственной власти, богатства и культурных ценностей могут – сами или через своих представителей – серьезно влиять на формирование коллективных решений, обязательных для всех членов общества. К примеру, феодальное аграрное общество, в котором контроль над землей (основным средством производства) влечет за собой, в силу самого своего существования, политическую власть над населением, живущим на этих землях, несовместимо с демократией.

Отделение государственного управления и политики от иных сфер социальной жизни, которая (в той или иной форме) характерна для всех современных обществ, часто принимается как нечто само собой разумеющееся, как часть телеологической составляющей истории. Однако это отделение стало возможным лишь вследствие исторического противостояния различных сил; было

бы ошибкой рассматривать его как результат отражения всеобщего эволюционного процесса, нацеленного на достижение большей эффективности (Рюшмайер, 1986).

Конфликт между демократией и социальным неравенством не заканчивается с отделением государственных институтов от общей структуры власти, привилегий и богатства в обществе. Власть и привилегии поддерживают друг друга, даже если сфера государства и применение формализованной политической власти институционально отделены от более обширной и, так сказать, всепоглощающей системы социального неравенства. В этом случае мы сталкиваемся с проблемой так называемых «настоящих» и «формальных» демократий. К примеру, западные социологи весьма интенсивно изучали такой регион, как Латинская Америка, где, после обретения независимости от колониальных держав, на карте появилось множество демократических государств, что, однако же, не стало помехой для установления в этих странах самых различных политических режимов, не всегда вписывавшихся в стандарты западной демократии. Например, распределение земель в Эль-Сальвадоре в первой трети двадцатого века привело к неразрешимым проблемам для демократии в этой стране (Андерсон, 1971).

Анализ событий в Эль-Сальвадоре, проведенный вышеуказанными исследователями, имеет ценность и для отечественных ученых: ведь, в конце концов, преемственность опыта играла и играет большую роль в человеческом развитии. До того, как наша страна столкнулась с той же самой проблемой при установлении земельного законодательства, можно было пренебрегать опытом зарубежных социологов, но теперь их исследования предстают перед нами в новом ракурсе. Всем нам памятна пертурбация, сопровождавшая принятие Земельного кодекса Республики Казахстан, причем общество в данном случае явно проявило свою классовую структуру и присущие ему противоречия: острые дискуссии между самыми разными политическими группами, защищавшими интересы таких же разных групп населения, памятные и сейчас. При работе над новым Кодексом прежде всего было заявлено, что социальное неравенство населения Казахстана учитывается особенно. Вообще, событие подобного масштаба требует отдельного анализа, так как нигде более не проявляется классовая структура и соци-

альное неравенство, как при решении проблемы распределения земли в государстве. Всем известен исторический опыт большевиков, склонивших мнение крестьян Российской империи в свою сторону при помощи простого, но емкого лозунга «Землю — крестьянам», что и сыграло решающую роль в их победе.

Все отмеченные проблемы демократии, провоцируемые, в частности, социальным неравенством, так или иначе, основаны на факте опосредованности власти. Действительно, референдум всего населения какой-либо современной страны по каждому закону, обязательному для всех, просто нереален в своей сути. Но власть через посредников-выборщиков — также проблематична. Сторонники абсолютного равноправия всегда могут указать на дистанцию между сущностью в реальности процессом принятия решений и идеальной моделью, в которой коллективные действия одинаково учитывают мнения всех граждан — это и есть определение Роберта Далла «полная демократия», по контрасту с более реалистичной и менее требовательной существующей сейчас версией, называемой им «полиархия» (Далл, 1971).

Существующие сегодня реальные демократии все без исключения отличаются от описанной ранее идеальной модели. Во-первых, даже власть большинства — зачастую воспринимаемая как само воплощение демократии — нарушает, в прямом смысле, принцип равномерной восприимчивости государства к мнениям *всех* граждан, так как диалектически большинству сопутствует меньшинство, мнение которого (может быть даже верное) приносится в жертву численному превосходству. В этом смысле принятие решений большинством есть средство осуществления эффективной власти, компромисс между совершенным согласием всех со всеми и необходимостью действовать. Опосредованное применение законодательной власти избранными представителями есть второе и более очевидное ограничение «полной» демократии, как отмечалось ранее. В третьих, в различной, но всегда значительной степени, принятие важных политических решений зависит в современных обществах от государственного административного аппарата и судов. В силу этого принятие решения происходит не только вне демократического обсуждения, но, в общем, даже вне опосредованного демократическо-

го контроля (Рюшмайер, 1985). Подобные ограничения, берущие начало от структур государственного аппарата и политического процесса, неизбежны в любом сложном обществе, по результатам исследования западных социологов.

И, наконец, по Рюшмайеру, не менее важен фактор влияния социальных и экономических структур власти на процесс принятия политических решений. Этот фактор имеет свои особенности в разных странах и зависит в определенной степени от институциональной дифференциации политики от социальной структуры и процесса. Но в конце концов означенное влияние формируется во многом в зависимости от баланса сил в обществе. Влияние социальных и экономических структур власти на политику и действия государства может быть скомпенсировано в разной степени, но никогда не исчезнет полностью.

И все же опосредованная демократия — воплощенная в более широких структурах социальной и экономической власти, реализуемая лидерами партий или общественных объединений, вовлеченная в работу сложной машины под названием государство — действительно предоставила гражданскому большинству определенное участие во власти и в принятии политических решений. Действительно, опосредованная демократия не принесла того всеобщего активного участия в общественных делах, которое было основой демократии по Джону Стюарту Миллю, и она не представляет интересов *всех* граждан. И все же, несмотря на все проблемы, она обеспечила реальные преимущества для большинства: хотя бы в плане так называемых «побочных продуктов» в виде появления гражданских свобод — самого необходимого условия для развития демократии, наиболее полно оцененного именно в наше время. Ни в коей мере не ограничивая эти свободы, она также привела к тому, что множество государств в новейшей истории произвело масштабные процессы перераспределения, особенно в тех странах, где партии демократической и социалистической направленности пришли к власти. Мы смело можем поставить Казахстан в когорту отмеченных государств. Кроме определенного материального достатка и защиты от произвола власти, демократия, в-третьих, принесла изменение, которое можно назвать «символическим», но не в смысле своей значимости: оно сделало возможным су-

ществование такого блага, как свободное участие в политической жизни любого взрослого человека, тогда как ранее это было зачастую невозможно вследствие ограничений на основе социального статуса или собственности.

Демократия может ослабить, но, конечно же, не уничтожить полностью противоречия между властью, богатством и статусом в обществе, разделенном на классы. Даже сами предпосылки ее функционирования были уже скомпрометированы классовым неравенством. Ведь одной из важнейших предпосылок демократии была аксиома, гласящая, что все действующие в обществе лица осознанно выражают свою волю и преследуют свои цели. Оффе и Визенталь (1980) критически рассмотрели эту либеральную аксиому о тождественности действительно выраженных и осознаваемых целей. Отмеченные исследователи уделили особое внимание рабочему классу, наиболее ясно выражавшему свои интересы в новейшей истории, так как в целом для исследователя, особенно западного, необходимо несколько дистанцироваться от привычных аксиом либеральной демократии, чтобы взглянуть на нее по-новому. Были заданы следующие актуальные вопросы о целях и социальных классах:

В какой мере политические формы либеральной демократии служат основой неравенства между представителями различных классов при выражении и осуществлении их осознанных интересов?

В какой мере они же обеспечивают эффективность механизмов, необходимых для беспрепятственного выражения интересов необеспеченных классов?

Или, наоборот, в какой мере политические формы либеральной демократии могут служить основанием для предпочтения интересов буржуазии?

Если правда то, что политические формы не нейтральны (а заданные ранее вопросы подводят нас к такому выводу) и существуют политические схемы, предпочтительные для определенных классов, то тогда они сами должны быть рассмотрены как часть и объект классового конфликта, который ими лишь регулируется и направляется, более или менее успешно.

Данные вопросы и выводы применимы к любому сложному обществу, и Казахстан

не является исключением. И все же не следует после подобных вопросов бросаться в иную крайность и соглашаться с заключениями Розы Люксембург о том, что «демократия есть лишь нечто, навязанное рабочему классу и работающее против его осознанных интересов». Также не обязательно быть приверженцем исключительно либерально-политических идей, чтобы видеть в существующих демократиях шанс для успешного воплощения в жизнь интересов подчиненного класса. Большинство народных движений в самых разных странах и ситуациях, в том числе и в недавнем прошлом, приняли именно демократию как решение проблемы.

Применительно к нашей действительности следует сделать полезные выводы: огромный пласт исследований, проведенных западными социологами по проблеме соотношения демократии и социального неравенства, требует самого тщательного изучения. Исключительно хорошо были проведены многочисленные исследования в странах Восточной Европы, Латинской Америки,

Карибского региона, причем многие из этих стран относительно недавно освободились от статуса колоний и имеют небольшой «демократический стаж» — что может быть весьма интересно и полезно при объяснении социальных явлений, происходящих в нашей молодой демократической республике. Кроме того, нам следует учесть ошибки и трудности, возникшие у зарубежных социологов при проведении их исследований хотя бы затем, чтобы не повторять их в собственной работе.

Сила социологии — в классификации собранных данных и в общем анализе ситуации. В таком ракурсе нас не должна удивлять мысль о том, что данные социологических исследований, например в Латинской Америке, могут быть полезны для социологов казахстанских. Социальное неравенство и общие принципы демократии универсальны, а это означает, что универсальны и проблемы, с которыми нам как членам социума и (или) социологам приходится сталкиваться.

Литература

1. Rueschemeyer, Dietrich. 1986 Power and the Division of Labour. Cambridge: Polity Press, and Stanford: Stanford University Press.
2. Rueschemeyer, Dietrich and Evans, Peter B. 1985: The State and Economic Transformation: Toward an Analysis of the Conditions Underlying Effective Intervention. In Evans, P.B., Rueschemeyer, D. and Skocpol, T. (eds), Bringing the State Back In. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
3. Stephens, Evelyn Huber. 1990 Capitalism, Socialism and Democracy: an Analysis of Business Attitudes towards Political Democracy in Jamaica. Comparative Social Research 12.
4. Stephens, John D. 1979 The Transition from Capitalism to Socialism. Urbana: University of Illinois Press.
5. Anderson, Thomas P. 1971 Matanza: El Salvador's Communist Revolt of 1932. Lincoln, University of Nebraska Press.
6. Offe, Claus and Wiesensthal, Helmut. 1980 Two Logics of Collective Action: Theoretical Notes on Social Class and Organizational Form. Political Power and Social Theory, 1.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: мировой опыт и Казахстан

Азимбаев А.К.

На сегодняшний день проблема коррупции является одним из злободневных вопросов, актуальных не только для Казахстана, но и большинства стран мира. Очевидно, что коррупция как явление имеет более глубокие социальные корни. Она в различной степени характерна для всех государств. Изучение мировой практики борьбы с коррупцией, в этом плане, имеет огромное зна-

чение для научного обоснования и использования надлежащего опыта в казахстанских реалиях.

Компаративный анализ проблемы показывает, что для каждой страны присущи свои масштабы, стратегии, методы, механизмы и технологии для борьбы с коррупцией. С другой стороны, на основе сравнения практики борьбы с коррупцией в различных государ-

ствах мира можно выделить общие и особенные моменты, полезные для Казахстана.

Если говорить о противодействии коррупции как системному явлению, то оно предполагает проведение кардинальных преобразований в системе государственной власти и управления, а также отношений между государством, частным сектором и гражданским обществом друг с другом. В данном случае речь идет о создании таких условий и механизмов, которые устранят или хотя бы существенно снизят возможности для проявления коррупции в данных сферах общественной жизни.

Многие эксперты из различных стран мира выступают за необходимость повсеместного введения всевозможных норм, правил, кодексов этики поведения субъектов соответствующих отношений, которые, по их мнению, могут стать здесь главным инструментом для противодействия коррупции. Выдвигаются даже идеи о необходимости формирования общенациональной этики поведения всех граждан и организаций.

В частности, в 1995 году в Великобритании парламентская Комиссия Нолана разработала семь принципов, применимых ко всем аспектам общественной жизни:

1. *Бескорыстие.* Должностные лица должны принимать решения только с учетом общественных интересов. Они не должны руководствоваться целями достижения финансовой или иной материальной выгоды для себя, своей семьи или друзей.

2. *Неподкупность.* Должностные лица не должны ставить себя в финансовую или иную зависимость от отдельных лиц или организаций, которые могут повлиять на исполнение ими профессиональных обязанностей.

3. *Объективность.* При принятии решений, например: о назначении на ответственные посты, о предоставлении контрактов, о предоставлении к наградам и т.п., должностные лица обязаны руководствоваться только достоинствами кандидатов.

4. *Подотчетность.* Должностные лица подотчетны обществу за принимаемые решения и совершаемые действия; их деятельность должна быть открыта для самых тщательных проверок.

5. *Открытость.* Решения и действия должностных лиц должны быть в высшей степени открытыми для общества. Должностные лица обязаны обосновывать свои решения, а сокрытие информации допускается толь-

ко в тех случаях, когда этого требуют высшие интересы общества.

6. *Честность.* Должностные лица обязаны открыто заявить о любых личных интересах, имеющих отношение к их должностным обязанностям, и принимать меры к тому, чтобы возникающие вследствие этого конфликты интересов разрешались в пользу общества.

7. *Руководство.* Должностные лица должны поддерживать вышеперечисленные принципы, осуществляя руководство и подавая личный пример [1].

В данном случае речь идет об антикоррупционных преобразованиях морального характера. Их сторонники, как уже отмечалось выше, выступают за утверждение принципов честности и неподкупности практически во всех сферах жизни общества, в том числе на государственной службе, в сфере деятельности политических партий, средств массовой информации, коммерческих структур, избирательной системы и т.д.

В ряде стран мира довольно успешно внедрены и соблюдаются этические нормы поведения государственных служащих. Хотя далеко не везде соблюдение этих норм осуществляется чиновниками по своей доброй воле. Во многом на это влияет наличие в соответствующих странах специальных юридически самостоятельных либо внутриведомственных учреждений, осуществляющих контроль за выполнением этических норм.

В частности, в США функционирует офис профессиональной этики госслужащих, статус и полномочия которого определены Законом 1978 года о профессиональной этике государственных служащих. Директор офиса облечен ответственностью направлять в целом политику исполнительной власти посредством разработки, рекомендации и интерпретации правил, регулирующих проблемы конфликта интересов и служебной этики чиновников, и представления официального мнения по вопросам применения положений соответствующих законов.

В свою очередь каждое ведомство во исполнение положений управления кадрами обязано учредить службу советников, которые предоставляли бы оптимальные советы и руководство для работников данных ведомств по вопросам конфликта интересов и этических стандартов поведения. При этом любой сотрудник службы советников ведомства может обратиться в случае необходимости за помощью в офис профессиональной этики госслужащих [2].

Другую группу антикоррупционных преобразований можно определить как институциональные. Они предполагают как создание новых механизмов по борьбе с коррупцией, так и ликвидацию таких программ, нормативных актов, услуг и должностей, которые сами по себе стимулируют коррупцию и существование которых практически ничем не оправдано с точки зрения интересов общества.

В частности, одной из важных мер в этом направлении является упрощение административных процедур и организационных структур с целью придания им большей эффективности. К примеру, упрощение процедуры получения лицензий позволяет сократить затраты времени и уменьшить произвол чиновников по отношению к субъектам частного бизнеса.

Можно также выделить следующие примеры институциональных антикоррупционных преобразований: обеспечение прозрачности и гласности в избирательном процессе, регулирование вопросов финансирования предвыборных кампаний, контроль парламента за деятельностью правительства и иных органов исполнительной власти, регламентация вопросов имущества, доходов и денежных обязательств государственных служащих и парламентариев, повышение заработной платы чиновникам и работникам бюджетной сферы, введение ежегодной финансовой отчетности для политических партий, принятие специальных законов по борьбе с коррупцией, ужесточение административных и уголовных наказаний за совершение коррупционных правонарушений и т.д.

Проявление коррупции в избирательном процессе обусловлено главным образом стремлением тех или иных политических групп, участников этого процесса, обеспечить избрание на соответствующую выборную должность своего представителя, от которого затем ожидают представления и лоббирования в процессе своей деятельности интересов данных групп.

В частности, если речь идет о заинтересованных представителях государственной власти, то они могут использовать такие способы фальсификации результатов выборов, как недопущение избирателей на избирательные участки под различными предлогами, заполнение чиновниками бюллетеней для голосования за избирателей, которые по каким-либо причинам не могут сделать это сами, подмена урн для голосования до нача-

ла подсчета голосов, недопущение к процедуре подсчета голосов наблюдателей и т.д. Самым же важным для данной группы участников политического процесса является использование так называемого «административного ресурса». Особенно это проявляется тогда, когда государственные чиновники выдвигаются кандидатами на выборную должность, а также руководят участвующими в выборах политическими партиями или избирательными блоками.

Со стороны других, не относящихся к государству участников избирательного процесса, нередко допускаются всевозможные махинации с финансовыми средствами своих избирательных фондов и подкуп избирателей. В последнем случае основным фактором успешного применения данного способа является низкая избирательная активность граждан, обусловленная во многом неверием в решающее значение своих голосов.

Нужно отметить, что покупка голосов избирателей во многих странах носит традиционный характер. Фактически легально эта практика имела место в США, Великобритании и других европейских странах в XIX веке. И хотя в настоящее время избирательное законодательство многих стран мира прямо запрещает прибегать к подкупу избирателей и создает всевозможные ограничения для применения этого метода предвыборной борьбы, все же отдельные случаи такого подкупа имеют место.

Подкуп избирателей осуществляется не только за счет денег. Влиятельные кандидаты и лидеры политических партий нередко используют метод «патронажа», при котором они предлагают определенным лицам, способным помочь их избранию, занять выгодную должность в государственных органах. Такая практика, к примеру, активно применяется в Испании и Италии. В Таиланде выборы 1996 года проходили на основе давно укоренившейся практики раздачи скромных подарков избирателям. При этом оригинальным новшеством стало обещание дополнительной премии в случае победы на выборах нужного кандидата [3].

Поэтому во многих странах мира, во-первых, в действующем избирательном законодательстве введены механизмы, обеспечивающие максимальную прозрачность основных избирательных процедур. Это, прежде всего, касается обеспечения независимости от исполнительной власти назначения членов и деятельности избирательных комис-

сий, гласности списков избирателей, процедуры выдачи избирательных бюллетеней, присутствия независимых наблюдателей во время проведения голосования и подведения его итогов.

Во-вторых, созданы и действуют механизмы контроля за финансированием избирательных кампаний и недопущения применения нелегальных источников этого финансирования. В частности, правительство Южной Кореи в свое время приняло Декрет №13957, запретивший использование «заимствования» имен при осуществлении финансовых сделок. Речь идет о том, что до принятия данного акта граждане этой страны имели возможность, используя вымышленные имена, легко скрывать свои средства от налогов, подкупать чиновников и делать незаконные взносы в избирательные кампании. Рассматриваемый же Декрет установил, чтобы держатели средств под вымышленными именами в течение года с момента его принятия перевели эти средства на свои счета под действительными именами. Желаящие же открыть банковские счета или снять крупные суммы не могут этого сделать без предъявления удостоверения личности. Отказ от выполнения этих требований наказывается штрафом в сумме до 60% от суммы на банковском счете [4].

Все эти меры, направленные на предотвращение проявлений коррупции и сопутствующих ей условий в избирательном процессе, имеют огромное значение. Они, в частности, призваны не допустить занятия важных выборных должностей в государстве лицами, стремившимися к власти в целях решения своих частных интересов и способных к совершению коррупционных нарушений в процессе осуществления своих должностных обязанностей. Но самое главное, что данные меры укрепляют в обществе доверие как к демократическому избирательному процессу, так и к деятельности избираемых органов власти.

Учитывая ту роль, которую в общественно-политической жизни многих стран мира играют политические партии, законодательство этих стран устанавливает определенный контроль за источниками их финансирования. Это делается в целях избежания проявлений коррупции со стороны партийных лидеров, особенно тех из них, кто имеет мандаты депутатов парламента или занимает ключевые посты в правительстве, использования партий финансирующими их лицами

или группами для реализации своих частных интересов, а также использования партиями в своей повседневной деятельности и избирательной кампании средств незаконно-го или сомнительного происхождения.

В целях недопущения подобных инцидентов законодательство многих стран мира обязывает политические партии предавать гласности результаты своей финансовой деятельности, включая сумму находящихся в их распоряжении денежных средств, источников их получения и конкретных расходов. Например, в Великобритании закон требует, чтобы политические партии, имеющие в своих фондах поступившие к ним в качестве субсидий свыше пяти тыс. фунтов, публиковали отчеты о своей финансовой деятельности [5].

Не менее важными мероприятиями антикоррупционного характера является прозрачность финансовой деятельности как государства в целом, так и отчетность о своих доходах каждого государственного чиновника в отдельности.

В первом случае речь идет об открытости перед обществом бюджетной политики того или иного государства. Будучи налогоплательщиками, граждане любого государства вправе знать, на что конкретно расходуются заработанные ими и отданные в распоряжение государства деньги. В развитых странах правительство, как правило, публикует в СМИ данные о консолидированном бюджете, о бюджетных поступлениях, расходах, а также нормативно-правовые акты, регулирующие бюджетную политику и информацию о заседаниях законодательных и исполнительных органах власти по вопросам бюджета. Все это делается в целях недопущения незаконного использования бюджетных средств.

Финансовая деятельность государства подлежит аудиторской проверке со стороны специального органа. К примеру, в США этим занимается Центральное финансово-контрольное управление, в Великобритании – Счетная комиссия, в России – Счетная палата и т.п. ЦФКУ надзирает за финансовой деятельностью федеральных органов и подотчетно в своей деятельности непосредственно Конгрессу США. В его ведении находятся разрешение споров по контрактам, оплата счетов американского правительства, разрешение претензий от имени или к США, составление для Конгресса информационных докладов и рекомендаций к ним. Английская счетная комиссия осуществляет проверку финансовой

деятельности органов исполнительной власти на местах и Национальной службы здравоохранения, а также готовит доклады правительству. Самым важным условием честной и эффективной деятельности этих органов является их независимость от тех государственных структур, которые они контролируют. Помимо этого, в ряде государств мира контроль за расходами исполнительной власти также осуществляют соответствующие комитеты или комиссии парламентов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в тех или иных странах внешний финансовый надзор сталкивается с различными трудностями. Последние, в частности, могут быть обусловлены нахождением в распоряжении глав государства, правительства, отдельных министерств и ведомств собственных тайных фондов, не подлежащих учету и контролю. Например, в США бюджеты Центрального разведывательного управления и других спецслужб не публикуются. Подобные секретные фонды, по мнению экспертов, являются источником для коррупции [6].

Одним из важных средств поддержания поведения государственных служащих, так или иначе способствующих недопущению коррупции в системе государственной власти и управления, является периодическое заполнение чиновниками деклараций о своих доходах, имуществе и финансовых обязательствах.

Еще один подход в борьбе с коррупцией заключается в том, чтобы связать проведение сокращения излишне раздутого, низкоквалифицированного и мало оплачиваемого государственного аппарата с увеличением заработной платы государственных служащих. Как следует из материалов многочисленных исследований проблемы коррупции в различных странах мира, чиновники являются главным субъектом коррупционных отношений в обществе. Поэтому чем меньше их численность, тем меньше и уровень проявления коррупции в данном государстве.

Например, Уганда на протяжении 1990-х годов практически безболезненно для эффективности управления уменьшила численность госслужащих почти на 50% [7]. В Великобритании с 1979 по 1995 годы общая численность госслужащих сократилась с 723 тыс. до 550 тыс. человек, то есть на 25% [8]. В то же время данные меры нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они способствуют экономии бюджетных средств и направлению их на иные важные программы

расходов, включая увеличение заработной платы для госслужащих. С другой стороны, подобные сокращения кадров в системе управления часто приводят к удалению отсюда квалифицированных специалистов, нежели работников общего профиля.

Одним из наиболее стимулирующих проявление коррупции в государственном аппарате факторов является низкая заработная плата государственных служащих. Особенно действие этого фактора ощутимо там, где зарплата госслужащих ниже уровня минимальной потребительской корзины и меньше зарплат в частном секторе. В связи с этим реформа оплаты труда в сторону повышения ее размера и упорядочивания процедуры ее выдачи является одним из важных средств противодействия коррупции.

Как правило, в ряде стран мира действует система должностных окладов, сопровождаемая также выдачей госслужащим всевозможных надбавок и поощрительных выплат. К примеру, во Франции чиновники получают оклад, постоянно индексируемый в соответствии с изменением прогрессирующей минимальной ставки межпрофессиональной зарплаты, а также пособие на жилье, доплату на содержание семьи и еще некоторые дополнительные пособия [9]. В то же время последние характеризуются тем, что они различаются по многообразным ведомствам и даже категориям госслужащих, приводя тем самым к серьезному неравенству в реальном вознаграждении чиновников. К тому же размер этих пособий практически неизвестен для широкой общественности. В связи с этим в системе государственной службы Франции сохраняется проблема «теневых» выплат и привилегий, которая создает хорошие основания для проявления здесь же коррупции.

Более ответственно к вопросу оплаты труда госслужащих подходят в Федеративной Республике Германия. Здесь конституционной основой данной оплаты является «принцип содержания». Согласно ему оплата должна быть соразмерной и соответствовать занимаемой должности. Она также должна обеспечивать чиновникам возможность полностью посвятить себя выполнению своих служебных обязанностей, поскольку эффективно и качественно это может делать только экономически независимый госслужащий. Помимо основного оклада, германские чиновники также получают местную доплату, различные надбавки, премии, оплату за работу за границей, компенсации при несчаст-

ных случаях, оплату поездок и переездов с одного места жительства на другое [10].

Наконец, одними из наиболее важных и действенных инструментов по борьбе с коррупцией являются механизмы обеспечения ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения. В первую очередь к этим механизмам относятся законодательно установленные меры наказания за данные правонарушения. В зависимости от характера этих правонарушений, обусловленного в основном степенью нанесения ими ущерба обществу и государству, соответствующие наказания имеют форму дисциплинарных, административных и уголовных и регулируются соответствующими законодательными актами.

В качестве одного из примеров ответственности за проявление коррупции в политической сфере можно привести должностные преступления, связанные с выборами и политической деятельностью, в США. Эта особая группа деяний содержится в главе 29 раздела 18 Свода законов США. В ней предусматривается ответственность кандидатов на какие-либо выборные должности, которые в обмен на поддержку своей кандидатуры обещают кому бы то ни было назначение на публичную или частную должность или получение работы по найму. Ответственность наступает и для тех, кто обещает работу по найму или иную выгоду за участие в политической деятельности, выступление за или против кандидата или политической партии при выборах кандидатов на занятие любой политической должности, во время проведения общих или специальных выборов или во время отбора кандидатов.

К этой же группе отнесено и домогательство политического сотрудничества со стороны сенаторов, членов палаты представителей, служащих США или лиц, получающих заработную плату или вознаграждение от казначейства США, которые прямо или косвенно помогают, получают или иным способом участвуют в домогательстве или получении любого пожертвования, подписки или вознаграждения из политических соображений для сотрудничества с другим таким же должностным лицом, служащим и пр. Наказываются все указанные выше правонарушения штрафом в 5000–10 000 долларов или (и) лишением свободы на срок до двух или трех лет [11].

В Великобритании Закон о народном представительстве 1983 года предусматрива-

ет уголовную ответственность за взяточничество, связанное с проведением выборов в парламент или в местные органы власти. Преступление заключается в даче взятки, прямо или косвенно, в виде денег или в виде содействия в получении какой-либо должности избирателю с тем, чтобы он отдал свой голос или воздержался от голосования в пользу взяткодателя или другого лица. Получение взятки, а равно заключение соглашения о подкупе наказуемы независимо от того, когда произошло принятие взятки: до, во время или после выборов. Виновные наказываются лишением свободы до одного года или (и) штрафом [12].

Во многих странах мира основным принципом антикоррупционного законодательства является равенство всех граждан соответствующего государства перед законом, прежде всего в плане ответственности за совершение коррупционных правонарушений, занимаемой в государстве должности, политической принадлежности, в том числе к правящей партии, и т.п. В соответствии с этим принципом в тех или иных странах к той или иной ответственности довольно часто привлекаются высокопоставленные чиновники и парламентарии вплоть до глав государств и правительств.

Чаще всего обвинения в коррупции используются определенными участниками политического процесса в целях дискредитации своих оппонентов. Особенно это практикуется со стороны политической оппозиции в отношении представителей действующей власти либо депутатами соперничающих фракций в парламенте в отношении друг к другу. Нередко эти обвинения в случае их доказанности становятся причиной окончания политической карьеры тех или иных лиц, в том числе высокопоставленных чиновников, вынужденных подать в отставку либо отстраненных от должности вследствие применения различных административных, парламентских или судебных процедур.

В то же время очень часто влиятельные политические деятели имеют возможность уйти от ответственности путем использования определенных механизмов своего влияния на органы следствия и суда либо благодаря наличию у них иммунитета от уголовного преследования. Особенно это касается первых лиц того или иного государства.

В качестве примера можно привести обвинение в отношении президента Франции

Жака Ширака. Он обвинялся в получении взяток и незаконном финансировании своей партии во время пребывания на посту мэра Парижа в 1977–1995 годах. Однако в октябре 2001 года Верховный суд Франции вынес решение, согласно которому Ширак во время пребывания на посту президента республики не может вызываться для дачи показаний. 19 судей кассационной инстанции определили, что иммунитет президента против судебного преследования и дачи показаний является фундаментальным положением Конституции Франции. Судья Эрик Альфен, который возглавлял проводившееся в течение семи лет расследование обвинений в коррупции, выдвинутых против Ширака, подал в отставку. Он, в частности, заявил, что столкнулся с саботажем при расследовании, которое несколько раз пытались прекратить. Альфен также сообщил, что за ним велась слежка, а его телефон прослушивался [13].

На основании приведенного выше примера можно сделать вывод, что принцип равенства абсолютно всех перед законом, в том числе в случае совершения коррупционного правонарушения, в определенных случаях не соблюдается. Причем это обстоятельство характерно и для государств с развитой демократией и правовой культурой.

Следует также отметить, что уровень ответственности и жесткости наказания за совершение коррупционных правонарушений очень сильно зависит от типа существующей в том или ином государстве политической системы и обусловленного ею политического режима. В развитых демократических странах меры наказания за коррупционные правонарушения отличаются относительной мягкостью. Чаше всего суды в отношении обвиняемых ограничиваются приговором к выплате определенных размеров штрафов, вынесением условных наказаний или лишением свободы на малый срок. К примеру, в Великобритании и ФРГ срок лишения свободы для лиц, обвиненных в получении взяток, по общему праву не может превышать двух лет [14].

Наиболее жесткие меры в отношении коррупционеров применяются в странах с авторитарными и тоталитарными режимами. Например, в Китае за получение взяток в сумме более 5 млн юаней, или 600 тыс. долларов США, суд автоматически выносит обвиняемому смертный приговор. Только в 1989 году за совершение коррупционных правонарушений в этой стране было каз-

но более 30 и осуждено на различные сроки заключения 30 тысяч человек [15].

Неординарные меры наказания в отношении коррупционеров применяются в Туркменистане. В частности, в мае 2002 года по обвинению в получении взяток к десяти годам лишения свободы здесь были осуждены бывший вице-премьер Аман Атаев, бывший министр обороны Курбандурды Бегенджов и экс-руководитель ассоциации пищевой промышленности республики Какаджан Овезов. В то же время президент Туркменистана Сапармурат Ниязов принял решение заменить этим лицам меру наказания на принудительные работы, чтобы они своим трудом заработали себе прощение. В связи с этим двоих из осужденных направили заниматься выращиванием зерновых в одном из районов страны, а третьего – работать электриком в одном поселке [16].

Вместе с тем наличие в странах с недемократическими режимами правления многочисленного бюрократического аппарата, его закрытость и неподконтрольность обществу привели к тому, что коррупция здесь имеет очень большой уровень и носит системный характер. В связи с этим борьба с коррупцией в условиях данных политических режимов носит больше формальный и пропагандистский характер.

Мировой опыт борьбы с системной коррупцией позволяет выделить следующие варианты этой борьбы:

а) *радикальные преобразования*. Данный вариант предполагает полную смену власти в том или ином государстве путем революции, вооруженного переворота, отставки прежнего руководства под давлением общественности, избрания нового руководства на выборах и т.д. Новая же власть проводит кардинальные преобразования всей системы управления государством и общественно-политических отношений;

б) *смена элит с сохранением системы*. Здесь также происходит полная смена власти, сопровождаемая последующим преследованием за коррупцию вплоть до осуждения к лишению свободы бывших руководителей государства и даже членов их семей.

В качестве примера можно привести инцидент с бывшим президентом Филиппин Джозефом Эстрадой, который занимал пост главы этого государства в 1998–2001 годах. Он был вынужден уйти в отставку после имевших место в январе 2001 года массовых волнений, последовавших за обвинениями в

коррупции и началом процедуры импичмента в отношении него. Эстраде было предъявлено обвинение в присвоении 2,6 млн долларов из акцизных поступлений, совершенном в сговоре с другими лицами, занижении сведений о размерах своего состояния в налоговой декларации 1999 года, совершении незаконной земельной сделки и еще нескольких экономических преступлений. В апреле того же года суд Манилы распорядился об его аресте [17].

Но в целом, как правило, каких-либо кардинальных антикоррупционных преобразований системного характера при этом варианте не проводится. Все ограничивается лишь сменой и преследованием представителей высшего руководства и части выдвинувшихся при них чиновников нижестоящих уровней;

в) *разовая кампания*. В данном случае руководство тех или иных государств в определенный период времени выступает с призывами ужесточения борьбы с коррупцией и проводит некоторые антикоррупционные преобразования. Характерными моментами такой кампании являются проведение серии показательных судебных процессов над коррупционерами, в основном из числа высокопоставленных чиновников, и интенсивная антикоррупционная пропаганда в средствах массовой информации.

Чаше всего такой вариант борьбы с системной коррупцией практикуется в странах переходного периода. Однако он отличается низкой результативностью, поскольку все осуществляемые в его рамках мероприятия являются фрагментарными, затрагивают отдельные персоналии внутри правящей элиты и, что самое важное, не сопровождаются существенными преобразованиями, способными искоренить корни коррупции;

г) *концепция «анклава» или «острова честности»*. Данный подход заключается в «отгораживании» отдельных сфер государственной службы от всей системы в целом для того, чтобы начать борьбу с коррупцией на отдельно взятом участке. К примеру, в Танзании в 90-х годах XX века налоговая служба была выведена из общей системы государственной службы, то есть стала негосударственной. Это позволило повысить ее сотрудникам денежное содержание, чтобы создать стимулы для честной работы и недопущения коррупции [18].

В практическом отношении заметную роль в процессе противодействия коррупции

играют специальные антикоррупционные органы. Обращает на себя внимание, что они существуют главным образом в развивающихся и переходных странах, где уровень коррупции довольно высок. В более же развитых государствах для борьбы с коррупцией, масштабы которой значительно ниже, достаточно усилий правоохранительных органов.

В качестве одного из успешных примеров деятельности специальных органов можно назвать действующую в Гонконге Независимую комиссию по борьбе с коррупцией. Основной для ее работы является тщательный мониторинг действий властей, а также инициирование судебных разбирательств по коррупционным делам.

Одним из моментов, определяющих эффективность работы данной комиссии, является то, что действующее законодательство обеспечивает ее направленность в будущее. Иначе говоря, деятельность Независимой комиссии по борьбе с коррупцией направлена главным образом на создание механизмов и принятие мер превентивного характера. В то же время она фактически освобождена от необходимости заниматься коррупционными правонарушениями, совершенными в прошлом. Исключение составляют только дела тех лиц, которым уже было предъявлено обвинение или в отношении которых выписан ордер на арест, а также дела по правонарушениям, признанным губернатором Гонконга достаточно серьезными, чтобы произвести по ним надлежащие процедурные действия [19].

С другой стороны, Независимая комиссия по борьбе с коррупцией имеет и некоторые проблемы. Одной из них является то, что она отчитывается только перед губернатором. В связи с этим есть риск, что власти Гонконга могут использовать Комиссию в целях преследования своих политических оппонентов. К тому же подобные обвинения в адрес Комиссии уже имели место и спровоцировали на проведение серии проверок ее деятельности со стороны надзорных и судебных инстанций [20]. Поэтому целесообразно, чтобы подобные антикоррупционные органы были подотчетны не только представителям органов исполнительной власти, но и законодательным органам своих государств.

В более развитых странах мира борьбу с коррупционными преступлениями осуществляют соответствующие правоохранительные органы. Их действия проводятся обычными для уголовного расследования оперативными и следственными методами, вклю-

чая проведение специальных оперативно-розыскных операций.

Нужно отметить, что в ряде стран мира задачи антикоррупционного характера, как правило, стоят сразу перед несколькими органами. Такой подход нельзя оценить однозначно. С одной стороны, несмотря на то, что различные правоохранительные органы имеют свою компетенцию и сферы деятельности, между ними нередко происходит дублирование, вмешательство в дела друг друга, скрытое, а иногда и открытое соперничество по расследованию коррупционных правонарушений.

С другой стороны, при четком разграничении ответственности и конструктивном сотрудничестве эти органы работают, в том числе и совместно, весьма эффективно. В определенных случаях они дополняют друг друга. Наконец, такое положение дел позволяет данным органам взаимно контролировать друг друга и бороться с проявлениями коррупции внутри себя.

Например, в США большую роль в расследовании коррупции в органах государственной власти играет Федеральное бюро расследований (ФБР). Юрисдикция данного органа по указанному виду преступлений распространяется на назначаемых и выборных должностных лиц, причем не только на федеральном уровне, но и на уровне отдельных штатов и мест. Правда, в последнем случае ФБР правомочно действовать лишь тогда, когда совершаемые соответствующими должностными лицами действия нарушают федеральные законы.

В этой стране также действует отдел Министерства юстиции США, занимающийся борьбой с коррупцией должностных лиц. Он, в частности, осуществляет контроль за:

а) судебным преследованием выборных и назначаемых должностных лиц всех уровней управления, обвиняемых в нарушении федеральных законов, включая конгрессменов и федеральных судей;

б) расследованием преступлений, связанных с проведением избирательных кампаний, и судебным преследованием лиц, виновных в такого рода преступлениях;

в) претворением в жизнь отдельных положений закона об этике в правительстве [21].

В странах с системной коррупцией большую роль в противодействии этому явлению играют гражданское общество и его институты, включая политические партии, иные неправительственные организации, отдель-

ных общественных и политических деятелей. Эти институты не только помогают государству и его органам в борьбе с коррупцией, но и довольно часто фактически заменяют их в этом процессе, особенно когда данные органы по тем или иным причинам «не замечают» явные проявления коррупции в тех или иных сферах общественной жизни.

В качестве примеров антикоррупционной деятельности институтов гражданского общества можно привести работу национальных отделений (чаптеров) «Транспаренси Интернешнл». Последние активно действуют в более чем 80 странах мира, в том числе в Азербайджане, Казахстане, Латвии, Литве, Молдове, России, Украине и Эстонии.

Согласно уставным документам Национальный антикоррупционный комитет является общественной организацией, открытой для всех, кто хочет и способен бороться с коррупцией во всех ее проявлениях. Его приоритетными задачами являются консолидация сил гражданского общества для борьбы с коррупцией, оказание поддержки и общественной защиты всех граждан, организаций и СМИ, занимающихся аналогичной деятельностью, оказание гражданского воздействия на власть в целях активизации ее антикоррупционной деятельности, разработка системы методов и средств для формирования целостной и последовательной антикоррупционной политики, проведение экспертизы проектов и действующих правовых актов для выявления условий, способствующих проявлениям коррупции [22].

Вместе с тем нельзя не отметить, что антикоррупционная деятельность, осуществляемая гражданским обществом и его институтами, особенно в развивающихся и переходных странах, пока не получила своего полноценного развития. Это обстоятельство, видимо, обусловлено следующими причинами.

Во-первых, далеко не везде государство и его органы идут на взаимодействие с институтами гражданского общества и привлекают их к осуществлению своих антикоррупционных мероприятий.

Во-вторых, в ряде соответствующих государств институты гражданского общества не имеют законодательно установленных возможностей и механизмов для эффективного осуществления антикоррупционной деятельности.

В-третьих, антикоррупционная риторика нередко используется различными общественно-политическими силами, причем не

всегда обоснованно, в целях дискредитации своих оппонентов. Хотя нередко бывает, что «разоблачители» сами имеют запятнанную репутацию. В связи с этим их антикоррупционные инициативы не всегда находят широкую поддержку среди общественности.

В-четвертых, в странах указанной категории, особенно с высоким уровнем системной коррупции, деятельность, как правило, немногочисленных антикоррупционных общественных организаций не находит широкой поддержки среди населения в силу его

гражданской и политической пассивности, низкого уровня политической и правовой культуры, а также отношения к коррупции как вполне естественному и неискоренимому явлению.

Поэтому важным условием оптимального проведения политики по борьбе с коррупцией в тех или иных государствах является слаженная работа, во-первых, государственных органов между собой, во-вторых, постоянное взаимодействие этих органов с институтами гражданского общества.

Литература

1. Основы противодействия коррупции (научная редакция С.В.Максимова). – М.: Спарк, 2000. – 228 с. (С.47–48).
2. Ринглер С.М. Как предъявлять обвинения высокопоставленным чиновникам. Практические соображения американского прокурора // Чистые руки. – 2000. – №4. – С. 89–98 (С. 98).
3. Кистауова З. Казахстан в борьбе за улучшение делового имиджа (материал предоставлен Центральным-Азиатским агентством политических исследований) // К обществу без коррупции. – 2003. – №2 (15). – С. 29–31 (С. 30).
4. Системы общегосударственной этики поведения. Пособие Транспаренси Интернешнл (под редакцией Джереми Поупа). – Транспаренси Интернешнл (ТИ), Берлин, Германия, 1996. – 114 с. (С. 25).
5. Бондаренко С.В. Коррупцированные общества. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 2002. – 368 с. (С. 169).
6. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствие, реформы (пер. с англ. О.А. Алякринского). – М: Логос, 2003. – 356 с. (С. 218).
7. Бондаренко С.В. Коррупцированные общества. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 2002. – 368 с. (С. 197).
8. Государственная служба (комплексный подход). Учебное пособие. – М.: Дело, 1999. – 440 с. (С. 264).
9. Там же. С. 221.
10. Там же. С. 244.
11. Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.Р., Хомутова А.В. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции. – Владивосток: Ассоциация юристов Приморья, 1999. – 90 с. (С. 70).
12. Там же. С. 78–79.
13. Президент остается неподсудным // К обществу без коррупции. – 2001. – №3 (8). – С. 47–48; Судья против президента // К обществу без коррупции. – 2002. – №1 (9). – С. 34–35.
14. Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.Р., Хомутова А.В. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции. – Владивосток: Ассоциация юристов Приморья, 1999. – 90 с. (С. 77, 85).
15. Смертная казнь за взятку // К обществу без коррупции. – 2001. – №1 (6). – С. 44.
16. Бондаренко С.В. Коррупцированные общества. – Ростов-на-Дону: Росиздат, 2002. – 368 с. (С. 199).
17. Коррупционеры будут исправлять трудом // К обществу без коррупции. – 2002. – №3 (11). – С. 39–40.
18. В коррупции обвиняется экс-президент (по материалам Би-би-си) // К обществу без коррупции. Информационный бюллетень. – 2001. – №2 (3). – С. 16.
19. Системы общегосударственной этики поведения. Пособие Транспаренси Интернешнл (под редакцией Джереми Поупа). – Транспаренси Интернешнл (ТИ), Берлин, Германия, 1996. – 114 с. (С. 37).
20. Основы противодействия коррупции (научная редакция С.В.Максимова). – М.: Спарк, 2000. – 228 с. (С. 177).
21. Россия и коррупция: кто кого? Международный опыт борьбы с коррупцией: от неудач Китая до успехов Израиля (из аналитического доклада Фонда «Информатика для демократии») // Чистые руки. – 1999. – №3. – С. 5–13 (С. 11).
22. Николайчик В. Честь чиновника определяется честностью системы управления // Чистые руки. – 1999. – №3. – С. 17–26 (С. 24).

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА (по материалам Восточно-Казахстанской области)

Буканова Ж.

Определение понятий «регион», «региональная политика», «регионализация» приобретает сегодня важное научное значение.

В рамках отдельных дисциплин в экономике, географии, политологии понятие «регион» трактуется весьма различно. Так, в контексте европейского интегрального федерализма «регион» обладает следующими характеристиками: общая территория, определенное население, общность истории, общность природных условий, общность решаемых проблем [1].

Региональная политика всегда направлена сверху вниз, от целого к частям. Регионализм – это идеология сочетания интересов центра и региона, политика сбалансирования власти на двух уровнях [2].

Регионализм постепенно занимает приоритетное место во внутренней политике Казахстана. Изучение ролей и функций Центра и регионов приобретает практическую актуальность в связи с дальнейшим расширением полномочий местного государственного управления в решении вопросов территориального развития, организации эффективного управления на нижних уровнях.

Казахстан по своему государственно-территориальному устройству является симметричным централизованным унитарным государством. Территориальные части (14 областей) республики имеют равный политико-правовой статус. Однако существуют различия в уровнях социально-экономического развития регионов.

Не вдаваясь глубоко в истоки возникшего разнообразия, рассмотрим примеры региональных контрастов.

Выделяются прогрессивные регионы, индустриально развитые, в которых отмечается рост промышленного производства, финансово обеспеченные регионы, собирающие у себя на территории больше денег в виде налогов, чем расходует местный бюджет, а также регионы, где отмечается относительный рост реальных доходов населения, увеличение численности рабочих мест. Вместе с тем в других регионах в большей степени отмечаются негативные процессы. Эти регионы в самом общем виде можно

охарактеризовать как регионы социального неблагополучия, с крайне низким уровнем бюджетной обеспеченности.

Экономисты все области по своему социально-экономическому развитию и потенциалу подразделяют на четыре группы:

Первая группа – области, обладающие уникальными запасами минеральных ресурсов стратегического характера и достаточно высоким импульсом в интенсивном развитии научно-производственного потенциала, способные ускоренными темпами интегрировать экономику республики в мировое хозяйство, но имеющие экономическую и социальную отсталость аула и села в большинстве из них и серьезную экологическую обстановку. Этим регионам отводится роль опорных в стабилизации и выводе из кризиса экономики Казахстана, они будут определять потенциал страны.

Вторая группа – области с высоким научно-производственным потенциалом, ярко выраженной специализацией в отраслях тяжелой индустрии с достаточно благоприятными экономическими условиями для создания высокотехнологичных наукоемких производств, в основном самообеспеченные финансовыми ресурсами, но имеющие высокую степень износа основных фондов и кризисную экономическую и экологическую ситуацию.

Третья группа – области, специализирующиеся на отраслях АПК, являющиеся ведущими в формировании продовольственного фонда республики.

Четвертая группа – депрессивные области, имеющие экстремальные почвенно-климатические, социально-экономические и технологические условия, жестко лимитирующие возможность экономического маневра, крайне нерациональную отраслевую структуру народного хозяйства, а также районы экологического кризиса [3].

Во внутриреспубликанском разделении труда также выделяется несколько групп экономических районов.

По оценке устойчивости жизнеобеспечения региональное развитие отождествляется с динамичным воплощением *социо-*

эколого-экономического равновесия. По мнению сотрудника Института экономики МОиН РК, в 3-х из 15 регионов отмечается состояние равновесия.

Им выделяются *регионы наиболее активные в экономическом плане*, к числу которых относят Атыраускую, Карагандинскую, Мангистаускую области и города Астану и Алматы, но не имеющие баланса устойчивости по всем параметрам. Например, в Атырауской области сложились относительно высокие экономические и экологические характеристики, но социальные показатели занимают только срединное положение. В Карагандинской области – наиболее благоприятные позиции в экономической и социальной сферах, а по экологической составляющей показатели сильно занижены. В Мангистауской области, имеющей высокие экономические и экологические показатели, социальные параметры свидетельствуют о низком уровне развития региона – ниже среднего по республике. В городах Астане и Алматы уровни экономического и социального развития сформировались сравнительно высокими, однако экологические составляющие характеризуются среднереспубликанским состоянием, что не позволяет утверждать об устойчивости в этих регионах. Последнее утверждение относится и ко всей первой группе регионов экономической активности.

В группе регионов, имеющих средние показатели экономической активности, находятся Актыбинская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская области. Относительно устойчивое состояние сложилось в Западно-Казахстанской области. Здесь составляющие устойчивости имеют почти одинаковую интенсивность проявления, что позволяет занимать относительно устойчивое положение. В Актыбинской области экономические и экологические позиции приближены, однако по социальным параметрам уровень области ниже среднего по стране, то есть экономическая активность не проявляется в виде соответствующего уровня социального развития региона. Восточно-Казахстанская область, занимая средние позиции по уровню экономического развития, имеет высокие позиции социального развития и очень слабые характеристики экологического состояния региона. В Костанайской и Павлодарской областях сложились средние показатели экономического и социального раз-

вития и экологические параметры, соответствующие состоянию депрессивности.

Третья группа – наименее активные в экономической деятельности регионы, они включают Акмолинскую, Алматинскую, Жамбылскую, Кызылординскую, Северо-Казахстанскую и Южно-Казахстанскую области. В Акмолинской и Северо-Казахстанской областях наблюдается устойчивое состояние депрессивности, на которое указывает принадлежность к третьей группе активности по составляющим социо-эколого-экономического равновесия. В Акмолинской и Южно-Казахстанской областях на фоне низкой экономической активности прослеживается такое же депрессивное состояние социальной сферы (ниже среднего по республике), но при этом отмечается более позитивное состояние окружающей среды. В Жамбылской и Кызылординской областях сложилась низкая экономическая активность, что подтверждается соответствующими параметрами жизнеобеспечения, а характеристики развития социальной сферы и экологической среды находятся на более высоком уровне, в них отмечается принадлежность к первой и второй группам [4].

Вместе с тем по географическому месторасположению, климатическим условиям, по наличию природных ресурсов, демографической ситуации и даже по особенностям психографического поведения населения можно определить специфику каждой области.

Безусловно, при изучении этнополитических процессов необходимо рассматривать и учитывать все перечисленные особенности регионального развития областей республики. Но при этом особо следует обращать внимание на специфические различия регионов, которые непосредственно связаны с этносферой и оказывают на нее влияние.

Так, можно выделить регионы *по этнотерриториальной структуре*, где проживают в большинстве своем казахский этнос и мусульманская часть населения, это *юг и юго-запад Казахстана*, которые к тому же являются в основном сельскими жителями, а *северо-восток республики* представлен европейской группой этносов и городским населением.

Прослеживается *культурно-языковая дифференциация* между областями: моноязычные, биязычные, полиязычные.

Вместе с тем следует заметить, что су-

ществуют *регионы, которые несут в себе конфликтный потенциал разной мощности*. По этому признаку они делятся на следующие группы:

1 группа – территории, имеющие приграничное положение, спорные территории, районы, подвергающиеся интенсивному притоку иноэтнических мигрантов.

2 группа – «спокойные» полиэтнические регионы. Исторических предпосылок напряженности между национальными группами в них практически нет, однако появление проблем межэтнического характера возможно в связи с ухудшением местной социально-экономической ситуации.

3 группа – относительно «спокойные» регионы, в которых, тем не менее, имеются исторические и/или экономические причины межэтнического противостояния.

4 группа – очаги межэтнической напряженности, в том числе территории, где напряженность уже проявилась в открытых конфликтах, или районы, где возможны межэтнические столкновения.

Восточный Казахстан является одним из тех регионов, который обладает большим конфликтогенным потенциалом. Высокий потенциал напряженности характерен для этноконтактных, биэтнических зон данного региона.

По итогам социологического исследования, проведенного Департаментом внутренней политики летом 2002 года (всего по области было опрошено 1850 респондентов 19 городов и районов области), в числе проблем этнического плана наибольшее беспокойство у населения области вызывают ущемление прав по языковым признакам, этнический принцип при подборе кадров, бытовой национализм [5].

Проблемы этнического плана, вызывающие беспокойство

Проблемы	%
Ущемление прав по языковым признакам	21,4
Этнический принцип при подборе кадров	16,8
Бытовой национализм	13,9
Отсутствие пропорционального представительства этносов в исполнительных и законодательных органах власти	11,4
Трайбализм	11,0
Отсутствие равных возможностей развития культур этносов	5,2
Другое	3,0
Затрудняюсь ответить	38,7

Особо «проблемными» (по частоте упоминания проблем) являются **города**:

- **Риддер** (ущемление прав по языковым признакам – 46%, этнический принцип при подборе кадров – 39%);

- **Семипалатинск** (ущемление прав по языковым признакам – 36%, бытовой национализм – 28%);

- **Курчатов** (ущемление прав по языковым признакам – 33%, этнический принцип при подборе кадров – 26%);

- **Усть-Каменогорск** (ущемление прав по языковым признакам – 47%, отсутствие пропорционального представительства этносов в органах власти – 19%);

Районы:

- **Урджарский** (ущемление прав по языковым признакам – 32%, этнический принцип при подборе кадров – 25%);

- **Бордулихинский** (этнический принцип при подборе кадров – 34%, ущемление прав по языковым признакам – 33%);

- **Глубоковский** (отсутствие пропорционального представительства этносов в органах власти – 34%, этнический принцип при подборе кадров – 30%);

- **Шемонаихинский** (ущемление прав по языковым признакам – 27%, этнический принцип при подборе кадров – 18%).

Практически все выше названные города и районы области ранее отличались преобладанием русского населения. Русский язык играл доминирующую роль во всех сферах жизни общества. В связи с этим закономерным является возникновение опасений у русскоязычной части населения с расширением сфер применения государственного языка. Обеспокоенность по этому вопросу выражают 15% казахов, 32% русских, 37% украинцев, 3% татар и 25% представителей других этносов.

Тот факт, что более 38% затрудняются ответить на вопрос о проблемах этнического плана, а в числе общих проблем они занимают последнее место, говорит о стабильности межэтнических взаимоотношений в области и отсутствии ярко выраженных противоречий.

В то же время следует отметить внутриэтнические противоречия. 12% респондентов Тарбагатайского района отмечают, что межродовое противостояние постоянно проявляется, 30% – от случая к случаю и еще 13% отмечают, что проявляется очень редко. Наличие трайбалистских настроений также характерно, хотя и в меньшей степени, для Урджарского (43%), Аягоского (39%), Зайсанского (31%), Абайского (30%) райо-

нов и города Семипалатинска (35%). Межродовое противостояние было усилено объединением районов, в результате слияния двух областей – Восточно-Казахстанской и Семипалатинской. Усилиями руководства области и района в определенной мере была снята напряженность, но противоречия остались. В целом причины трайбализма в Казахстане носят объективный характер и исторически обусловлены. Трайбализм является одним из многовековых факторов этнокультурной жизни казахов. Однако это очень опасная тенденция, которая может принести ущерб общенациональному объединению.

Восточный Казахстан (его северо-восточные районы) является потенциально сепаратистским. Однако общий уровень дезинтеграционных устремлений этноактивных объединений, в сравнении с 90-ми годами, невысок и может быть оценен как «слабые признаки сепаратизма». Неверная этнополитика, ухудшение социально-экономического положения, стимулирование сепаратизма из-за рубежа, в основном России, способна усилить сепаратистские тенденции.

Принимая во внимание существующие реалии, можно утверждать, что необходима четкая, сбалансированная региональная этнополитика.

К основным задачам региональной этнополитики следует отнести:

- оценку событий в регионе или в регионах государства в целом;
- определение тенденций развития региональной политики через прогноз;
- определение влияния этнополитики регионов на общенациональную этнополитику.

При этом все эти проблемы должны анализироваться и изучаться в связке с реформами современного Казахстана, становления местного самоуправления и всей региональной политики.

Региональная политика в сфере межэтнических отношений должна отличаться последовательностью и дипломатичностью действий. Достижение общественного согласия и толерантности возможно лишь при условии целенаправленного углубленного изучения проблемы и выработки методов раннего предупреждения возникновения межэтнической напряженности.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что важными условиями межэтнического согласия респонденты

отмечают культуру межэтнических взаимоотношений и региональные программы развития этносов.

В области Восточно-Казахстанским государственным университетом осуществляется программа «Этнокультурные исследования Восточного Казахстана». В соответствии с программой составлена этническая карта области, разработан Демографический паспорт области, готовится к изданию энциклопедия «Восточный Казахстан», проведены научно-практические конференции «Взаимосвязи и взаимовлияние народов Восточного Казахстана в хозяйственной и культурной деятельности XVIII–XX вв.», «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» и другие мероприятия.

На сессии областного маслихата в декабре 2002 года утверждена региональная программа «Развития языков на 2003–2005 годы», администратором программы является Департамент внутренней политики ВКО.

Для осуществления системной региональной этнополитики есть необходимость разработки единой областной программы по сохранению межэтнического согласия.

Прежде чем приступить к разработке региональной программы, необходимо проведение комплексного анализа этнополитических процессов в регионе. Факторный анализ социально-экономического развития региона, его геополитической ситуации, этнодемографической, религиозной, языковой ситуации позволит определить особенности этнополитических процессов, выявить проблемные зоны в этносфере региона и наметить средства и способы осуществления региональной этнополитики.

В основу региональной программы должны лечь принципы равного статуса граждан разной этнической принадлежности, мультикультурализма, предполагающего одинаковые условия для развития этнокультур в обществе.

В областной программе «Региональная этнополитика» следует отразить все направления работы в этносфере.

Основные направления Программы По линии органов государственной власти управления:

- строго и последовательно обеспечивать конституционные права и законы, гарантирующие равенство граждан всех этносов и свободу вероисповедания;

- учитывать интересы и права народов и местных этнокультурных общин в проведении социально-экономической и информационно-образовательной политики;

- организовать специальную подготовку государственных служащих, в том числе и работников органов правопорядка, в области культуры межэтнических отношений, обучить их методам борьбы с проявлениями групповой напряженности и конфликтов;

- утверждать в своей работе общеказахстанские гражданские и историко-культурные ценности и демонстрировать многокультурную природу казахстанского общества;

- организовать мониторинг межэтнической ситуации с целью предупреждения возможных конфликтов.

В сфере образования и воспитания:

- утверждать в школьной и вузовской системах образования доктрину многокультурности;

- организовать курсы по народоведению и по истории религий, а также преподавание истории межкультурных взаимодействий и сотрудничества наряду с историей массовых геноцидов и преступлений против «иноверцев»;

- организовать психологические тренинги для учителей и вузовских преподавателей на формирование межэтнического и межрелигиозного диалога и установок на культуру мира;

- проводить воспитательную и просветительскую работу с родителями и другим взрослым населением о принципах поведения в вопросах веротерпимости и согласия, в том числе в отношениях с детьми и подростками;

- расширять для школьников и студентов экскурсионно-туристическую деятельность для углубления их знаний об области и населяющих ее этносах;

- разработать школьные методические рекомендации, создать особые курсы для учителей и родителей с целью привития мультикультурализма, патриотического воспитания.

В сфере средств массовой информации:

- расширять сеть теле- и радиовещания для более полного адекватного отражения культурной мозаики региона, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога;

- включить в систему журналистской подготовки курсы по культуре и традициям

этнических групп Казахстана и мира, на которых объяснять принципы освещения этнокультурных вопросов, религиозных тем и конфликтов;

- проводить религиозные передачи миссионерского направления, в том числе с одновременным и постоянным участием представителей разных религий.

По линии общественных организаций и других институтов гражданского общества:

- политическим партиям и движениям иметь в своих программах сформулированные на основе конституционности и общественной значимости принципы и позиции по вопросам межэтнических отношений, отношения к религии;

- религиозным обществам и организациям расширить свою деятельность среди всех категорий населения (не только верующих) по предотвращению насилия и конфликтов в обществе. Среди пострадавших от насилия или подвергающихся дискриминации, а также среди тех, кто подвержен ксенофобии и ультрарадикальным идеологиям.

В области научных исследований и прикладного мониторинга:

- наладить осуществление научных исследований по ряду дисциплин: история, социальная психология, этнология, социология, политология;

- создать центры и исследовательские группы междисциплинарного характера, а также наладить издание специальных серийных публикаций и методической литературы по проблемам мира и конфликтов, рассчитанных как на специалистов, так и на более широкую аудиторию;

- больше использовать печать, радио и телевидение для изложения современных положений науки о роли и значении различных культурных традиций и межкультурного диалога.

Региональная этнополитика должна обеспечивать:

1. В государственно-правовой сфере:

• сохранение территориальной целостности государства;

• создание правовой и нормативной базы для регулирования этнических отношений в регионе;

• создание на уровне местных исполнительных органов государственной власти механизмов предупреждения межэтнических конфликтов;

• создание правовых, организационных и материальных основ учета и удовле-

твора этнокультурных интересов населения регионов;

• объединение усилий всех звеньев государственной системы и гражданского общества, политических и религиозных деятелей для достижения межэтнического согласия, решительной борьбы с проявлениями агрессивного национализма;

2. В духовной сфере:

• уважение прав и свобод человека и гражданина независимо от его этнической принадлежности, вероисповедания и социального положения;

• предотвращение и мирное регулирование межэтнических конфликтов;

• государственная поддержка сохранения самобытной культуры малочисленных народов, условия для сохранения их языка, традиций;

• реальные возможности для функционирования государственного языка как общегосударственного языка и как средства межэтнического общения;

• содействие формированию у каждого нового поколения гражданского самосознания, открытого для восприятия ценностей других этносов;

• распространение объективной информации о жизни и проблемах этносов, населяющих регион, идей духовного единения,

межэтнического мира и согласия, сотрудничества во имя процветания Казахстана;

• дальнейшее развитие многовековых традиций культурного взаимодействия в рамках общего евразийского этнокультурного пространства.

Таким образом, наличие региональной дифференциации в Казахстане – это геополитическая реальность, которую невозможно сегодня игнорировать.

Полиэтнический состав республики, равно как и социально-экономическое и культурное разнообразие регионов и самобытность народов, их населяющих, должны были придать государственной этнической региональной политике особое значение.

Изучение и учет региональной специфики, выработка более реалистичной региональной политики способны обеспечить Казахстану более стабильное и процветающее будущее.

Регионализация может быть позитивным явлением, так как позволяет регионам развиваться с учетом природно-географической, социально-экономической и иной специфики. При региональной идентификации, т.е. через свою область, люди смогли бы постепенно прийти к ощущению себя нацией. Гордость за достижения своего региона может стать гордостью за свою страну.

Литература

1. Сапрохина Г.И. Проблема взаимоотношений Центра и периферии в условиях регионализации // Федерализм и региональная политика в полиэтнических государствах. – М., 2001. – С. 66.
2. Смирнягин Л. Региональная политика всегда направлена сверху вниз // Рациональный регионализм. Экспертные суждения и оценки. – М., 1995. – С. 91.
3. Шокаманов Ю. Динамика экономического развития Казахстана и отдельных отраслей в региональном разрезе за 10 лет независимости // Экономика и статистика. Ежеквартальный научный информационный журнал Агентства РК по статистике. – 2001. – №2. – С. 36–44.
4. Жалелова Р. Оценка устойчивости жизнеобеспечения в регионах Казахстана // Экономика и статистика. – №4. – 2001. – С. 28.
5. Этнополитическая ситуация в Восточно-Казахстанской области (Итоги социологического исследования, сентябрь 2002 г.). Департамент внутренней политики Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, 2002 г.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

Методологией в науке называют логику научного поиска или стратегию приемов научного исследования [1]. Реализация методологических установок исследователя происходит посредством определенных методов, которые можно определить как совокупность приемов и операций теоретического и практического освоения действительности [2]. Если рассматривать методологию в качестве стратегии научного исследования, то методика является ее тактикой, «суммой приемов, по преимуществу технических, применяемых для накопления и систематизации эмпирического материала» [3].

Любое познание начинается с наблюдения, установления достоверных фактов, систематизации опытных данных. Эмпирическим исследованием называется процесс непосредственного взаимодействия субъекта и объекта познания для выявления фактов и взаимозависимостей с помощью наблюдения, измерения, описания. Здесь также предполагается анализ имеющихся документов, их систематизация и группировка. Результатом эмпирического исследования является фактическое знание.

Факты приобретают научную ценность, если есть теория, их истолковывающая, если они осмыслены в связи с другими фактами. Теорией называют комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления [4]. В основе всякой теории лежат эмпирически полученные факты. Теоретическое знание, в свою очередь, корректирует, направляет эмпирическое исследование, а методика и инструментарий эмпирического исследования вырабатываются теоретическим анализом. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть единство эмпирического и теоретического уровней научного познания в процессе социального познания.

Будучи разновидностью социального познания, исследование траффика людей методами политологии, безусловно, подчиняется его основным закономерностям. Напомним, что под траффиком людей (trafficking in persons) понимаются осуществляемые в целях эксплуатации действия по вербовке, перевозке, передаче, укрывательству или получению людей путем угрозы

силой или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью их положения, либо получение с этой же целью путем подкупа или предложения выгод согласия лиц, контролируемых другим лицом. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, а также принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Согласие жертвы траффика на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, описанных выше [5].

Таким образом, если в естественных науках ученый находится за пределами объекта исследования, качественно от него отличается, поэтому рассматривает его как бы «со стороны», то в социальных науках субъект познания непосредственно включен в объект. Он живет в социальной среде, которую исследует, порой осуществляет ту же деятельность, которую познает. Кроме того, восприятие социальной действительности подвержено влиянию мировоззрения исследователя. Поэтому требование объективности в социальном исследовании должно состоять не в том, чтобы исключить это личностное отношение, а в том, чтобы не подменять требование формализованного, строгого научного исследования, основанного на четком логическом анализе имеющихся данных, эмоциональными, нравственно-ценностными и другими субъективными критериями [6].

«Осмысление проблемы человека является именно той «точкой отсчета», отталкиваясь от которой можно лучше понять существо изменений, происходящих как в окружающей природе, так и в обществе» [7]. Поэтому во главу угла при изучении траффика людей исследователь должен ставить человека, личность, признавая ее уникальность и неповторимость. И поскольку высшей ценностью демократического общества является полноценное развитие каждого его члена, а также создание возможностей удовлетворения потребностей и свободной ре-

ализации способностей отдельной личности, то любые попытки ограничения прав и свобод граждан, осуществления насилия, включая самые жестокие формы насилия, которыми они подвергаются в случае траффика людей, должны расцениваться как негуманные, античеловечные и рассматриваться в качестве угрозы гражданскому обществу и прогрессивному развитию государства.

С точки зрения полноты и достоверности полученной информации к числу особенностей теоретического исследования траффика людей отнесем сложность получения первичной информации, особенности взаимодействия с лицами, напрямую имеющими отношение к траффиксу, конфиденциальность и анонимность любой полученной информации, преодоление исследователем собственных социальных стереотипов, а также уважение личности информирующего о траффике индивида.

При изучении траффика людей сбор первичной информации является более сложным, чем исследование многих других социально-политических явлений, доступных прямому наблюдению и изучению. В силу своей незаконности, закрытость маршрутов траффика для постороннего наблюдателя и секретность деятельности преступных групп вынуждает исследователя использовать приемы, позволяющие косвенным образом подойти к предмету исследования, такие, как внедрение в организованные преступные группы или изучение уровня социальной напряженности того или иного общества как предпосылки миграционной активности населения, которая, в конечном счете, может привести к траффиксу людей.

Сбор информации усложняется необходимостью мотивировать носителя информации ее предоставить. При работе с теми, кто был непосредственно вовлечен в процесс, траффикерами или жертвами траффика, распространение информации может грозить серьезными санкциями со стороны организаторов траффика людей. Поэтому, помимо высокого профессионализма в раскрытии проблемы, в непосредственном общении с источником информации к исследователю предъявляются этические требования честности и порядочности, умения вызывать доверие говорящего, добровольности в предоставлении данных, а также не манипулирования потребностями и интересами индивида, предоставляющего информацию [8].

В общении с жертвой траффика для ученого важно уделить внимание психологическому состоянию человека, которое может отразиться на достоверности предоставляемой информации. Исследователи отмечают состояние страха, депрессии и чувства вины, в котором пребывает человек после пережитого насилия над собой. Это страх одиночества, ожидание наказания со стороны траффикеров, организаторов траффика, боязнь разглашения информации о периоде пребывания в рабстве или преследования со стороны правоохранительных органов, страх перед наличием серьезного заболевания или СПИДа, страх перед материальной необеспеченностью, нищетой. Чувство вины и раскаяния за опрометчиво принятое решение, нарушение культурных и религиозных убеждений, неумение решить свои экономические проблемы также терзают ее. Поэтому всю свою исследовательскую деятельность ученый должен строить с учетом обозначенных выше особенностей.

Для того, чтобы максимально снизить опасность, которой подвергается лицо, предоставляющее информацию о сетях траффика, учеными выдвигается требование конфиденциальности использования любой полученной информации. Необходимо помнить, что, называя имена, демонстрируя видеоматериалы или описывая какие-либо конкретные обстоятельства траффика, исследователь делает жертву узнаваемой, подталкивая тем самым преступников к применению санкций по отношению к ней за разглашение информации. Поэтому ученый может обнародовать лишь обобщенную, неперсонифицированную информацию, а, описывая в качестве примера конкретные ситуации траффика людей, он должен существенно изменять или опускать детали процесса.

При работе над проблемой траффика ученый должен быть свободен от социальных стереотипов, стандартизированных, эмоционально окрашенных представлений об окружающей действительности [9]. Например, в патриархальном обществе ведение домашнего хозяйства и воспитание детей целиком возлагается на женщину, иными словами, сфера ее деятельности ограничивается рамками семьи, в то время как мужчина занимается общественной деятельностью и материальным обеспечением близких. Поэтому исследователь, начинающий общение с женщиной-жертвой траффика, руководствуясь предположением, что она

сама виновата в своих проблемах, поскольку возложила на себя не соответствующие ее роли обязанности, не сможет убедить ее говорить откровенно.

Серьезными стереотипами, которых необходимо избежать исследователю в своей работе, являются приписывание женщине потребности в совершении над собой насилия, а также изначальное согласие жертв траффика на предоставление сексуальных услуг и занятие проституцией. «Красота женщин, столь часто отмечаемая и воспеваемая мужчиной, явилась гениальной находкой для ее дискриминации как человеческого существа. Во все времена женское тело являлось предметом желания, а следовательно, и купли-продажи» [10].

В практике научного исследования траффика людей данные стереотипы получают воплощение в следующих установках по отношению к жертвам траффика: все женщины, которые стали жертвами за рубежом, сами виноваты потому, что они ехали работать проститутками; причина подобного рабского положения женщин – их неосмотрительность и авантюризм; женщины сами позволили себя обмануть, были слишком доверчивыми к чужим людям, малограмотными; женщины пострадали, так как хотели легкой жизни и больших денег; они все мечтали выйти замуж за богатых иностранцев; в бордели нужны только молодые и симпатичные девушки, чем моложе, тем лучше, а взрослые женщины не могут стать жертвами работорговли [11].

Социальным стереотипом является также отнесение жертв траффика к неудачникам, людям, которые не способны решить возникшие экономические и социальные проблемы другим способом. Получается, что исследователь пытается описать типичную жертву траффика. Однако имеющийся на сегодняшний день материал подтверждает, что люди любого пола, практически любого возраста, уровня образования, обладатели различных специальностей и любых внешних данных могут стать жертвами траффика.

Кроме преодоления сложившихся социальных стереотипов, исследователю траффика людей необходимо помнить об «уважении индивидуальности, целостности, автономии личности, не ущемлении ее половой, национальной принадлежности или достоинства, религиозных, политических и этнических убеждений» [12]. Необходимо по-

мнить, что люди, подвергшиеся траффку, пережили жестокое насилие, как правило, имеют подорванное физическое и психическое здоровье. «Это живые люди, со своими живыми проблемами, страхами и сломанным здоровьем. Они могли за время пребывания в рабстве пристраститься к наркотикам или алкоголю» [13]. В них может присутствовать агрессивность и недоверие к окружающим.

При изучении траффика людей также неверно требовать от ученого абсолютной эмоциональной нейтральности при общении с жертвой или организатором траффика, он начинает жалеть жертву или же ненавидеть траффикера. Но можно организовать исследование таким образом, формализовать его, чтобы нейтрализовать эмоциональный фактор при регистрации, обработке и анализе полученных данных.

В связи с этим современная политическая наука выработала целый арсенал методов и приемов для формализованного исследования социальной реальности с целью повышения качества научной информации и ее практической эффективности [14]. Информация, генерируемая в процессе такого познания, носит операциональный характер, то есть в широком смысле обладает способностью перевода ее на язык точных цифр и других исчисляемых показателей, а также на язык организационно-управленческих решений, которые могли бы быть с успехом применены отдельными государствами или международным сообществом для решения существующих проблем.

К показателям качества используемой в политологическом исследовании информации относятся валидность и надежность операциональных данных. Валидность (обоснованность) характеризует степень соответствия показателя тому понятию, которое оно отражает [15]. Иными словами, валидность показывает, действительно ли исследователь получил тот показатель, который задумал получить, измерил то, что хотел измерить. Надежность информации показывает степень постоянства, с которой исследователь получает тот или иной показатель при использовании одного и того же инструмента измерения. Если при неоднократном применении некоторого измерения один и тот же показатель не получает одного и того же значения, мы говорим о ненадежности полученных данных [16].

В практике прикладных политических

исследований, в частности при исследовании глобального траффика людей, большую роль играют такие методы сбора, обработки и анализа информации, как метод количественного анализа документов, наблюдения и опроса, включающего в себя анкетный опрос и интервью, а также метод экспертных оценок, получившие также детальную разработку в прикладных социологических исследованиях.

Важные для исследователя условия и отношения социальной жизни постоянно фиксируются в документах. Документы бывают статистические, личные, письменные, записи на аудио-, видеоносителях и другие. В отдельную группу необходимо вынести материалы средств массовой информации (СМИ): газет, журналов, радио, телевидения, а также информацию, доступную в Интернете.

Помимо письменных документов, существующих на бумаге, ценность для исследователя представляют материалы, зафиксированные на аудио- и видеоносителях. Например, материалы, записанные на диктофон и видеокамеру членами Глобальной сети выживания под руководством Стивена Галстера, впоследствии стали достоянием общественности и многих групп, занимающихся исследованием траффика людей.

Серьезным источником первичной информации является Интернет, развитие которого, в свою очередь, расширило возможности траффикеров. Сюда можно отнести деятельность по вербовке людей, регулярное распространение объявлений, предлагающих браки, учебу или работу за рубежом. В силу недостаточности информации о самом траффике людей, его последствиях и методах борьбы, международные организации, ведущие работу в этом направлении, активно размещают данные своих исследований, материалы конференций в Интернете. Таким образом, они осуществляют активный обмен опытом с целью мобилизации усилий международного сообщества в обуздании глобального траффика людей.

Описав лишь некоторые виды документов, полезные при исследовании траффика людей, отметим, что в целом любое эмпирическое исследование должно начинаться с анализа имеющейся документации. Это своего рода разведывательная функция. Не следует планировать, а тем более начинать исследование, не изучив имеющиеся статистические данные, отчеты имеющихся ис-

следований по теме, публикации в СМИ.

Интересующая исследователя информация, заложенная в документе, обычно присутствует в скрытом виде, поэтому необходима ее интерпретация, толкование. Традиционный анализ документов, то есть выяснение сути анализируемого материала посредством логических умозаключений, является первым шагом исследования. Так, например, газетные объявления, предлагающие работу по уходу за детьми, поваров и кухонных работников и одновременно оговаривающие определенные внешние данные кандидатов, такие, как рост не ниже 170 сантиметров, возраст не старше 30 лет [17], должны наталкивать исследователя на мысль о планирующейся эксплуатации работодателям внешних данных работника.

Формализованный, количественный анализ документов, реализуемый при помощи контент-анализа, представляет собой перевод качественной информации на количественный язык с целью достижения максимальной точности и объективности данных. Для этого выделяются смысловые или качественные индикаторы, ключевые понятия исследования, представляющие собой отдельные слова или словосочетания, отражающие сущность того или иного явления. Например, для оценки уровня информированности журналистов о проблеме траффика людей, может быть полезным контент-анализ информации, публикуемой на данную тему в местных СМИ. Исследователь может сделать вывод об уровне антитраффиковой активности в стране, о том, насколько глубоко журналисты владеют проблемой, соответственно, что они могут рассказать читателю, ограничивается ли информирование лишь общим описанием явления или же существуют попытки собственного расследования ситуации.

Таким образом, метод качественного анализа документов при изучении траффика людей может применяться на любом этапе исследования в сочетании с другими методами сбора первичной информации и является незаменимым источником информации в случае, когда другие методы оказываются недоступными. К недостаткам метода относятся необходимость проверки достоверности, адекватности и надежности документов, а также правильности выбора индикаторов для оценки того или иного аспекта явления.

Другим эффективным методом сбора

первичной информации при исследовании трафика людей является наблюдение. Под наблюдением подразумевается непосредственное восприятие и прямая регистрация всех факторов, касающихся изучаемого объекта и показателей, значимых с точки зрения целей исследования [18]. В отличие от обыденного, научное наблюдение, по мнению исследователей, подчинено ясной исследовательской цели и четко сформулированным задачам; планируется по заранее обдуманной процедуре; формализовано, все данные наблюдения фиксируются в протоколах или дневниках по определенной системе; информация, полученная путем наблюдения, должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость [19].

Впервые с этой целью метод наблюдения был применен сотрудниками Глобальной сети выживания под руководством Стивена Галстера, которые, с целью изучения трафика людей, организовали подставную компанию с базой в США, специализирующуюся на ввозе иностранок для предоставления эскорта услуг или работы в индустрии развлечений в США. При помощи данной подставной компании организация смогла внедриться в операции ряда международных сетей трафика, действующих в России и за ее пределами. Наблюдение, а также беседы этой группы исследователей, выдававших себя за организаторов трафика, с трафикерами и жертвами трафика велись при помощи скрытой камеры [20]. В дальнейшем собранный материал оказался основой для описания сети трафика, механизмов его действия, классификации жертв, а также выдвижения рекомендаций по усилению международных действий в борьбе с современным рабством.

При включенном наблюдении исследователь осуществляет сбор информации, находясь внутри изучаемой группы, адаптируясь к ней, являясь соучастником изучаемого процесса. Эта форма позволяет наблюдать объект непосредственно, не дистанцируясь от потребностей, реальных мотивов поведения членов наблюдаемой группы. Исследователь добивается неформальности общения, максимальной раскованности со стороны наблюдаемых, а следовательно, и широты спектра получаемой информации. Именно таким образом работала группа Глобальной сети выживания, сотрудничая, в целях исследования, с организаторами трафика людей.

Близкий, непосредственный контакт между наблюдаемым и наблюдателем необходимо отнести также и к недостаткам данного вида наблюдения. Двойственность позиции наблюдателя, который, являясь субъектом наблюдения, оказывается в то же самое время объектом отношений между членами группы, усложняет процесс исследования. Любое общение между людьми эмоционально окрашено. Исследователю порой очень трудно преодолеть собственные предубеждения в отношении группы, в которую ему необходимо включиться, имитировать поведение, одобряемое его членами. В случае с трафиком он может непроизвольно выразить сочувствие жертвам или же осудить трафикеров. Это, в свою очередь, ставит под угрозу весь процесс исследования, а также безопасность жизни исследователя.

Таким образом, наблюдение – незаменимый источник информации на стадии общей разведки процесса трафика людей. Этот этап связан с выделением особенностей изучаемого объекта в первом приближении, и прямой контакт с ним принесет здесь немало неожиданных впечатлений, стимулирующих выдвижение новых гипотез и разработку более детальных процедур. Однако, как было сказано, являясь методом социального познания, наблюдение также несвободно от субъективизма. К субъективным факторам, влияющим на результаты наблюдения, отнесем психологическое состояние исследователя, существование определенных ожиданий по отношению к объекту, психологическое насыщение событиями таким образом, что последующие события не регистрируются, эффект сопереживания, снисходительности, усреднения. К недостаткам наблюдения объективного характера исследователи также относят однократность наблюдаемых обстоятельств, комплексность, сложность наблюдаемых ситуаций [21].

Очень важным методом сбора первичной информации при исследовании различных аспектов трафика людей является метод опроса. «Опрос – это метод сбора первичной вербальной информации, основанный на непосредственном (интервью) или опосредованном (анкета) социально-психологическом взаимодействии между исследователем и опрашиваемым (респондентом)» [22]. С помощью опроса получают информацию о фактах, знаниях респондентов, сведения об их мнениях и оценках тех или иных

событий, а также информацию об их поведении [23].

Интервью – это целенаправленная беседа, целью которой является получение ответов, предусмотренных программой исследования [24]. Он предполагает визуальный контакт опрашиваемого, интервьюера с опрашиваемым, респондентом. Интервьюирование людей, имеющих непосредственное отношение к трафику (трафикеров или же жертв трафика), является необыкновенно сложным, поскольку первые, в силу незаконности своих действий, а вторые, в силу психологической уязвимости вследствие пережитого насилия, часто не дают согласие на интервью.

По мнению специалистов, интервью является «одновременно одним из худших и одним из лучших методов сбора информации, доступных ученому-политологу» [25]. Самым большим его недостатком является возможная реактивность респондента на ситуацию интервью, связанная с необходимостью непосредственного контакта с интервьюером, иными словами, нежелательная ответная реакция на обстановку, в которой проходит беседа, тон или поведение интервьюера, не имеющие отношения к содержанию интервью, однако которая может оказать отрицательное воздействие на результаты исследования.

Анкетный опрос предполагает жестко фиксированный порядок, содержание и форму вопросов, четкое указание формы ответа. Анкета представляет собой опросный лист, самостоятельно заполняемый респондентом по оговоренным заранее правилам. Вопросы анкеты должны формулироваться максимально четко, однозначно, на доступном для респондента языке [26].

Открытые анкетные опросы дают возможность респондентам высказать свои взгляды в свободной форме, в противоположность закрытым, где варианты ответов предусмотрены заранее и требуют от отвечающего лишь согласия или несогласия с обозначенными определениями. Полузакрытые или полуоткрытые опросы сочетают в себе заранее подготовленные варианты ответов с полями, предназначенными для дополнительной информации, на случай, если респондент не нашел адекватного отражения своей позиции. Открытые и полуоткрытые анкеты имеют более частое применение при изучении трафика людей, поскольку уровень осведомленности о процес-

се все еще остается низким, таким образом, всегда остается возможность получения дополнительной информации от респондента.

Телефонный опрос предполагает общение респондента с интервьюером посредством телефонной связи, при почтовом опросе посредником выступает почтовая связь, а анкетирование на месте предполагает визуальное непосредственное общение индивидов. Сегодня можно говорить и о возможности и важности анкетных опросов, проводимых посредством Интернета. При этом респондент и интервьюер могут находиться на большом расстоянии друг от друга, не имея ни визуального, ни вербального контакта, однако сбор информации происходит достаточно оперативно. Анонимность общения через Интернет необходимо отнести как к достоинствам, так и недостаткам метода, поскольку она помогает преодолеть психологический барьер перед исследователем или возможностью разглашения нежелательной информации, что происходит при непосредственном общении, однако может отразиться и на достоверности информации.

Ученые выделяют наиболее важные фазы опроса, которые необходимо иметь в виду для получения как можно более достоверных ответов. Любой опрос начинается с фазы адаптации, осуществления первичного знакомства, направленного на создание у респондента мотивации отвечать на вопросы интервьюера, далее необходимо достижение поставленной цели, получение основной, наиболее важной информации и, наконец, следует снятие напряжения [27]. При работе с лицами, непосредственно вовлеченными в процесс трафика людей, необходимо помнить об особенной важности фазы адаптации, которая может потребовать огромного количества времени для создания у опрашиваемого мотивации отвечать на вопросы исследователя. В противном же случае информация, полученная от респондента, скорее всего, окажется недостоверной, не соответствующей действительности.

Говоря о достоверности полученной методом опроса информации при исследовании трафика людей, хотелось бы подчеркнуть важность тщательного, профессионального формулирования вопросов, предварительной отработки инструментария исследования, поскольку, в силу психологических проблем, перенесенных индивидом, а также низкой информированности населения, не вовлеченного в трафик, существует боль-

шая вероятность получения недостоверной информации.

В данном случае успешно применяются так называемые вопросы-фильтры, определяющие, владеет ли респондент содержательной информацией по тому или иному вопросу, стоит ли ему его задавать. Так, респонденты, испытавшие на себе попытки вербовки, в отличие от тех, кто не являлся объектом вербовки, могут быть источником достоверной информации о способах деятельности вербовщиков.

Контрольные вопросы предназначены для проверки достоверности предварительно полученной информации, определения уровня компетентности респондента в вопросе, на который он дает ответ. Так, респондент может критиковать государство за несовершенство правовой системы в вопросах предупреждения и борьбы с траффиком людей. В данном случае в качестве контрольного вопроса может выступать просьба перечислить статьи Уголовного кодекса страны, допускающие дискриминацию жертвы траффика или в соответствии с которыми организаторы траффика могли бы быть привлечены к уголовной ответственности. На основании полученных ответов исследователь делает вывод о том, насколько хорошо респондент владеет информацией, а также об обоснованности его утверждений.

К несомненным достоинствам метода опроса относятся относительная недороговизна исследования, а также возможность охвата большого числа респондентов. Однако, в силу описанной выше специфики получения информации при изучении международного траффика людей, опрос не может быть использован в качестве единственного метода исследования и требует дополнения другими методами. К недостаткам метода, кроме того, относится необходимость опосредованного сбора информации исследователем, используя помощников, что создает возможность дополнительного искажения полученных данных. Поэтому необходимо уделить серьезное внимание подготовке интервьюеров при изучении различных аспектов проблемы.

Наконец, хотелось бы сказать несколько слов о применении социологического метода экспертных оценок, который заключается в изучении мнения специально отобранных экспертов по тому или иному вопросу. Экспертами, как правило, выступают люди, владеющие информацией по исследу-

емому явлению. В данном случае экспертом может выступать и проститутка, проработавшая в индустрии сексуальных услуг за рубежом, и пограничник, регулярно провожающий туристические группы за границу, и вербовщик, занимающийся подбором жертв для траффика. Таким образом, группа из нескольких экспертов, владеющая информацией о различных этапах траффика людей, поможет ученому получить наиболее полное представление о процессе в целом. Метод экспертных оценок можно использовать на любом этапе исследования: при формулировании исходной гипотезы, разработке и апробировании анкеты или анализе полученной информации.

Напомним, что любое социальное исследование предваряется выдвижением гипотез, которые являются утверждениями о фактах, эмпирических связях или принципах функционирования или развития социальных явлений. Гипотезы могут выдвигаться на различных этапах работы и формулироваться как отдельные утверждения или как логически связанная система предположений [28]. От точности и основательности в формулировании гипотезы в существенной мере зависит ценность и успешность дальнейшей работы исследователя.

Научное исследование представляет собой «метод проверки гипотез путем применения определенных правил анализа к данным, полученным в результате наблюдений и интерпретации их в строго заданных условиях» [29]. Обработка же полученных эмпирических данных подразумевает, прежде всего, упорядочение первичной информации, их математико-статистическую обработку, которую в современных условиях можно выполнить при использовании специализированных компьютерных программ. Это своего рода теоретическая оценка первой ступени, дающая исследователю так называемые вторичные данные.

Полученная таким образом информация классифицируется, соотносится с более широкими связями и системами, подвергается более глубокой теоретической обработке, основной целью которой является формулирование научно обоснованного заключения по исследовательским гипотезам. «Процесс содержательного анализа – осмысления и истолкования – осуществляется путем логических операций включения обработанных эмпирических данных в контекст теории более высокого уровня обобщения» [30]. На

основе нового знания формулируются рекомендации для практического устранения причин, породивших данную социально-политическую проблему, с целью ее решения.

Таким образом, научное изучение проблемы траффика людей представляет собой процесс социального исследования и под-

чиняется всем требованиям познания социальных процессов и явлений. В то же время он обладает определенной спецификой, связанной с особенностями предмета исследования, и поэтому предъявляет исследователю определенные требования при взаимодействии с объектом научного познания.

Литература

1. Ядов В.А. Социологическое исследование // Методология, программа, методы. – М.: Наука, 1972. – С. 29.
2. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 364.
3. Общая и прикладная политология / Под ред. Жукова В.И., Краснова Б.И. – М.: Союз, 1997. – С. 24.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 676.
5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. 2000 г.
6. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – С. 115–242.
7. Там же. С. 353.
8. Тлегунова Г., Токтыбаева К. Траффик людей: информация как предупреждение. – Алматы, 2002. – С. 55.
9. Краткий словарь по социологии. – М.: Политиздат, 1988. – С. 389.
10. Усачева Н.А. Женщина: ее статус, судьба и образ в мировой культуре. – Алматы, 1995. – С. 87.
11. Тлегунова Г., Шеденова Н. Проблемы траффика казахстанских женщин: факторы риска и предупреждение. – Алматы, 2000. – С. 30–31.
12. Тлегунова Г., Токтыбаева К. Указ. соч. С. 56.
13. Там же. С. 56.
14. Краткий словарь по социологии. С. 434.
15. Мангейм Д., Рич Р. Политология. Методы исследования. – М.: Весь мир, 1997. – С. 526.
16. Там же. С. 110.
17. Мы не рабы // Газета «Око». – Астана, 17 августа 2001 г.
18. Осипов В.Г. Рабочая книга социолога. – М.: Наука, 1976. – С. 341.
19. Ядов В.А. Указ. соч. С. 112–113.
20. Свидетельские показания Стивена Р. Галстера – директора Глобальной сети выживания на заседании Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, 28 июня 1999 г.
21. Процесс социального исследования. – М.: Прогресс, 1975. – С. 329–334.
22. Осипов В.Г. Указ. соч. С. 379.
23. Мангейм Д., Рич Р. Указ. соч. С. 183.
24. Краткий словарь по социологии. С. 94.
25. Мангейм Д., Рич Р. Указ. соч. С. 224.
26. Краткий словарь по социологии. С. 12.
27. Осипов В.Г. Указ. соч. С. 386.
28. Краткий словарь по социологии. С. 40.
29. Мангейм Д., Рич Р. Указ. соч. С. 24.
30. Осипов В.Г. Указ. соч. С. 151.

Thinking Strategically: the Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus. Ed. by R. Legvold. – Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 2003. – XII+243 pp.

Новую попытку переосмыслить геополитическое положение Центральной Азии и ее геостратегическое значение для Запада предприняла Американская академия искусств и наук в Кембридже. Новое издание под редакцией Р. Легволда «Мыслить стратегически: великие державы, Казахстан и центральноазиатские связи» написано по модели известных многосторонних докладов по стратегической тематике, прежде всего Трехсторонней комиссии. Кроме того, один из авторов – Ш. Гарнетт уже имел опыт участия в докладах этой комиссии по Центральной Азии в 2002 г.; другой – Н. Макфарлейн – опыт участия в стратегических докладах по центральноазиатской тематике в рамках Королевского института стратегических исследований в 1999 г. Другие авторы из России (В. Наумкин), Японии (Т. Уяма), Казахстана (Б. Султанов, Л. Музапарова), Китая (Син Гуанчен) имеют обширный опыт в изучении геополитики и политических отношений в Центральной Азии.

Таким образом, перед нами попытка международного коллектива авторов дать развернутую картину стратегических вызовов, приоритетов и направления дальнейшего развития Казахстана и Центральной Азии. Не случайно, что в данном издании впервые Казахстан отделяется от остальных государств региона. Это означает, что со стратегической точки зрения Казахстан начинает выделяться в западной политологии от остального региона. Тем самым мы наблюдаем парадоксальное, но в то же время закономерное, хотя и в новой форме, возвращение к старой советской классификации «Казахстан и Средняя Азия». Насколько оправдан такой пересмотр, покажет анализ данного издания.

Общую тональность изданию задавала редакционная статья Роберта Легволда, руководителя проекта. Он считает, что события 11 сентября и после этой даты превратили регион в «ключевой театр глобальной войны XXI-го века». С появлением США и других стран НАТО в трех (из четырех) республиках региона, отмечает Легволд, «все в

мире, и особенно Москва и Пекин, поняли, что мир изменился». Характерно, что автор критически относится к проводившейся крупнейшими игроками стратегии в отношении постсоветского пространства. ЕС практически не имел единой скоординированной политики, сосредоточившись в основном вокруг балтийских государств, в меньшей степени – Украины и еще меньшей степени – Кавказа. Япония пыталась играть в Центральной Азии роль «добропорядочного гражданина», но в реальности интересуясь только инвестициями в энергетику России.

Россия и Китай были вынуждены обнаружить военное присутствие США на постсоветском пространстве, которое открыло дорогу в новое (возможно, что еще неясное) будущее. Легволд исходит из того, что постсоветские государства все еще до сих пор тесно связаны. И эти связи – не просто трубопроводы, общая энергетика, оборонные предприятия, контакты на бюрократическом уровне, но, прежде всего, общая для всех зависимость от чужих рынков, внешних долгов, диаспор и взаимной уязвимости их границ.

В качестве угроз постсоветскому пространству Легволд выделяет три: русское демографическое присутствие (в первую очередь в Казахстане), российских исламистов и, наконец, собственно Россию как фактор постсоветской политики, ее вовлеченность в политику практически всех республик. В свою очередь Россия вынуждена опасаться давления на «свое» геополитическое пространство одновременно с трех сторон: со стороны США, которые наращивают военнополитическое присутствие; со стороны Китая, который представляет собой кандидата на заполнение вакуума в Центральной Азии и на Дальнем Востоке; со стороны Турции, которую Москва должна опасаться и в Центральной Азии, и на Кавказе.

К фундаментальным задачам Соединенных Штатов, считает Легволд, относится создание своего рода стратегического барьера на постсоветском пространстве. Этот ба-

рьер должен включать в себя такие ключевые республики, как Беларусь, Казахстан, Азербайджан, балтийские государства, Украину и Узбекистан. Оптимальным инструментом для осуществления такой стратегии является укрепление связей этих государств с НАТО в различных формах и на разном уровне. Что касается самой России, то США должны быть начеку в отношении ее сотрудничества с Китаем или Ираном.

Перед Вашингтоном стоит сложная и двойственная задача: с одной стороны, США не должны допустить восстановления российского стратегического контроля на этом пространстве или создания геополитического альянса между Москвой, Пекином и Тегераном, а с другой – Америка вынуждена сотрудничать с Россией, чтобы не допустить дестабилизации Евразии. Таким образом, США и Россия балансируют на грани отношений партнерство-соперничество. В качестве важной посылки Легволд считает тот, надо заметить, спорный факт, что отношения между крупными державами, вовлеченными в геополитическую игру на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, зависят от контекста их отношений между собой вне этого пространства.

Безусловно, представляют интересы размышления Легволда об угрозах и рисках, связанных с развитием и стратегическим положением Казахстана. К таким рискам автор относит следующие: угроза возникновения вследствие эксплуатации огромных нефтяных ресурсов, т.н. рантье-капитализма; обострение противоречий с Узбекистаном, которые включают в себя проблемы воды, газа и задолженностей, пограничные и территориальные вопросы. Но в целом эти проблемы вытекают из непропорционального распределения между ними ресурсов (Казахстан) и демографического потенциала (Узбекистан). Общими для всех центральноазиатских государств проблемами Легволд считает уязвимость и неопределенность границ, а также нерешенность использования нефтегазовых ресурсов.

По мнению редактора издания, по своим характеристикам Казахстан близок к таким республикам, как Украина, Грузия и Беларусь. Но значение Казахстана вытекает как из его собственного геополитического положения, так и положения всего региона в мировой геополитике. Легволд убежден, что вся дальнейшая стратегия США должна исходить из того факта, что стабильность Цен-

тральной Азии является ключом к сохранению международного мира и влияет в целом на стабильность во всей Евразии. Казахстан в свою очередь является естественным связующим звеном между стабильностью в регионе и в целом на континенте. В перспективе стратегия США в отношении Казахстана должна заключаться в уменьшении его зависимости от России и создании прочных гарантий для американского доступа к его углеводородным запасам.

Параллельно Соединенные Штаты должны концентрировать усилия на Узбекистане, исходя из того факта, что эта страна является стратегическим ядром Центральной Азии. При этом Вашингтон обязан учитывать центральноазиатское направление в своих отношениях с Пекином и Москвой. Здесь для США возникают свои позитивные моменты, равно как и непредсказуемые варианты развития событий. В заключение автор приходит к вполне здравому выводу: США могут и должны сдерживать других участников центральноазиатской геополитики, но и сами также должны быть сдержанными.

С оценкой российской политики в отношении Казахстана в книге выступил известный московский эксперт В. Наумкин. Российский автор вполне резонно отмечает важность Казахстана для российской внешней политики в целом, а также в контексте региональных отношений. Но казахстанско-российские отношения ценны для обоих государств и сами по себе. Помимо тесных экономических и культурных связей, Россия и Казахстан выступают как близкие партнеры в сфере безопасности, прежде всего в рамках ОДКБ и ШОС. Наумкин считает, что события 11 сентября и американское проникновение в регионе существенно не изменили и не повлияли на характер двусторонних отношений. Наоборот, после того как Узбекистан, по выражению автора, «отодвинул Казахстан в тень борьбы за лидерство в Центральной Азии», важность и ценность Казахстана для России еще более возросла. Ключевой областью сотрудничества и стратегического партнерства между Россией и Казахстаном остается Каспийское море и нефтяная проблематика.

Китайское видение отношений с Казахстаном и стратегии КНР в Центральной Азии отобразил в книге Син Гуанчен, заместитель директора Института восточноевропейских, российских и центральноазиатских исследований АН КНР. Китайский ученый пишет, что

Центральная Азия была объектом традиционной внешней политики КНР сразу на двух уровнях: дипломатии, нацеленной на отношения с великими державами (США, Россия, Япония, ЕС), и т.н. приграничной дипломатии. При этом Пекин отдавал приоритет развитию отношений с соседними государствами, сознательно не делая свои отношения с центральноазиатскими государствами заложником «большой дипломатии».

С китайской точки зрения независимость республик региона отвечает национальным интересам КНР и фактически является исторической удачей. В то же время в Пекине отдан отчет в том, что Центральная Азия остается сложным регионом с комплексом проблем. После 11 сентября этот регион стал частью «большой дипломатии» Китая, т.е. его отношений с Западом. Китай однозначно, подчеркивает автор, не заинтересован в затягивании американского военного присутствия в регионе и не желает мириться с ним в непосредственной близости от своих границ.

По мнению китайского ученого, именно Казахстан среди всех стран региона проводит наиболее активную, взвешенную и творческую политику в отношении КНР. Уступки по территориально-пограничной проблеме со стороны РК стали тем позитивным фоном, на котором Пекин решил сделать Казахстан приоритетом своей региональной политики. Пекин рассматривает Казахстан в качестве своего союзника в борьбе против «трех зол»: национального сепаратизма, религиозного сепаратизма и международного терроризма. Собственно говоря, Казахстан нужен Китаю как барьер и гарантия от распространения этих экстремистских явлений.

В качестве важнейшего инструмента своей политики в Центральной Азии и борьбы против выше означенных угроз Китай рассматривает ШОС. Суммируя китайскую стратегию в отношении нашей страны, Син Гуанчен выделяет следующие ее составляющие: КНР придает большое значение Казахстану и потому старается вести свою дипломатию максимально деликатно. Китай также учитывает такие факторы, как Россия, США и ислам. В то же время Китай отделяет Казахстан от других государств региона и придает китайско-казахстанским отношениям особое значение.

В контексте рассуждений китайского ученого можно прочесть, что стратегия Пекина строится на том, чтобы убедить цен-

тральноазиатские республики: Китай не проводит великодержавную политику и им не следует опасаться роста влияния КНР на регион. По его словам, действия Китая на международной арене строятся на принципе поиска компромисса. Но затем китайский эксперт напоминает, что Пекин не позволит другим державам «угрожать интересам государства и народа Китая». Данная формулировка оставляет обширное поле для толкования в любом духе.

Китай прекрасно понимает стратегическую важность Казахстана, заключает автор. Она выражается в нескольких изменениях: азиатском – через сотрудничество с Китаем, в СНГ – благодаря сотрудничеству с Россией, в центральноазиатском измерении – вследствие стратегических интересов Запада. Исходя из этих соображений, Китай строит свои отношения с Казахстаном, который он рассматривает на уровне центральных приоритетов своей внешней политики в равной мере во всех областях: политической, экономической и в сфере безопасности.

Н.Макфарлейн (Оксфордский университет), известный своей книгой «Западное присутствие на Кавказе и в Центральной Азии»¹, рассматривает европейскую стратегию в отношении Казахстана. При этом британский исследователь выделяет два фактора (или инструмента) европейской стратегии: Европейский Банк Реконструкции и Развития (ЕБРР) и ОБСЕ. Как считает автор, два европейских государства в наибольшей степени представлены в Казахстане – Великобритания и Германия. Кроме того, частично европейская стратегия осуществляется в рамках институтов НАТО – Совета Северо-Атлантического сотрудничества, Совета Евро-Атлантического партнерства и программы Партнерство во имя мира.

Макфарлейн считает, что у Европы отсутствует стратегия в отношении Казахстана, если понимать под этим термином проведение систематической политики. В то же время цели ЕС в Казахстане были ясны с самого начала, но отсутствовали инструменты их достижения. Цели эти были амбициозны, а средства – весьма скромные. На уровне Евросоюза данная ситуация находила выражение в том, что вся активность ЕС была направлена на регионы вблизи его границ. У ОБСЕ же практически отсутству-

¹ См. нашу рецензию: Казахстан-Спектр. – 2001. №4.

ют ресурсы по реализации европейской стратегии. Относительно политики отдельных европейских держав, то в данном случае сказывался низкий уровень стратегических интересов, недостаток исторического присутствия и ясно сформулированных приоритетов.

После 11 сентября появился потенциал для европейского вклада в обеспечение безопасности региона и большей вовлеченности в региональную политику. Наиболее активно проявляет себя в этом качестве Великобритания. Но в настоящее время остается неясным, какой должна быть и на какой срок может быть разработана европейская стратегия в регионе. Пока только Европейской Комиссии ясно, что каспийские ресурсы должны в будущем сыграть важную роль в энергетическом обеспечении Европы (и в то же время снизить зависимость ЕС от России). Кроме того, Евросоюз озабочен такими проблемами, как нелегальный ввоз наркотиков. В целом стратегические (или нормативные) цели ЕС – это установление в регионе либеральной демократии, верховенство закона и прав человека; посредством либерализации и демократизации открытие региона европейской и международной экономической системе.

Британский исследователь считает, что в случае с Казахстаном ЕС проявил недостаток стратегического мышления. Достаточно эффективные экономические связи ЕС с РК в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве не повлекли за собой усиления политического влияния со стороны Брюсселя. Более систематической была транспортно-энергетическая стратегия ЕС: через развитие проектов ТРАСЕКА и ИНОГАТЕ реализовать стратегические цели европейской Энергетической хартии, т.е. поставить каспийские ресурсы на службу европейским интересам.

Макфарлейн приводит три причины отсутствия европейской стратегии в отношении Казахстана: 1) Центральная Азия в целом и Казахстан в частности не являются приоритетными зонами для Европы; 2) достижение европейских стратегических целей осложняется существованием сложного механизма принятия решений; 3) крупные европейские государства не хотели бы жертвовать своим суверенитетом в проведении внешней, внешнеполитической и оборонной политики в пользу многосторонних структур, что прямым образом отражается на

выработке единой стратегии, в том числе и в отношении Центральной Азии.

Особое место при разработке европейской стратегии в отношении Центральной Азии и Казахстана занимает для ЕС проблема России. В отличие от США, Брюссель прекрасно понимает законность интересов Москвы в регионе и готов признать особую роль России, особенно в сфере безопасности, торгово-экономических связей и энергетики. Автор предлагает схему, по которой ЕС выстроил бы сложную систему балансирования европейских и российских интересов. Гораздо больше беспокойства у Европы вызывает стратегия Китая, которая способна в перспективе спровоцировать российско-китайское соперничество в регионе. В ЕС вызывает большое сомнение коммерческая составляющая проекта по строительству трубопровода из Западного Казахстана в Китай. В целом Евросоюз стоит на той точке зрения, что диверсификация трубопроводов является выгодной для Казахстана, поскольку способствует укреплению его независимости. Что справедливо в отношении российского и китайского направлений, то вполне справедливо и в отношении иранского трубопровода. В этом месте европейская стратегия полностью вступает в противоречие с американской позицией.

Болезненным пунктом отношения европейских государств к Казахстану является твердое требование ЕС, чтобы Астана придерживалась нормативных европейских ценностей как член европейского сообщества в рамках ОБСЕ. При этом соблюдение европейских требований для ЕС является не просто идеологической нормой, а напрямую связано с ведением бизнеса в Казахстане на двустороннем уровне.

В целом Макфарлейн характеризует политику ЕС как «протостратегию». Это означает, что фактически у Евросоюза не сложилась эффективная стратегия в отношении как Казахстана, так и всего региона. В заключение автор делает предостережение европейским стратегам. Нынешняя политика ЕС в такой форме, в какой она осуществлялась до настоящего времени, может породить ложное восприятие европейской стратегии. Так, чрезмерное опасение ЕС задеть интересы России может вызвать у последней ощущение, что ей дан Европой *carte blanche*, т.е. мандат на вседозволенность. У Соединенных Штатов в результате проводимой отдельными европейскими державами политики мо-

жет сложиться впечатление, что ЕС стремится снимать сливки, не прилагая для этого серьезные усилия, т.е. не вкладывая средства в обеспечение безопасности региона, как делают США. И, наконец, ложное впечатление может возникнуть у Казахстана, который считает, что для европейцев главным приоритетом является только получение прибыли.

Т.Уяма (Университет Хоккайдо), автор, представляющий главу о японских интересах в Казахстане, знаком с казахстанской действительностью не понаслышке: он несколько лет проработал в Алматы в японском посольстве и в качестве стажера-исследователя. Уяма вообще ставит под вопрос идею о том, что Япония располагала в отношении Казахстана и Центральной Азии какой-либо четко сформулированной стратегией. Японский исследователь, изучая истоки японской дипломатии в регионе, сравнивает отношения Узбекистана и Казахстана со своей страной. Он замечает, что Ташкент смог найти в лице Ш.Такао влиятельного руководителя в министерстве финансов, своеобразного патрона, который смог позитивно повлиять на инвестиционную политику Токио в Узбекистане.

Казахстан не смог найти такого покровителя. Более того, когда в 1992 г. тогдашний вице-премьер Ватанабе посетил республику, у него остались самые негативные впечатления о ней. Японские политики и бизнесмены, которые посещали Казахстан в последующие годы, также наталкивались на плохой прием. Автор называет ряд эпизодов (контракт о поставках японского оборудования Карагандинскому комбинату в 1994 г., отмену встречи с делегацией Японско-казахстанского комитета в 1995 г. и др.), которые, по его мнению, способствовали ухудшению репутации Казахстана в глазах японской стороны. Таким образом, в японских политических и деловых кругах сложилось убеждение, что Казахстан не заинтересован в развитии отношений со страной Восходящего солнца. В целом японские представления о Центральной Азии в те годы формировались в романтическом духе традиций древнего Великого шелкового пути. Реальность в регионе выглядела совершенно иначе.

Уяма объясняет отсутствие у Японии внятной стратегии в отношении Центральной Азии, прежде всего, экономическими причинами. Вектор экономических интересов и связей Японии – это США, АТР и Юго-Восточ-

ная Азия. Центральная Азия с экономической точки зрения не представляет никакого интереса для Токио. И Казахстан наилучшим образом иллюстрирует это положение.

Но объяснение «скромности» японских притязаний в Центральной Азии лежит и в другой плоскости. Как вполне справедливо замечает Уяма, Япония не является, в отличие от США и других участников Большой игры, геополитической силой. Это объясняет, почему Токио не стремится к массированному присутствию в регионе. Япония проявляет солидарность как часть Запада с общей западной стратегией в Центральной Азии: выступает донором, заинтересована в поддержании стабильности в регионе, нераспространении ядерного оружия и заинтересована в создании в Азии в целом процветающего сообщества. Таким образом, интересы Японии в Центральной Азии носят «периферийный» характер.

Уяма обращается к доктрине т.н. «Евразийской дипломатии», выдвинутой в свое время премьером Хашимото. Он выделяет в этой концепции две составляющие: во-первых, поддержание хороших отношений с Россией; во-вторых, поиск «новых друзей повсюду в Азии», т.е. и в Центральной Азии. На уровне концепций Японии и Казахстана наглядно видно расхождение между внешнеполитическими ориентациями двух стран. Казахстан под евразийским вектором понимает интеграцию в рамках СНГ плюс движение в сторону Европы и таких государств, как Турция и Иран, лежащих в сфере европейской и евразийской геополитики. Для Токио евразийская доктрина понимается как приоритет азиатской составляющей. Вот почему Япония легче находит общий язык с такими республиками, как Узбекистан, которые не скрывают свое «азиатское» происхождение и открыто говорят о своем предпочтении «японской модели».

Всплеск интереса к Центральной Азии в Японии наблюдался, когда появилась надежда, что страны региона поддержат претензии Токио в адрес России на т.н. северные территории. Этот интерес возник после заявления А.Акаева о необходимости вернуть эти территории Японии. Однако вскоре выяснилось, что ни Кыргызстан, ни все вместе взятые центральноазиатские государства просто не в состоянии влиять на позицию Москвы. Другой характерной чертой японской политики является то, что, в отличие от Вашингтона, Токио не считает, что демокра-

тизация региона есть главная и неотложная цель. В Японии вполне реально отдают себе отчет, что демократия не может быть импортирована извне, а строительство демократических институтов является длительным и сложным процессом.

Несмотря на отсутствие у Казахстана «патрона» в высших политических и экономических кругах Японии, к концу 1990-х гг. все встало на свои места: Казахстан занял приоритетное место в торгово-экономических отношениях Токио со странами региона. Налицо также несомненный рост интереса к Казахстану в японских деловых кругах. Подводя итоги японской политики в регионе, Уяма делает вывод, что следует отличать японский метод проведения стратегической политики от американского. У Японии отсутствует стратегическая дипломатия в классическом виде. Механизм выработки стратегических решений в Токио построен таким образом, что Япония сначала долго выжидает и при этом большое значение придает тому, как ведут с ней себя предполагаемые партнеры. Такой стиль ведения внешней политики объясняет, почему на первом этапе в число фаворитов Токио попали Узбекистан и Кыргызстан, а Казахстан, с его огромным потенциалом, остался вне японского стратегического планирования.

В заключение Уяма как представитель «нестратегического» государства выступает против ведения политики Центральной Азии в стиле Большой игры, т.е. геополитического противоборства. По его мнению, в нормальных и стабильных условиях Япония как экономическая держава сможет в будущем очень многое сделать для региона.

Казахстанское видение политики крупных держав в Центральной Азии представлено совместной статьей наших коллег Б.Султанова и Л.Музапаровой. С ней можно ознакомиться в русском оригинале². Итоги всему изданию подвел Ш.Гарнетт (Мичиганский университет), который давно известен как крупный специалист по СССР и СНГ. В 2000 г. Гарнетт участвовал в подготовке доклада Трехсторонней комиссии «Новая Центральная Азия: в поисках стабильности»³.

² См.: Политика и интересы мировых держав в Казахстане. – Алматы: Дайк-пресс, 2002.

³ См.: Garnett Sh., Rahr A., Watanabe K. The New Central Asia. A Report to the Trilateral Commission: 54 (October). – New York, Paris, Tokyo: The Trilateral Commission, 2000.

Ш.Гарнетт предлагает концентрированное стратегическое видение Западом геополитической ситуации вокруг и внутри Центральной Азии. Казахстан, по его мнению, создал пока еще хрупкую государственность. У американского автора не вызывает сомнений, что Казахстан, как и другие страны региона, остается объектом дипломатического соперничества и одновременно сотрудничества своих соседей – России, Китая, Индии и Ирана. Нефтегазовые ресурсы вовсе не являются первой и единственной причиной внешнего интереса к Казахстану. США и их союзники заинтересованы в позитивных изменениях в Казахстане и в сохранении стабильности, поэтому Запад сдержанно относится к действиям других внешних сил, даже в тех случаях, когда не всегда согласен с ними.

Гарнетт предлагает рассматривать Казахстан в широком геополитическом контексте – как часть Внутренней Азии, к которой, помимо Центральной Азии, он относит Кавказ, Каспий, Северный Иран, Афганистан, Синьцзян, Тибет, Внутреннюю Монголию и Северный Индостан. В качестве основных положений своей концепции стратегических угроз региону Гарнетт выдвигает четыре главных посыла. Во-первых, Казахстан (как и его соседи по Внутренней Азии) – суверенное, но пока слабое государство. Региональные и этнические особенности всех государств этого пространства содержат потенциал для возникновения радикальных течений. Во-вторых, потенциальная нестабильность, которая может в будущем заявить о себе, не может быть изолирована международным сообществом. Этот тезис подтверждается событиями в Афганистане. В-третьих, Центральная Азия является потенциальной ареной соперничества крупных внешних держав, четыре из которых являются ядерными – Россия, Китай, Индия и Пакистан. Гарнетт не исключает, что в течение десятилетия к ним присоединится Иран. Все это придает возможному столкновению за Центральную Азию крайне опасный глобальный характер. В-четвертых, долгосрочное военное присутствие США в регионе вносит элемент стратегической неопределенности. Гарнетт делает предположение, что американские военные силы в будущем будут играть важную роль в региональных делах, что делает их в любом случае региональным актором, которого нельзя игнорировать. Более того, возникает вопрос, останутся ли они нейтраль-

ными в случае смены правящих режимов в странах региона тогда, когда такая смена будет угрожать их базам и логистике.

Таким образом, резюмирует американский исследователь, на беду или на счастье, Казахстан и его соседи попали в такую траекторию геополитического движения, которая будет напрямую влиять на будущее всей Евразии. Говоря о стратегии Запада в отношении Казахстана и всего региона, а автор не сомневается, что западное влияние должно быть определяющим, и предлагает рецепт следующей, как он выражается, «микстуры». Первым условием является формирование стратегического подхода к Казахстану и Центральной Азии со стороны США, ЕС и Большой Семерки. В рамках этого подхода должно быть заявлено, что Запад не будет молча наблюдать за ростом нестабильности и расширением стратегических угроз.

Далее, необходимо расширение идеологического, культурного и интеллектуального проникновения Запада в Казахстан и другие страны Внутренней Азии. Гарнетт предлагает провести своего рода «бюрократическую реорганизацию» институтов и механизмов, ответственных за проведение западной политики в регионе. То есть реорганизация должна чутко улавливать динамику изменений во внутреннем развитии региона. Без

координации и проведения многосторонней политики Запад будет не в состоянии проводить эффективную стратегию. Ее условием является также вмешательство Запада в процесс эскалации внутренних источников нестабильности (социальный упадок).

В заключение к своему эссе и ко всей книге Гарнетт выдвигает следующий тезис. Центральная Азия не должна вновь стать новым геополитическим центром Евразии. Судьба поставила Казахстан в центр пересекающихся связей во Внутренней Азии. Потенциал угроз стабильности и безопасности региона еще значителен. Поэтому США и их союзники не должны допустить возникновения в Центральной Азии хаоса, экстремизма и конфликтов. Логически продолжая мысль американского аналитика, напрашивается вывод, что начинать осуществление своей стратегии Запад будет с Казахстана, у которого кризисный потенциал совершенно невелик, но который располагает крупнейшими ресурсами и ключевым геополитическим положением в регионе Внутренней Азии и привлекает интерес всех без исключения внешних игроков.

Лаумулин М.Т.,
главный научный сотрудник
КИСИ при Президенте РК

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

SUMMARY

"Modernization as a determinant of religious political extremism development in modern Islamic world"

by Ye.V.Tukumov, KazISS under the President of the RK, external political research department head.

This article is devoted to the main problems related to interdependence between modernization processes and growth of radical mood in traditional Moslem societies with abstraction of common determinants of religious political extremism development. The author considers a possibility and consequent selection of a strategy by the ruling political elite for saving traditional values and structures of the Islamic society simultaneously with maintenance of necessary modernization speed in the interests of a state directed towards development of economy, social sphere, and the armed forces that form critically important determining factors of the level of influence of radical Islamic opposition in any country.

"Ethnic separatism in Xingjiang: state of problem and perspectives"

by V.F.Galyamova, KazISS under the President of the RK, academic secretary.

Ethnic separatism creates great tension for the Chinese leadership in its internal and especially external policies and in the view of many specialists represents one of the most urgent problems for it.

This article uncovers the main problem that fills a special place in interrelations between China and the Central Asian countries – "Uyghur issue" of ethnic separatism. The author believes that considering the fact that possibility of social outburst and interference from outside into settlement of the "Uyghur issue" at present are reduced to minimum, one can expect that in the medium-run the Chinese government would settle the problem of Uyghur separatism in the XUAR. Periodic activation of nationalist Uyghur groups' activities on the Central Asian territory most probably would last out, but on the common background it would lose its efficiency and urgency.

"Prospects of development of Central Asian Cooperation Organization"

by I.K.Zhumasheva, KazISS under the President of the RK, department of external political research, research fellow.

This article is devoted to perspective development of cooperation between the Central Asian countries at the present time. Accumulation of experience of joint actions in certain issues and adjustment of their mechanisms will create foundation for transition to cooperation in more scaled economic and political problems in perspective. At that problems related to coordination of economic interests of member countries and those representing the most reliable foundation for development of long-term and nondiscriminatory stable interaction should be prior. This direction seems to be the most optimal for successful development of the Central Asian Cooperation Organization.

"Internal political situation in Georgia at the present stage"

by A.S.Tyrtkyayeva, KazISS under the President of the RK, department of external political research, research fellow.

This article reviews the main changes taking place in internal political situation in Georgia at the present moment in connection with the coup d'etat that led to resignation of its president E.Shevardnadze and appearance of a new formation of political elite in the country. As a result the power in this country passed into the hands of westernized politicians; this undoubtedly would lead to consolidation of the US political influence in Georgia and throughout Southern Caucasus. Those events led to new exacerbation in relations between Russia and the USA, whose geopolitical interests collided here.

In this connection Georgia entered a tense stage of forming up new balance of forces in the country at present. The author analyzed the main problems that the new country's leadership faces in social-economic and political spheres, as well as possible ways of their settlement.

"To the issue of stages of Central Asian states' integration"

by **M.T.Artykbayev**, *Kyrgyz National University, politology department head, doctor of philosophic sciences, professor.*

In the article the author reviews modern political integration processes in the independent Central Asian states. In conditions of modern globalization, international terrorism, and religious extremism, Central Asia becomes an epicenter of strategic and geopolitical interests of the world powers, as well as regional leaders. At present these new Central Asian states are full-right subjects of international relations.

"Modern trends of the world, leading countries', and the CIS states' economic development"

by **L.Y.Gusseva**, *KazISS under the President of the RK, geo-globalistics and economic security department head*; **T.A.Dmitriyenko**, *KazISS under the President of the RK, geo-globalistics and economic security department senior research fellow*; **M.N.Namazbekov**, *KazISS under the President of the RK, geo-globalistics and economic security department senior research fellow.*

Depth of interrelations between the main subjects of the world economy – the states – serve as a base for determining modern trends in the world economic development. The state of global economy depends namely on the results of economic policy carried out by the leading countries in external direction, as well as internally. Such states at present include: the United States of America, the European Union countries, People's Republic of China, Japan, and the CIS states.

This prompts the need for a detailed analysis of the leading countries' main economic showings characterizing their economic position, including gross domestic product (GDP) dynamics, industrial production, investment, and foreign trade (exports and imports).

Results of this analysis allow determining modern economic position of the leading countries and common trends of the world economic development, as well as making forecasts for the perspective – all this is critically important for strategic solutions in external economic policy of the Republic of Kazakhstan.

"Formation and development of multinational corporations as decisive factors of globalization"

by **Y.S.Karibdzhanov**, *Assistant professor, Ph.D. in Economic Sciences.*

Development of production competitiveness within economic blocs boosts growth of national economies of an integration group member states thanks to efficient placement of production resources. This growth favors active introduction of the newest technological innovations into industrial production processes by multinational corporations for higher productivity and competitiveness of products. Optimization of regional division of labor allows multinational corporations to increase specialization on the kinds of activity where they have greatest advantages, and create product's added value through increasing production process's science intensity.

"Foreign experience of innovation policy: lessons for Kazakhstan"

by **R.Z.Alaguzov**, *Kazakh National Al-Farabi University, probation researcher.*

The author carried out comparative analysis of the main functions of foreign countries' innovation policy. The most important factor for the development of innovation activity concerns intellectual property and protection of its rights. Efficient economic turnover of intellectual property in conditions of balance of rights and interests of legal relationship subjects is able to provide unity of demand and supply of results of intellectual activities, development of scientific technical research, its industrial realization, as well as production and consumption of new competitive goods and services.

"Evaluation of modern state of ferrous metallurgy and possible ways of its development"

by **U.Zh.Aliyev**, *"Turan" University, pro-rector for scientific studys, Assistant professor, Ph.D. in Economic Sciences*, **Zh.D.Izbembetova**, *"Turan" University, post graduate student.*

Ferrous metallurgy that functions with own sources of raw materials is one of the most important branches within the structure of Kazakhstan's industry. Ferrous metals remain the main construction material in industries and most of construction work. Technical innovation in machine-building, electronics, chemistry, atomic energy, defense complex, and consumer goods production can hardly be realized without it. In the article the author analyzes problems and perspectives of ferrous metal market of the Republic of Kazakhstan within the framework of industrial production.

"Problems of grain export potential formation and development in the Republic of Kazakhstan"

by **S.A.Aigozhina**, *Academy of Sciences of the Ministry of Education and Science of the RK, Institute of Economy, competitor for Ph.D. degree*

This article is devoted to problems of formation and development of Kazakhstan's export potential. This circumstance requires independent consideration, as the role of exports in the grain market is of great importance. This is related to such specific characters of the grain market as low profitability of agriculture and its high dependence on weather-climatic factors; this makes the role of external market very important for maintenance of profitability over a long period. So this industry's export potential should always be among prior issues for the state.

"Democracy and social inequality: Kazakhstan in the list of western sociology"

by **A.Taizhanov**, *Committee on international affairs, defense, and security of the Parliament Senate of the RK, assistant of chair, Master in Social Sciences.*

In his article the author reviews foundation of democratic relations and social inequality in the Kazakhstani society in the light of western sociology. In political and sociological meaning democracy inevitably faces confrontation in society based on the system of social inequality. No matter how minutely we define the term of "democracy", it would not have sense until it contains the term of "power of majority" in it, or at least, involvement of the majority in power. As applied to our reality we should make useful conclusions: great layer of research carried out by western sociologists on the problem of correlation between democracy and social inequality requires very thorough studying. Numerous investigations in Eastern Europe, Latin America, and the Caribbean countries were carried out excellently; at that many of those countries got rid of the status of colonies in comparatively recent time and have small "democratic record" – this might be very interesting and useful for explanation of social phenomena taking place in our young democratic republic.

"Combating corruption: the world experience and Kazakhstan"

by **A.K.Azimbayev**, *Kazakh National Abai Pedagogical University, department of politology and sociology, competitor for Ph.D. degree.*

For the time present the problem of corruption is one of the most topical issues that is urgent not only for Kazakhstan, but also for the majority of countries. Evidently, corruption as a phenomenon has deeper social roots. It is characteristic for all countries to a variable degree. In this respect studying of the world practice in combating corruption is very important for scientific grounding and application of appropriate experience in the Kazakhstani reality. For this reason, firstly, well-coordinated work of state authorities with each other, and, secondly, permanent interaction of those authorities with institutions of civil society are important conditions for optimal implementation of policy of combating corruption in any state.

"Regionalization and ethnopolitics (on materials from East Kazakhstan oblast)"

by **Z.Bukanova**, *Internal politics department head*

This article is devoted to regionalization and ethnic political relations in the Republic of Kazakhstan. Regionalization gradually gains prior place in Kazakhstan's internal policy. Studying

of roles and functions of the Center and regions obtain practical urgency in connection with further expansion of local state administrations' authority in settlement of issues related to territorial development and organization of efficient management on lower levels. This circumstance can become a positive phenomenon as it allows the regions to develop with consideration of their natural-geographic, social-economic, and other specificity.

"Method of human trafficking scientific investigation"

by A.U.Sydykova, "Strategiya" analytical center, competitor.

Gathering initial information in studying human trafficking is more complicated than research of many other social-political phenomena available for direct observation and studying; human trafficking investigation through methods of politology, undoubtedly, yield to its main patterns.

In the view of completeness and reliability of received information, peculiarities of theoretical investigation of human trafficking include complexity of receiving initial information, peculiarity of interaction with people directly involved in trafficking, confidentiality and anonymity of any received information, overcoming own social stereotypes by a researcher, as well as respect to a person who informs about one's trafficking. The article is devoted to methods, strategy, and way of scientific investigation of human trafficking.

Журнал «Казахстан-Спектр»

№ 1, 2004

- Азимбаев А.К. – соискатель кафедры политологии и социологии КазНПУ имени Абая
Айгожина С.А. – соискатель Института Экономики Академии наук Министерства образования и науки Республики Казахстан
Алагузов Р.Ж. – стажер-исследователь КазНУ имени Аль-Фараби
Алиев У.Ж. – доцент, проректор по науке Университета «Туран», кандидат экономических наук
Артыкбаев М.Т. – заведующий кафедрой политологии Кыргызского Национального университета, доктор философских наук, профессор
Буканова Ж. – начальник отдела Департамента внутренней политики
Галямова В.Ф. – старший научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
Гусева Л.Ю. – заведующая отделом геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Дмитриенко Т.А. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Жумашева И.К. – научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
Избембетова Ж.Д. – аспирантка Университета «Туран»
Карибжанов Е.С. – доцент, кандидат экономических наук
Лаумулин М.Т. – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук
Намазбеков М.Н. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Сыдыкова А.У. – соискатель Аналитического центра «Стратегия»
Тайжанов А. – помощник Председателя Комитета по международным делам, обороне и безопасности Сената Парламента РК, магистр социологии
Тукумов Е.В. – заведующий отделом внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
Тыртыева А.С. – научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК